

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 4

Июль – Август 2002

Том 8

Москва

Ядерный Контроль. № 4. Июль – Август 2002

Содержание

Редакционная статья	
Майские встречи на высшем уровне: время собирать камни	3
Горячая тема	
Юрий Федоров. Новая парадигма российско-американских отношений	4
Документы	
Подготовительный комитет Конференции 2005 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. Фактологическое резюме, подготовленное Председателем	9
Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов	15
Совместная декларация президента В.В. Путина и президента Дж. Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки	16
Круглый стол	
Владимир Барановский, Дмитрий Евстафьев, Ирина Звягельская, Эмиль Паин, Роланд Тимербаев, Иван Тюлин, Юрий Федоров. Международный терроризм: предпосылки, идеология и методы противоборства	20
Полемика	
Роберт Айнхорн, Гэри Сеймур. Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы	34
Комментарий	
Роланд Тимербаев. Конференция 2005 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия: как идет подготовка к конференции	51
Владимир Хлебников. Дополнительному протоколу к соглашению между государствами и МАГАТЭ о применении гарантий – пять лет	57
Обзор	
Антон Хлопков. Образование в области разоружения и нераспространения: время действовать	60
Мортен Бремер Маэрли. Совместное с США укрепление систем безопасности на Военно-Морском флоте России: извлеченные уроки и дальнейшие меры	72
Книжные новинки	87
Summary	88
Об авторах	91

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.****Контроль над вооружениями****Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)****ISSN 1026-9878****№ 4 (64), Том 8****Июль – Август 2002 г.****Издается с ноября 1994 г.****Выходит шесть раз в год****Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати****Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.****Редакционная коллегия:**

Владимир Дворкин
 Дмитрий Евстафьев
 Василий Лата
 Евгений Маслин
 Владимир Орлов
 Роланд Тимербаев
 Юрий Федоров

Редакция:

Владимир Орлов, главный редактор
 Валентина Березницкая, помощник редактора
 Карина Фуралева, технический редактор
 Дмитрий Ковчегин, корреспондент
 Елена Полидва, секретарь редакции
 Вячеслав Зайцев – бухгалтерия
 Виктор Меримсон – производство
 Олег Кулаков – компьютерное обеспечение
 Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 123001, Москва,
 Трехпрудный пер., д. 9, стр. 1Б

редакция *Ядерного Контроля***Телефон редакции:** +7–095–234–0525

(многоканальный)

Факс: +7–095–234–9558**Представительство в интернете
и электронная версия журнала (сокращенная):**<http://www.pircenter.org>**Электронная почта:**info@pircenter.org (общие вопросы)orlov@pircenter.org (письма редактору)fedorov@pircenter.org (полемика)kovchegin@pircenter.org (информация)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Димитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Звездном Городке, Зеленогорске, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Мурманске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Одинцово, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Твери, Томске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Арлингтоне, Атланте, Афинах, Бирмингеме, Бонне, Бостоне, Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Женеве, Иерусалиме, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Праге, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Тель-Авиве, Токио, Франкфурте, Чикаго и Шарлотсвиле

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. **Подписку** можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7–095–234–0525. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to Maria Vernikova +7–095–234–9558 (fax) or info@pircenter.org.

Тираж 2500 экз.**Подписано в печать 6 июня 2002 г.****Отпечатано в России**

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя.
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редколлегии ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов.
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда У. Олтона Джоунса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Фонда Плаушер и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Андрей В. Загорский, член Совета

Евгений П. Маслин, член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Юрий А. Рыжов, член Совета

Роланд М. Тимербаев, председатель Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

© ПИР-Центр, 2002

Ядерный Контроль. № 4. Июль – Август 2002

Редакционная статья**МАЙСКИЕ ВСТРЕЧИ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ:
ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ**

Российско-американский саммит в мае 2002 года, а также состоявшиеся сразу же вслед за ним заседание Совета Россия – НАТО и встреча Россия – Европейский союз важны в нескольких отношениях. Эти встречи на высшем уровне подтвердили и, будем надеяться, закрепили линию на преодоление конфронтации между Россией и государствами Запада, характерной для рубежа XX и XXI веков. Фактически подведена черта под острыми дискуссиями относительно противоракетной обороны и расширения Североатлантического альянса на восток. Противоречия по этим проблемам отравляли международный климат на протяжении последних нескольких лет. Осуществление же Россией политических и военных «контрмер» в ответ на выход США из Договора по ПРО или приглашение в НАТО Литвы, Латвии и Эстонии грозило обернуться затяжным тяжелым кризисом, напоминавшим худшие времена холодной войны.

Заложены, хотя и частично, концептуальная, правовая и институциональная основы новой модели отношений между Россией и государствами Запада. В этом плане особенно важны Декларация о новых стратегических отношениях между Россией и США, учреждение Совета Россия – НАТО, Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, трансформация российско-американской Рабочей группы по Афганистану в Рабочую группу по борьбе с терроризмом, создание Россией и США Консультативной группы по вопросам стратегической безопасности. Зафиксированы приоритетные области сотрудничества между Россией и ее западными партнерами. Среди них особое значение имеют совместное противодействие международному терроризму, распространению оружия массового уничтожения и средств его доставки, а также разработка систем противоракетной обороны.

Итоги майских встреч ясно обозначили вектор российской стратегии на мировой арене, подтвердили, что именно Владимир Путин определяет ее принципиальные установки. В частности, есть немало оснований полагать, что лишь политические решения президента России позволили устранить несколько крупных препятствий, блокировавших подготовку Договора по стратегическим наступательным потенциалам. Это, в свою очередь, расставило точки над «i» в идущей в России интенсивной дискуссии по вопросам внешней политики и безопасности.

Не менее важен зафиксированный в майских договоренностях подход США к российско-американским отношениям. Ясно проявилась заинтересованность Вашингтона в сотрудничестве с Россией по широкому кругу проблем международной безопасности: от борьбы с терроризмом до охраны окружающей среды. Это невозможно объяснить личной симпатией президентов Буша и Путина. Судя по всему, в Вашингтоне понимают, что новая глобальная ситуация, в том числе характер угроз, типичных для начала XXI века, диктуют необходимость совместных действий, а в перспективе – союзнических отношений с Россией. Видимо, этим объясняются серьезные уступки со стороны США, прежде всего сам факт заключения юридически обязывающего договора по стратегическим вооружениям.

Однако майские договоренности – необходимое, но далеко не достаточное условие формирования новых отношений между Россией и Западом. Необходимо реализовать содержащийся в них потенциал. Иными словами, наступило «время собирать камни», разбросанные во множестве во второй половине 1990-х годов. Между тем и на Западе, и особенно в России есть немало желающих принизить значение майских договоренностей, более того – саботировать их осуществление. За этим стоит не только параноидальное мышление, унаследованное от тоталитарного прошлого, в том числе постоянные поиски врагов и неких закулисных «кукловодов», плетущих всемирные заговоры. Гораздо серьезнее, что влиятельные группировки бюрократии и военного руководства не хотят или не могут адаптироваться к новым условиям, перестать готовиться к войнам прошлого и сосредоточиться на парировании реальных угроз.

Горячая тема**НОВАЯ ПАРАДИГМА РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ****Юрий Федоров**

Начавшееся после саммита в Любляне улучшение российско-американских отношений поставило отнюдь не простой вопрос: будут ли они развиваться в соответствии с моделью, типичной для периодов разрядки времен холодной войны, или необходимо найти их новую парадигму, соответствующую ситуации, складывающейся на мировой арене в начале XXI века?

В первом случае в эпицентре этих отношений должны находиться проблемы контроля над вооружениями, причем главные усилия должны быть сосредоточены, как и ранее, на обеспечении «взаимного гарантированного уничтожения» и, следовательно, паритета, понимаемого как количественное равенство стратегических ядерных возможностей России и США. В представлениях значительной части российского политического класса это должно быть дополнено установлением некоей зоны исключительного влияния России на пространстве бывшего Советского Союза, игрой на противоречиях между США, Китаем и Европой при сохранении соперничества с Соединенными Штатами в ряде районов «третьего мира». Такое видение мира и российско-американских отношений характерно, например, для так называемой «многополюсной концепции», выработанной во второй половине 1990-х гг. Евгением Примаковым и его окружением.

Во втором случае центром тяжести российско-американских отношений в сфере безопасности должен стать не традиционный контроль над вооружениями, нацеленный на обеспечение «взаимного гарантированного уничтожения», но совместные акции там и тогда, где и когда возникают общие угрозы и вызовы. О необходимости такого подхода много говорилось в Вашингтоне после прихода к власти республиканской администрации. При этом имелся в виду, помимо всего прочего, демонтаж правовой основы «взаимного гарантированного уничтожения», прежде всего Договора по ПРО. Последнее вызвало острое недовольство в Москве и служило, наряду с перспективой расширения НАТО, главным раздражителем российско-американских отношений.

Итоги майского саммита

Встреча российского и американского президентов в Любляне стала началом очень непростого процесса, имевшего две главные составляющие. Первая – поиски путей предотвращения нового раунда конфронтации, который мог возникнуть в результате жесткой реакции России на выход США из Договора по ПРО и приглашение в НАТО новых независимых государств Балтии. Вторая – медленное формирование новой системы отношений, свободной от противостояния и «взаимного гарантированного уничтожения». Последнее основывалось на понимании того, что жизненно важные интересы двух государств, по сути дела, не сталкиваются друг с другом; наоборот, – они все более совпадают, особенно когда речь идет о противодействии терроризму, распространению оружия массового уничтожения и другим угрозам, типичным для нынешнего столетия. Этот процесс ускорился после трагических событий 11 сентября 2001 г., но до сих пор находится на своем начальном этапе. Как отметил Владимир Путин, свое логическое развитие и практическое воплощение получили принципиальные договоренности, достигнутые еще в Вашингтоне и Кроуфорде в ноябре прошлого года.

На майской встрече президентов США и России произошел принципиальный концептуальный прорыв. В принятых документах сформулированы ключевые положения, свидетельствующие об отходе от традиционных формул разрядки напряженности и о переходе к новой, не конфронтационной модели отношений. В Декларации о новых стратегических отношениях между Россией и США, подписанной Владимиром Путиным и Джорджем Бушем, в частности, подчеркивается, что нынешняя ситуация в области безопасности коренным образом отличается от эпохи холодной войны. Президенты двух государств констатировали, что «новые глобальные вызовы и угрозы требуют качественно новой основы отношений». Они подчеркнули, что «эпоха, когда Россия и США рассматривали друг друга как врага или стратегическую угрозу, закончилась», отвергли «показавшую свою

несостоятельность модель соперничества великих держав, которое может только усилить конфликтный потенциал в Центральной Азии и на Южном Кавказе».

Президенты России и США обозначили также области сотрудничества двух государств. Среди них – борьба с терроризмом, региональной нестабильностью, предотвращение распространения оружия массового уничтожения и ракет, содействие урегулированию конфликтов на Ближнем Востоке и на Южном Кавказе. Показательно, что вместо споров по Договору по ПРО Владимир Путин и Джордж Буш продемонстрировали намерение изучить возможность сотрудничества в области противоракетной обороны, включая возможные программы совместных исследований и разработок.

Было бы, разумеется, наивным считать, что новые отношения между Россией и США будут складываться без сложностей и противоречий. Так, сохраняются разногласия относительно ядерного сотрудничества России и Ирана. Но они, при всей своей значимости, не могут сорвать движение от конфронтации к сотрудничеству и, в перспективе, к союзническому взаимодействию Москвы и Вашингтона. Но именно учитывая пока еще хрупкий новый политический контекст российско-американских отношений, важно при обсуждении иранской темы воздерживаться от давления, санкций и ультимативных деклараций. При этом вряд ли можно надеяться, что столь деликатная проблема будет решена «в один присест». Скорее понадобится серия шагов и частичных решений, учитывающих американские озабоченности, энергетические потребности Ирана и интересы России в регионе.

Провозглашая принципы взаимоотношений, свободных от философии «взаимного гарантированного уничтожения», Россия и США подписали тем не менее Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, который несет на себе явный отпечаток подходов и принципов, характерных для традиционного контроля над вооружениями. Так, статья II этого Договора провозглашает, что «договор о СНВ остается в силе в соответствии с его положениями». Между тем Договор СНВ-1 является классическим образцом эффективного соглашения, предназначенного именно для обеспечения «взаимного гарантированного уничтожения». Нельзя не заметить, что многие

эксперты, как в России, так и в США, оценивают новый Договор исходя из того, насколько полно он соответствует принципам и логике традиционного контроля над вооружениями, свойственного временам холодной войны.

Двойственный характер итогов майского саммита отражает, как можно предположить, специфику нынешнего этапа строительства новых российско-американских стратегических отношений, особенности внутривнутриполитической ситуации в России и США, а также незавершенность и динамизм процессов, протекающих на международной арене.

Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов: шаг вперед или шаг назад?

Показательно, что в центре полемики вокруг майского саммита находится не Декларация, в которой содержатся принципиальные политические установки, но Договор по стратегическим наступательным потенциалам. Тональность этой дискуссии достаточно ярко характеризует политический и психологический контекст, в котором формируются новые российско-американские стратегические отношения. Эксперты, особенно в России, в большинстве своем разделяют одну из двух точек зрения: новый Договор либо совсем плох, либо он хотя и плох, но все-таки приемлем. В то же время Договор, даже если его оценивать с точки зрения традиционных критериев, в полной мере отвечает российским интересам.

Прежде всего, подписанный 24 мая 2002 г. Договор юридически обязывающим образом сокращает разрыв между уровнями стратегических ядерных вооружений России и США. Известно, что по экономическим причинам к 2012 г. российский стратегический потенциал существенно сократится. Западные эксперты обычно полагают, что Россия будет иметь около 1 000 стратегических боеголовок, российские же называют иногда большие цифры, например, 1 900–2 200 боевых блоков¹. Эти расхождения обусловлены в основе своей различными оценками ресурсов, которые могут быть выделены для закупки новых стратегических вооружений и поддержания в надлежащем состоянии уже существующих. Иными словами, через десять лет соотношение уровней стратегических потенциалов России и США может быть в пределах от 1:1 до 1:2. Но если бы нового Договора не было, то США сохранили бы полную (в юридическом смысле) свободу действий и без особых

усилий могли бы поддерживать нынешний уровень своего стратегического потенциала. В этом случае их отрыв от России составил бы, как минимум, 4 000 боевых блоков.

Далее, новый Договор основывается на подписанном в 1991 г. Договоре СНВ-1. Помимо всего прочего это снимает опасения некоторых российских военных относительно недавно появившейся американской формулы «оперативно развернутые боезаряды», которой нет ни в новом Договоре, ни в Договоре СНВ-1. В России же нередко считали, что, вводя эту формулу, Пентагон стремится вывести из-под сокращений некую часть своих стратегических вооружений, объявив их не входящими в состав «оперативно развернутых» систем.

Кроме того, Россия получила право свободно определять структуру своих стратегических ядерных сил. Более того, в нынешней ситуации Россия может развернуть новые МБР, оснащенные многозарядными головными частями. Это устраняет одну из серьезных озабоченностей российского военного руководства, которое откровенно тяготилось положением Договора СНВ-2, запрещающим такое оснащение.

Главный недостаток, который чаще всего приписывают Договору по стратегическим наступательным потенциалам, в том, что он не ликвидирует ядерные боезаряды. Необходимо, однако, иметь в виду, что договоренность о ликвидации боезарядов, снимаемых со стратегических носителей, потребовала бы установления жесткой системы контроля за всем жизненным циклом ядерных боеголовок, причем не только стратегических, но и тактических. На это ни Россия, ни США пойти не готовы.

Другой упрек – США сохраняют значительный «возвратный потенциал», т.е. могут вновь развернуть на стратегических носителях часть снятых с них ранее боезарядов. Теоретически это правильно. Однако проблема «возвратного потенциала» отнюдь не нова. Она играла немалую роль при подготовке и обсуждении Договоров СНВ-1 и СНВ-2 и не была разрешена полностью ни в одном из них. Но и в том и в другом случае о ней благополучно забывали, как только эти соглашения были подписаны. Кроме того, сокращается или переоборудуется для решения неядерных задач часть американских стратегических носителей. В целом же, по подсчетам действительно квалифицированных российских экспертов, американский

«возвратный потенциал» может составить около тысячи боезарядов, что не нарушает стратегический паритет и намного меньше цифр, которыми запугивают российское общественное мнение противники этого Договора².

В свете этого возникает вопрос: почему, собственно, новый Договор стал объектом достаточно жесткой критики? Причин, видимо, несколько. Прежде всего, он является заключительным аккордом в длительной политической кампании, связанной с выходом США из Договора по ПРО. Критики нынешней американской администрации как внутри, так и вне США всерьез рассчитывали, что Москва пойдет на резкое обострение международной напряженности после соответствующего решения Белого дома. Это дало бы серьезные аргументы политическим соперникам Джорджа Буша в самих Соединенных Штатах. За пределами США имелось немало политиков, стремившихся использовать в своих интересах новое столкновение России и Соединенных Штатов. В России также были и есть влиятельные группы, делающие ставку на обострение отношений с США. Среди их мотивов – советский менталитет, в том числе тотальная подозрительность, унаследованная от периода «большого террора»; слабое знакомство с реалиями мировой политики; ведомственные интересы, внутривнутриполитические расчеты и т.п. И тот факт, что Кремль всех их разочаровал, не может не вызывать скепсис и раздражение.

Важно учитывать и другое. Далеко не все в нынешней американской администрации и близких к ней кругах были согласны с самим фактом подписания какого-либо соглашения с Россией, ограничивающего свободу действий США в строительстве вооруженных сил, в том числе ядерных. Возможно, это порождается своего рода упоением от первых успехов США в Афганистане, расчетами на то, что сегодня и в обозримом будущем Соединенные Штаты, будучи самой мощной в военном и экономическом отношениях державой, могут в одиночку решать все проблемы национальной и международной безопасности. История, однако, свидетельствует, что такого рода иллюзии обычно заводят внешнюю политику в опасные тупики. И потому президенту Бушу понадобилась, как можно предположить, серьезная политическая воля, чтобы учесть позицию Кремля, заинтересованного в этом Договоре, открывая тем самым дорогу к сотрудничеству в других областях.

Впрочем, споры, идущие сегодня относительно Договора по стратегическим наступательным потенциалам, попытки трактовать и оценивать его с позиций «традиционного» контроля над вооружениями, нацеленного на обеспечение «взаимного гарантированного уничтожения», все менее сопряжены с реальностью новых отношений России и США. Дискуссии о «возвратном потенциале», правилах засчета и прочих тонкостях, имевшие смысл в период холодной войны, после ее прекращения все более напоминают рассуждения средневековых схоластов, размышлявших о том, сколько дьяволов могут поместиться на кончике иглы.

«Постконфронтационное сдерживание»

Конечно, ядерные стратегии России и США определяются далеко не только спецификой двусторонних отношений. Отвечая на вопрос, почему Россия будет и дальше производить ядерное оружие, Владимир Путин не случайно заметил: «Кроме Соединенных Штатов и России, есть и другие державы, которые обладают ядерным оружием. Что еще более настораживает – есть страны, которые стремятся к приобретению средств массового уничтожения».

И все же нередко можно услышать следующий тезис: допустим, что холодная война действительно ушла в прошлое, пусть даже в России и США вызывают беспокойство «другие страны, обладающие ядерным оружием», но тем не менее российские и американские стратегические ракеты в большинстве своем нацелены друг на друга. А потому, несмотря на политические декларации и заявления, ядерное сдерживание сохраняется и, следовательно, рано списывать со счетов стратегию «взаимного гарантированного уничтожения», паритет и прочие атрибуты военной политики прошлого. Это ставит принципиально важные вопросы: какова природа ядерного сдерживания в российско-американских отношениях после холодной войны? Является ли оно имманентным следствием самого факта существования ядерного оружия? Можно ли ставить знак равенства между сдерживанием периода холодной войны и сдерживанием, присущим нынешнему этапу международных отношений?

Ответ на эти вопросы, как представляется, дает фундаментальная формула Карла фон Клаузевица: «война есть только продолжение политики иными средствами». Применение ее к анализу ядерного сдерживания приводит к

принципиально важному выводу: его специфика и перспективы порождаются особенностями политическими взаимоотношений. Холодная война была столкновением несовместимых систем ценностей, непримиримых политических интересов и вытекающих из них стратегий. В этих условиях ядерное сдерживание и возникшая на его основе ситуация «взаимного гарантированного уничтожения» были имманентными и полезными атрибутами международной политики и стали единственным средством, предотвратившим эскалацию политического конфликта в мировую войну.

Поражение коммунистической системы и соответственно прекращение холодной войны означали окончание антагонистического столкновения идеологических установок и политических интересов. В итоге ядерное сдерживание в российско-американских отношениях порождается сегодня не реальными противоречиями, но опасениями, что былой конфликт может возобновиться, интеллектуальной инерцией и групповыми интересами, связанными с поддержанием определенного уровня конфронтации.

Если от этих общих формул перейти к политической конкретике, то ситуация выглядит достаточно просто. В США опасаются, что в России рано или поздно может прийти к власти экстремистский коммунистический или военно-фашистский режим, делающий ставку на ядерную конфронтацию с Соединенными Штатами. В этих условиях сотрудничество с Россией и, следовательно, определенная зависимость от нее в вопросах безопасности могут в перспективе оказаться опасными для Соединенных Штатов. Нельзя не признать, что воинственные антиамериканские жесты и рассуждения, свойственные на протяжении последних лет видным представителям российской военной, политической и академической элит, подогревали такого рода опасения. Свою роль играют и экономические интересы американского ВПК, видящего в российской военной промышленности не столько возможных партнеров, например в совместном создании систем ПРО, сколько конкурентов.

В России же поиски врага в лице США не только отвечали интересам влиятельных группировок, но и позволяли объяснять те или иные провалы вне и внутри страны кознями враждебных внешних сил, да и в целом

соответствовали менталитету значительной части российского истеблишмента и общественного мнения.

Однако все эти факторы являются преходящими, качественно отличаются от политико-идеологического конфликта, вылившегося в холодную войну. Поэтому нынешнее сдерживание можно назвать «постконфронтационным» или «остаточным». Его перспективы зависят от способности высшего руководства России и США преодолеть влияние сил и кругов, по тем или иным причинам заинтересованных в конфронтации, поставить на первое место сотрудничество в тех областях, где интересы двух государств совпадают. Если события будут развиваться в этом направлении, то ядерное сдерживание в российско-американских отношениях будет постепенно ослабевать и отмирать. Но если верх в России или США возьмут силы, заинтересованные в конфронтации, то ядерное сдерживание, бесспорно, сохранится.

Для России конструктивное развитие отношений с Соединенными Штатами

является жизненно важным. Военно-политическая конфронтация с США и, следовательно, с Западом в целом неизбежно обернется новой гонкой вооружений, поглощающей, как это уже было в прошлом, весьма ограниченные экономические ресурсы страны. Это, разумеется, отвечает интересам военно-промышленного комплекса, но потребует перехода к так называемой мобилизационной экономике, приводящей к свертыванию рыночных реформ, массовым реквизициям, столкновениями между различными сегментами элиты и падению жизненного уровня большей части населения. Если подобные процессы будут развиваться, то под угрозой окажется само существование России как единого государства. Видимо, в Кремле достаточно ясно осознали эту перспективу. Сегодня проблема в том, чтобы реализовать созданный майским саммитом потенциал новых стратегических отношений Москвы и Вашингтона. ■

¹ Виктор Есин. Опасения напрасны. *Независимое военное обозрение*. 2002, 24 мая. №16.

² Там же.

Вышли в свет в мае – июне 2002 года

- *Ядерный Контроль*. Том 8, № 3. Май–Июнь 2002. В номере: Джон Вольфстал, Роуз Геттемюллер, Роланд Тимербаев, Юрий Федоров «Новые стратегические взаимоотношения между Россией и США: проблемы и перспективы»; Юрий Федоров «Periculum est in mora»; Евгений Кармазин, Василий Лата «Некоторые аспекты международно-правового ограничения противоположной деятельности государств на современном этапе»; «Об установлении партнерства между Россией и США в вопросах обороны и безопасности»; Георгий Мамедов, Александр Орлов, Максим Пядушкин, Юрий Голотюк, Александр Шкляр, Сергей Черных, Валерий Чебан, Михаил Смирнов, Константин Рейтор «Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России»; Виктор Есин «О военной реформе в Российской Федерации»; Тенгиз Борисов, Светлана Ковалева «Захоронение отравляющих веществ на дне Балтийского и Северного морей после Второй мировой войны». Цена 1500 руб.
- *Digest of the Russian Nonproliferation Journal Yaderny Kontrol (Nuclear Control)*. Vol.7, No.3. Summer 2002. В номере: Александр Савельев. «США пересматривают свою стратегию ядерного сдерживания?»; Роберт Айнхорн, Гарри Саймор «Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы»; Юрий Федоров «Субстратегические ядерные вооружения: их роль в военной доктрине»; Джон Вольфстал, Роуз Геттемюллер, Роланд Тимербаев, Юрий Федоров «Новые стратегические взаимоотношения между Россией и США: проблемы и перспективы». Цена 1500 руб.

См. также с. 59

Документы**ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ 2005 ГОДА ПО
РАССМОТРЕНИЮ ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРА О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ
ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ****Фактологическое резюме, подготовленное Председателем**

1. Государства-участники подтвердили, что Договор о нераспространении ядерного оружия является краеугольным камнем глобального режима нераспространения и важнейшей основой для дальнейших усилий в области ядерного разоружения. В нынешней международной обстановке, когда безопасности и стабильности – как на глобальном, так и на региональном уровнях – по-прежнему угрожает распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, сохранение и укрепление Договора о нераспространении имеет жизненно важное значение для обеспечения мира и безопасности.

2. Государства-участники подчеркнули свою приверженность эффективному осуществлению задач, поставленных в Договоре, решений и резолюции, принятых на Конференции 1995 года по рассмотрению и продлению действия Договора, и принятого консенсусом Заключительного документа Конференции 2000 года по рассмотрению действия Договора.

3. Государства-участники подчеркнули далее, что неизменная поддержка усилий по обеспечению всеобщего присоединения к Договору имеет существенно важное значение. Они призвали те четыре государства, которые до сих пор не охвачены Договором, – Израиль, Индию, Кубу и Пакистан, – и в особенности те три государства, которые эксплуатируют не поставленные под гарантии ядерные объекты, без всяких условий присоединиться к Договору в качестве государств, не обладающих ядерным оружием. Была выражена озабоченность по поводу осуществляемых сейчас в различных районах, в том числе в тех государствах, которые не являются участниками Договора, программ создания ядерного оружия и ракетных программ.

4. Было подчеркнуто, что наилучшим способом укрепления режима нераспространения является полное соблюдение всеми государствами-участниками положений Договора.

5. Прозвучало общее мнение о том, что террористические нападения, совершенные 11 сентября 2001 года, сделали еще более

насутными общие усилия всех государств в области разоружения и нераспространения. Было высказано мнение о том, что для предотвращения использования ядерных материалов и технологий в преступных/террористических целях настоятельно необходимо обеспечить дальнейшее укрепление и усиление режима нераспространения. Как было признано, повышение эффективности режимов нераспространения, охватывающих все виды оружия массового уничтожения, включая усилия, прилагаемые Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ), является наиважнейшей составной частью борьбы с терроризмом.

6. Многосторонность была особо отмечена как один из ключевых аспектов усилий в области разоружения и нераспространения, направленных на поддержание и укрепление универсальных норм и расширение сферы их охвата. Было заявлено о решительной поддержке укрепления существующих многосторонних договоров. Была подчеркнута необходимость разработки договоров и других международных соглашений, которые соответствовали бы современным угрозам миру и стабильности.

7. Было высказано мнение о том, что Договор следует рассматривать в его более широком контексте взаимосвязанных обязательств и реально ощутимого прогресса на пути к ядерному разоружению. Если со временем статья VI не будет осуществлена, то Договор, в котором нераспространение и разоружение носят взаимосвязанный и взаимоукрепляющий характер, утратит свою реальную ценность.

8. Было подчеркнуто важное значение повышенной транспарентности в отношении потенциалов ядерного оружия и осуществления соглашений согласно статье VI и в качестве добровольной меры укрепления доверия для содействия дальнейшему прогрессу в области ядерного разоружения. Было особо указано на то, что демонстрация всеми государствами-участниками подотчетности и транспарентности в отношении мер в области ядерного разоружения по-прежнему является

одним из основных критериев оценки действия Договора.

9. Государства-участники подтвердили приверженность осуществлению статьи VI Договора и пунктов 3 и 4(с) решения 1995 года «Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения», а также Заключительного документа Конференции 2000 года по рассмотрению действия Договора. Было выражено разочарование по поводу незначительности прогресса, достигнутого в осуществлении практических шагов по обеспечению систематических и последовательных усилий по осуществлению статьи VI Договора и пунктов 3 и 4(с) решения 1995 года «Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения», согласованных на Конференции 2000 года по рассмотрению действия Договора. Было также отмечено, что лучше всего достичь цели ядерного разоружения можно путем осуществления серии сбалансированных, постепенных и подкрепляющих друг друга шагов.

10. Государства, обладающие ядерным оружием, информировали государства-участники о мерах, принятых ими в соответствии со статьей VI Договора, в частности о сокращении арсеналов ядерного оружия, ослаблении опоры на ядерное оружие и об отказе от разработки новых типов ядерного оружия.

11. С чувством озабоченности и неопределенности были отмечены существующие ядерные арсеналы, новые подходы к будущей роли ядерного оружия и возможное появление ядерного оружия нового поколения.

12. Была подтверждена решительная поддержка в отношении Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, выраженная в Заключительной декларации, принятой на Конференции по содействию вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, состоявшейся 11–13 ноября 2001 года. Были подчеркнуты важное значение и насущная необходимость скорейшего вступления Договора в силу. К государствам, которые еще не ратифицировали Договор, особенно к тем оставшимся 13 государствам, ратификация Договора которыми является необходимостью, и, в частности, к тем двум оставшимся государствам, обладающим ядерным оружием, ратификация Договора которыми является необходимым

предварительным условием вступления Договора в силу, был обращен настоятельный призыв сделать это без промедления. Государства подтвердили важное значение сохранения моратория на испытательные взрывы ядерного оружия и любые другие ядерные взрывы. Государства-участники отметили прогресс, достигнутый Подготовительной комиссией Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний в создании международной системы мониторинга.

13. Была выражена озабоченность по поводу того, что решение Соединенных Штатов Америки выйти из Договора об ограничении систем противоракетной обороны и создание систем противоракетной обороны могут привести к новой гонке вооружений, в том числе в космическом пространстве, и негативно сказаться на стратегической стабильности и международной безопасности. Была выражена надежда на то, что двусторонние переговоры между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией о выработке новых стратегических рамок будут способствовать дальнейшему укреплению международной стабильности.

14. Государства-участники приветствовали прозвучавшее в декабре 2001 года заявление о том, что Соединенные Штаты и Российская Федерация завершили процесс сокращения своих ядерных арсеналов, предусмотренный в Договоре СНВ-1. Они приветствовали также продолжающиеся двусторонние переговоры между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией относительно сокращения стратегических ядерных вооружений, и многие выразили надежду на то, что такие усилия приведут к заключению юридически обязательного соглашения, включающего в себя положения, обеспечивающие необратимость, контроль и транспарентность.

15. Было подчеркнуто важное значение дальнейших сокращений нестратегических ядерных вооружений на основе односторонних инициатив и в качестве неотъемлемой составной части процесса сокращения ядерных вооружений и разоружения. Прозвучали призывы официально оформить президентские ядерные инициативы 1991 и 1992 годов, касающиеся сокращения нестратегических ядерных вооружений. Было подчеркнуто, что процесс сокращения нестратегических вооружений должен быть продолжен контролируемым и

необратимым образом. Необходимо как можно раньше начать переговоры о дальнейших сокращениях этих вооружений.

16. Государства-участники выразили сожаление по поводу неспособности Конференции по разоружению начать переговоры о недискриминационном, многостороннем и поддающемся эффективному международному контролю договоре о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств и учредить вспомогательный орган, уполномоченный заниматься вопросами ядерного разоружения. К Конференции был обращен настоятельный призыв договориться о программе работы. К государствам, которые еще не сделали этого, был обращен призыв объявить мораторий на производство расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

17. Было подчеркнуто важное значение достижения всеми государствами, обладающими ядерным оружием, договоренностей о том, чтобы поставить, как только это станет практически возможным, расщепляющийся материал, заявленный каждым из них как более не требующийся для военных целей, под контроль МАГАТЭ или другой соответствующий международный контроль, и договоренностей о переключении такого материала на мирные цели.

18. Ряд государств-участников одобрили проводимую в рамках трехсторонней инициативы – с участием МАГАТЭ, Российской Федерации и Соединенных Штатов – работу по разработке способов и методов, позволяющих навсегда поставить излишки ядерных материалов, образующихся в результате демонтажа боеголовок, под гарантии МАГАТЭ. Государства-участники были информированы о том, что Соединенные Штаты уже поставили часть своего расщепляющегося материала под гарантии МАГАТЭ и что Соединенные Штаты и Российская Федерация занимаются разработкой практических мер по осуществлению контроля и инспекций в отношении расщепляющегося материала, включая проверку со стороны МАГАТЭ. Ряд государств-участников отметили также опыт применения гарантий МАГАТЭ для целей контроля за ядерными материалами и высказали мнение о том, что Агентство могло бы играть важную роль в проверке соблюдения соглашения в области ядерного разоружения.

19. Было высказано мнение о том, что усилия по построению мира, свободного от ядерного оружия, должны подкрепляться усилиями по достижению других эффективных соглашений о контроле над вооружениями как на глобальном, так и – особенно – на региональном уровнях.

20. Государства-участники напомнили, что все государства-участники должны регулярно представлять доклады об осуществлении статьи VI, как это предусмотрено в подпункте 12 пункта 15 Заключительного документа 2000 года. Как было подчеркнуто, представление таких докладов будет способствовать, благодаря повышению уровня транспарентности, укреплению доверия в общих рамках режима нераспространения. Мнения по поводу рамок и формата таких докладов разошлись. По мнению одних государств-участников, такие доклады должны представляться, особенно государствами, обладающими ядерным оружием, на каждой сессии Подготовительного комитета и должны включать в себя подробную и всеобъемлющую информацию, например, в стандартизированной форме. Ряд государств-участников выразили заинтересованность в проведении открытых для всех неофициальных консультаций относительно представления докладов в целях выработки предложений для рассмотрения на последующих сессиях Подготовительного комитета. Ряд других государств-участников высказались за то, чтобы решение вопросов, касающихся конкретного содержания, формата и частотности представления докладов, оставлять на рассмотрение каждого из государств-участников.

21. Государства-участники напомнили о Заключительном документе 2000 года и просьбе о том, чтобы все государства-участники, в частности государства, обладающие ядерным оружием, ближневосточные государства и другие заинтересованные государства, представляли через Секретариат Организации Объединенных Наций Председателю Конференции 2000 года по рассмотрению действия Договора, а также тому, кто будет председательствовать на заседаниях Подготовительного комитета, которые состоятся до проведения этой конференции, доклады о шагах, предпринятых ими с целью содействовать созданию зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке и реализации целей и задач, поставленных в резолюции 1995 года по Ближнему Востоку.

22. Были поддержана концепция создания международно признанных зон, свободных от ядерного оружия, на основе договоренностей, добровольно заключенных между государствами соответствующего региона. Был особо отмечен вклад таких зон в укрепление мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях, включая усилия по обеспечению глобального ядерного нераспространения. Как было отмечено, число государств, охватываемых зонами, свободными от ядерного оружия, превысило 100. Создание зон, свободных от ядерного оружия, на основе Договора Тлателолко, Договора Раротонга, Бангкокского и Пелиндабского договоров было признано позитивным шагом на пути к достижению цели обеспечения глобального ядерного разоружения. Было подчеркнуто важное значение вступления в силу существующих договоров о зонах, свободных от ядерного оружия. Были поддержаны усилия, направленные на создание новых зон, свободных от ядерного оружия, в различных районах мира. Было также подчеркнуто, что государства, обладающие ядерным оружием, должны предоставить всем государствам, входящим в такие зоны, гарантии против применения или угрозы применения ядерного оружия. Были поддержаны усилия центральноазиатских стран по созданию зоны, свободной от ядерного оружия, в их регионе. Государства-участники отметили отсутствие какого-либо прогресса в создании зон, свободных от ядерного оружия, на Ближнем Востоке, в Южной Азии и ряде других районов.

23. Что касается вопроса об универсальности, то государства-участники подтвердили важное значение резолюции по Ближнему Востоку, принятой Конференцией 1995 года по рассмотрению и продлению действия Договора, и признали, что эта резолюция сохраняет свою силу до тех пор, пока не будут реализованы поставленные в ней цели и задачи. Эта резолюция является существенно важным элементом итоговых документов Конференции 1995 года и основой, с опорой на которую действие Договора о нераспространении ядерного оружия было бессрочно продлено в 1995 году без голосования. Государства-участники вновь заявили о своей поддержке создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, а также от других видов оружия массового уничтожения. Государства-участники отметили, что все государства региона Ближнего Востока, за исключением Израиля, являются государствами-участниками Договора о нераспространении

ядерного оружия. Государства-участники призвали Израиль как можно скорее присоединиться к Договору и поставить все свои ядерные объекты под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ. Ряд государств-участников отметили важное значение создания в рамках процесса рассмотрения действия Договора о нераспространении механизма содействия осуществлению резолюции 1995 года по Ближнему Востоку.

24. Государства-участники выразили озабоченность по поводу возросшей напряженности в Южной Азии, а также по поводу продолжения Индией и Пакистаном программ создания ядерного оружия и сохранения ими ядерного выбора. Государства-участники настоятельно призвали оба государства присоединиться к Договору о нераспространении в качестве государств, не обладающих ядерным оружием, и поставить все свои ядерные объекты под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ. Государства-участники отметили, что оба государства объявили моратории на дальнейшие испытания и заявили о своей готовности взять на себя правовые обязательства не проводить никаких дальнейших ядерных испытаний путем подписания и ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Государства-участники призвали оба государства подписать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Государства-участники отметили выраженную обоими государствами готовность принять участие в переговорах о договоре о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. Государства-участники настоятельно призвали оба государства объявить мораторий на производство такого расщепляющегося материала до заключения такого договора. Было подчеркнуто важное значение полного осуществления обоими государствами резолюции 1172 (1998) Совета Безопасности.

25. Было подчеркнуто важное значение того, чтобы все государства-участники полностью выполняли положения Договора о нераспространении ядерного оружия. Государства-участники вновь выразили озабоченность по поводу того, что МАГАТЭ по-прежнему не в состоянии проверить точность и полноту первоначального заявления Корейской Народно-Демократической Республики о ядерном материале. К Корейской Народно-Демократической Республике был обращен настоятельный призыв обеспечить

полное соблюдение соглашения о гарантиях, заключенного ею с МАГАТЭ. Государства-участники выразили озабоченность по поводу невыполнения Рамочной договоренности 1994 года.

26. Государства-участники отметили, что, после того как в декабре 1998 года осуществление инспекций МАГАТЭ в Ираке прекратилось, Агентство не в состоянии представить никаких гарантий выполнения Ираком своих обязанностей по резолюции 687 (1991) Совета Безопасности. Многие государства-участники выразили глубокую озабоченность и призвали к обеспечению полного осуществления соответствующих резолюций Совета Безопасности, включая резолюцию 1284 (1999), и к восстановлению в Ираке эффективного режима разоружения, постоянного контроля и проверки, а также выразили надежду на то, что инспектора Организации Объединенных Наций в самое ближайшее время смогут возобновить свою работу в Ираке. Ирак вновь заявил о том, что он полностью соблюдает свои обязательства по Договору, и выступил с утверждением о том, что МАГАТЭ в 2000, 2001 и 2002 годах успешно осуществило инспекции в соответствии с соглашением о гарантиях, заключенным Ираком с Агентством.

27. Было вновь отмечено, что как на Конференции 1995 года по рассмотрению и продлению действия Договора, так и на Конференции 2000 года по рассмотрению действия Договора была подчеркнута важность гарантий безопасности. Было особо указано на то, что негативные гарантии безопасности, один из ключевых элементов основы для принятия в 1995 году решения о продлении действия Договора, сохраняют свое существенно важное значение и должны быть подтверждены. Многие государства-участники вновь заявили о том, что государства, обладающие ядерным оружием, должны предоставить государствам-участникам, не обладающим ядерным оружием, эффективные гарантии против применения или угрозы применения ядерного оружия. Были подтверждены обязательства, изложенные в резолюции 984 (1995) Совета Безопасности. Многие государства-участники подчеркивали, что первостепенное внимание необходимо уделить продолжению усилий, направленных на заключение универсального, безусловного и юридически обязательного документа о гарантиях безопасности государствам, не обладающим ядерным оружием. По мнению ряда государств-участников, такой документ мог бы принять форму дополнительного протокола к

Договору, который не наносил бы ущерба юридически обязательным гарантиям безопасности, уже данным пятью государствами, обладающими ядерным оружием, в рамках договоров о зонах, свободных от ядерного оружия. К государствам, обладающим ядерным оружием, был обращен призыв соблюдать свои обязательства по соответствующим резолюциям Совета Безопасности до завершения переговоров о таком документе. Была выражена озабоченность по поводу того, что последние события могут подрывать обязательства, взятые в рамках соответствующих резолюций Совета Безопасности. Было высказано мнение о том, что вопрос о гарантиях безопасности связан с вопросом о выполнении обязательств по Договору. Ряд государств-участников, включая одно государство, обладающее ядерным оружием, подчеркнули важное значение политики неприменения первым ядерного оружия.

28. Было признано важное значение просвещения будущих поколений по вопросам разоружения и распространения в целях укрепления процесса разоружения и нераспространения. В этой связи была с удовлетворением отмечена текущая работа группы правительственных экспертов, которая, как ожидается, представит свой доклад для его рассмотрения Генеральной Ассамблеей на ее пятьдесят седьмой сессии осенью 2002 года.

29. Государства-участники признали, что гарантии МАГАТЭ являются одной из главных основ режима ядерного нераспространения, и высоко оценили важную работу МАГАТЭ по применению системы гарантий для проверки соблюдения обязательств по Договору, связанных с нераспространением.

30. Государства-участники приветствовали усилия МАГАТЭ по укреплению гарантий и завершение Агентством работы над концептуальными рамками комплексных гарантий. Была особо отмечена важная роль типового дополнительного протокола. По мнению некоторых, государства-участники должны подписать как соглашение о всеобъемлющих гарантиях, так и дополнительный протокол, с тем чтобы МАГАТЭ могло предоставлять гарантии непереклочения заявленного материала и отсутствия незаявленной деятельности или материалов. Была особо отмечена цель обеспечения всеобщего присоединения к Договору. К государствам, которые еще не заключили с МАГАТЭ соглашения о

всеобъемлющих гарантиях, был обращен призыв сделать это без промедления. Многие государства-участники призвали тех, кто еще не подписал или не ратифицировал дополнительный протокол, сделать это как можно скорее.

31. Было вновь отмечено, что экспортный контроль является одним из ключевых элементов режима нераспространения, предусмотренного в Договоре о нераспространении. Была отмечена важная работа существующих механизмов экспортного контроля, в частности их функция эталона, помогающего государствам-участникам в их усилиях по разработке национальных стратегий осуществления экспортного контроля. Было широко признано важное значение транспарентности в отношении экспортного контроля. Было вновь заявлено, что никакое положение Договора не должно истолковываться как затрагивающее неотъемлемое право всех участников Договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях.

32. Многие государства-участники отметили как важное значение борьбы с ядерным терроризмом, так и многие доступные средства этой борьбы, включая физическую защиту ядерного материала и экспортный контроль. Был отмечен и широко поддержан план действий МАГАТЭ по предотвращению ядерного терроризма. Была также высоко оценена работа Агентства в поддержку усилий государств по предотвращению незаконного оборота ядерных и других радиоактивных материалов.

33. Государства-участники призвали к усилению физической защиты ядерного материала, в частности, путем внесения четко проработанной поправки в Конвенцию о физической защите ядерного материала. Многие государства-участники призвали государства, которые еще не сделали этого, присоединиться к Конвенции о физической защите ядерного материала. Была поддержана созданная МАГАТЭ Международная консультативная служба по физической защите.

34. Было подчеркнуто важное значение усиления ядерной безопасности, радиационной защиты, безопасного обращения с радиоактивными отходами и безопасной перевозки радиоактивных материалов. Были с удовлетворением

отмечены усилия МАГАТЭ по содействию укреплению безопасности во всех ее аспектах. Государствам-участникам, которые еще не присоединились к Конвенции о ядерной безопасности и к Объединенной конвенции о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами, было рекомендовано сделать это.

35. Государства-участники подчеркнули, что перевозка радиоактивных материалов, включая морскую перевозку, должно осуществляться безопасным образом в строгом соответствии с международными стандартами, установленными соответствующими международными организациями, такими, как МАГАТЭ и Международная морская организация. Некоторые государства-участники призвали к внедрению эффективных механизмов обеспечения ответственности, предварительного уведомления и консультаций. Некоторые государства-участники отметили касающиеся безопасности выводы, содержащиеся в резолюции GC (45)/RES/10 Генеральной конференции МАГАТЭ. Многие приветствовали решение созвать в июле 2003 года конференцию МАГАТЭ по вопросам безопасной перевозки радиоактивных материалов.

36. Государства-участники вновь заявили о своей решительной поддержке статьи IV Договора, которая обеспечивает рамки для сотрудничества и уверенность в мирном использовании ядерной энергии. В этой связи государства-участники заявили о широкой поддержке деятельности МАГАТЭ в области технического сотрудничества. Было подчеркнуто, что техническое сотрудничество играет важную роль в обеспечении более широкого использования ядерной энергии в мирных целях, включая охрану здоровья человека, борьбу с вредителями, продовольствие и сельское хозяйство и охрану окружающей среды. Была подчеркнута важность согласования программ технического сотрудничества с целями и нуждами соответствующей страны в области развития. Ряд государств-участников подчеркнули важное значение предоставления Агентству достаточных ресурсов на осуществление этой деятельности.

Источник: Док. NPT/CONF.2005/PC.I/21.

ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ О СОКРАЩЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки, ниже именуемые Сторонами,

вступая на путь новых отношений в новом столетии и будучи приверженными цели укрепления их взаимоотношений путем сотрудничества и дружбы,

считая, что новые глобальные вызовы и угрозы требуют создания качественно новой основы стратегических отношений между Сторонами,

стремясь к установлению подлинного партнерства, основанного на принципах обоюдной безопасности, сотрудничества, доверия, открытости и предсказуемости,

будучи приверженными осуществлению значительных сокращений стратегических наступательных вооружений,

отталкиваясь от Совместных заявлений Президента Российской Федерации и Президента Соединенных Штатов Америки по стратегическим вопросам 22 июля 2001 года в Генуе и о новых отношениях между Россией и США 13 ноября 2001 года в Вашингтоне,

учитывая свои обязательства по Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 31 июля 1991 года, ниже именуемому Договором о СНВ,

учитывая свои обязательства по статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года, и

будучи убежденными, что настоящий Договор будет способствовать созданию более благоприятных условий для активного содействия безопасности и сотрудничеству и укрепления международной стабильности,

согласились о нижеследующем:

Статья I

Каждая из Сторон сокращает и ограничивает стратегические ядерные боезаряды, как об этом заявил Президент Российской Федерации 13 ноября 2001 года и 13 декабря 2001 года, и

как об этом заявил Президент Соединенных Штатов Америки 13 ноября 2001 года, соответственно, таким образом, чтобы к 31 декабря 2012 года суммарное количество таких боезарядов не превышало у каждой из Сторон количество в 1700–2200 единиц. Каждая из Сторон сама определяет состав и структуру своих стратегических наступательных вооружений, исходя из установленного суммарного предела для количества таких боезарядов.

Статья II

Стороны согласны, что Договор о СНВ остается в силе в соответствии с его положениями.

Статья III

Для целей реализации настоящего Договора Стороны созывают Двустороннюю комиссию по выполнению не реже двух раз в год.

Статья IV

1. Настоящий Договор подлежит ратификации в соответствии с конституционными процедурами каждой из Сторон. Настоящий Договор вступает в силу в день обмена ратификационными грамотами.

2. Настоящий Договор остается в силе до 31 декабря 2012 года и может быть продлен по согласованию Сторон или заменен ранее этого срока последующим соглашением.

3. Каждая из Сторон в осуществление своего государственного суверенитета может выйти из настоящего Договора, письменно уведомив другую Сторону об этом за три месяца.

Статья V

Настоящий Договор будет зарегистрирован в соответствии со статьей 102 Устава Организации Объединенных Наций.

Совершено в Москве 24 мая 2002 года в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Москва, 24 мая 2002 г.

Источник: Пресс-служба Президента РФ. 24 мая 2002.

**СОВМЕСТНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА В.В. ПУТИНА И
ПРЕЗИДЕНТА Дж. БУША О НОВЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И
СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ**

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки,

исходя из решений саммитов в Любляне, Генуе, Шанхае, Вашингтоне и Кроуфорде и из уже достигнутого нового духа сотрудничества;

отталкиваясь от Совместного заявления о новых отношениях между Россией и США от 13 ноября 2001 года, вступив на путь новых отношений для XXI столетия и будучи привержены развитию своих взаимоотношений на основе дружбы, сотрудничества, общих ценностей, доверия, открытости и предсказуемости;

вновь подтверждая наше понимание того, что новые глобальные вызовы и угрозы требуют качественно новой основы наших отношений;

будучи полны решимости работать вместе, а также с другими государствами и с международными организациями для того, чтобы ответить на эти новые вызовы и угрозы и тем самым внести вклад в процветающий, свободный мир без войн, в укрепление стратегической безопасности;

заявляют о следующем:

Основы сотрудничества

Мы выходим на уровень новых стратегических отношений. Эпоха, когда Россия и США рассматривали друг друга как врага или стратегическую угрозу, закончилась. Мы являемся партнерами и будем сотрудничать ради продвижения стабильности, безопасности, экономической интеграции, совместного противодействия глобальным вызовам и содействия решению региональных конфликтов.

Для продвижения этих целей Россия и США будут продолжать интенсивный диалог по актуальным международным и региональным проблемам как на двусторонней основе, так и на международных форумах, включая Совет Безопасности ООН, «восьмерку», ОБСЕ. Там, где у нас возникнут разногласия, мы будем работать над их решением в духе взаимного уважения.

Мы будем уважать основные демократические ценности, права человека, свободу слова и свободу СМИ, терпимость, верховенство права и экономические возможности.

Мы признаем, что безопасность, процветание и надежды на будущее наших народов основываются на благоприятной среде в сфере безопасности, продвижении политических и экономических свобод и международного сотрудничества.

Дальнейшее развитие российско-американских отношений, укрепление взаимопонимания и доверия будут также основываться на расширяющихся связях между нашими обществами и народами. Мы будем поддерживать растущее экономическое взаимодействие между деловыми кругами наших двух стран, а также общественные и культурные контакты и обмены.

Политическое сотрудничество

Россия и США уже действуют как партнеры и друзья, давая ответ на новые вызовы XXI века; подтверждая наше Совместное заявление от 21 октября 2001 года, наши страны уже являются союзниками в глобальной борьбе против международного терроризма.

Россия и США будут продолжать сотрудничать в поддержке усилий афганского народа, направленных на то, чтобы превратить Афганистан в стабильное, жизнеспособное государство, живущее в мире с самим собой и своими соседями. Наше сотрудничество как двустороннее, так и по каналам ООН, в рамках дипломатического процесса Группы «6+2» и других многосторонних форумов доказало свою значимость для достигнутого нами на настоящий момент успеха в избавлении Афганистана от талибов и «Аль-Каиды».

В Центральной Азии и на Южном Кавказе мы признаем наш общий интерес в содействии стабильности, суверенитету и территориальной целостности всех государств этого региона. Россия и США отвергают показавшую свою несостоятельность модель соперничества «великих держав», которое может только усилить конфликтный потенциал в этих регионах. Мы будем поддерживать экономическое и политическое развитие, уважение прав человека, одновременно расширяя наше сотрудничество в гуманитарной области, а также взаимодействие в антитеррористической и антинаркотической сферах.

Россия и США будут сотрудничать в решении региональных конфликтов, в том числе в Абхазии и Нагорном Карабахе, а также приднестровского вопроса в Молдавии. Мы настоятельно призываем президентов Азербайджана и Армении проявить гибкость и конструктивный подход к решению конфликта в Нагорном Карабахе. Как два сопредседателя Минской группы ОБСЕ Россия и США готовы помочь в этих усилиях.

13 ноября 2001 года мы взяли на себя обязательство действовать сообща для выработки новых взаимоотношений между Россией и НАТО, которые отражают новые стратегические реальности в евроатлантическом регионе. Мы подчеркнули, что Россия и члены НАТО все в большей степени выступают как союзники в борьбе с терроризмом, региональной нестабильностью и другими современными угрозами. В этой связи мы приветствуем инаугурацию на саммите Россия–НАТО 28 мая 2002 года в Риме нового Совета Россия–НАТО, члены которого, действуя в своем национальном качестве и так, чтобы учитывать их соответствующие коллективные юридические и политические обязательства, будут определять общие подходы, принимать совместные решения и нести равную ответственность – индивидуально и совместно – за их выполнение. В этом контексте они будут добросовестно соблюдать обязательства по международному праву, включая Устав ООН, положения и принципы, содержащиеся в хельсинкском Заключительном акте и Хартии европейской безопасности ОБСЕ. В рамках Совета Россия–НАТО Россия и государства-члены НАТО будут работать как равные партнеры в сферах, представляющих взаимный интерес. Они намерены совместно противостоять общим рискам и угрозам своей безопасности.

В качестве коспонсоров ближневосточного мирного процесса Россия и США будут продолжать прилагать совместные и параллельные усилия, в том числе в рамках «четверки», для преодоления нынешнего кризиса на Ближнем Востоке, возобновления переговоров и содействия основанному на переговорах урегулированию. На Балканах мы будем содействовать демократии, этнической терпимости, прочному миру и долговременной стабильности на основе уважения суверенитета и территориальной целостности расположенных в регионе государств и резолюций Совета Безопасности ООН. Россия и США будут продолжать конструктивный диалог по Ираку и приветствуют продолжение

специальных двусторонних обсуждений, которые открыли путь для принятия Советом Безопасности ООН Обзорного списка товаров.

Исходя из нашего Совместного заявления от 13 ноября 2001 года о сотрудничестве в борьбе с наркотиками, мы отмечаем, что незаконный оборот наркотиков представляет угрозу нашим народам и международной безопасности и является важным источником финансовой поддержки международного терроризма. Мы привержены наращиванию сотрудничества в борьбе с этой угрозой, которое укрепит как безопасность, так и здоровье граждан наших стран.

Россия и США по-прежнему привержены углублению взаимодействия в борьбе с транснациональной организованной преступностью. В этой связи мы приветствуем вступление в силу 31 января 2002 года Договора о взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Экономическое сотрудничество

Россия и США убеждены в том, что успешное национальное развитие в XXI столетии требует уважения норм и практики свободного рынка. Как мы заявили 13 ноября 2001 года, открытая рыночная экономика, свобода экономического выбора и открытое демократическое общество являются наиболее эффективными средствами обеспечения благосостояния граждан наших стран.

Россия и США будут стремиться использовать потенциал мировой торговли для расширения экономических связей между двумя странами, а также дальнейшего углубления интеграции России в мировую экономику в качестве одного из ведущих участников мировой экономической системы со всеми правами и обязанностями в соответствии с верховенством права. В этой связи Стороны придадут приоритетное значение вступлению России во Всемирную торговую организацию на стандартных условиях.

Успех в наших двусторонних экономических и торговых отношениях требует от нас отказаться от ограничений прошлого. Мы подчеркиваем важность и желательность вывода России из-под действия эмиграционных положений Закона США о торговле 1974 года, известных также как поправка Джексона–Вэника. Мы отмечаем, что Министерство торговли США на основе проводимого тщательного и взвешенного рассмотрения предполагает принять не позднее 14 июня 2002 года свое окончательное

решение о том, следует ли считать Россию страной с рыночной экономикой по американскому торговому законодательству. Стороны будут предпринимать дальнейшие практические шаги по устранению препятствий и барьеров, в том числе, где это необходимо в законодательной сфере, на пути углубления экономического сотрудничества.

Нам удалось придать новую динамику нашим экономическим отношениям и взаимодействию деловых кругов, которая нацелена на расширение возможностей в сфере торговли и инвестиций и одновременное конструктивное и открытое решение спорных вопросов в случае их возникновения.

Россия и США признают наличие большого потенциала для роста двусторонней торговли и инвестиций, что принесет значительную выгоду экономике обеих стран. Приветствуя рекомендации Российско-Американского делового диалога, мы привержены работе с частным сектором наших стран в целях полной реализации потенциала нашего экономического взаимодействия. Мы также приветствуем возможность интенсификации сотрудничества в поисковых работах и освоении энергоресурсов, особенно нефти и газа, в том числе в Каспийском регионе.

Укрепление контактов между людьми

Величайшая сила наших обществ заключается в творческой энергии наших граждан. Мы приветствуем значительное расширение контактов между россиянами и американцами, происходящее за последние десять лет во многих областях, включая совместные усилия по решению общих проблем в образовании, здравоохранении, науке и защите окружающей среды, осуществляемое также посредством туризма, связей между городами-побратимами и других контактов между людьми. Мы обязуемся продолжать поддержку этих усилий, которые помогают расширению и углублению добрых отношений между нашими двумя странами.

Борьба с такими бедствиями как ВИЧ/СПИД и другие смертельные заболевания, прекращение насилия в семьях, охрана окружающей среды, защита прав женщин – вот области, в которых российские и американские институты, особенно неправительственные организации, могут успешно расширять свое сотрудничество.

Предотвращение распространения оружия массового уничтожения: нераспространение и международный терроризм

Россия и США будут наращивать совместные усилия в борьбе с новыми глобальными вызовами XXI века, включая борьбу с взаимосвязанными угрозами международного терроризма и распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Мы считаем, что международный терроризм представляет особую опасность для международной стабильности, что вновь было продемонстрировано трагическими событиями 11 сентября 2001 года. Исключительно важно, чтобы все страны мира сотрудничали в решительной борьбе с этой угрозой. В этих целях Россия и США вновь подтверждают свою приверженность совместной работе как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

Россия и США осознают чрезвычайную важность предотвращения распространения оружия массового уничтожения и ракет. Угроза того, что такое оружие может попасть в руки террористов и тех, кто их поддерживает, демонстрирует то первостепенное значение, которое все государства должны придавать борьбе с его распространением.

С этой целью мы будем тесно работать вместе, в том числе посредством осуществления совместных программ, чтобы обеспечить безопасность технологий, информации, специальных знаний и материалов, относящихся к оружию массового уничтожения и ракетам. Мы также будем продолжать совместные программы по уменьшению угрозы и наращивать усилия по сотрудничеству в целях сокращения расщепляющегося материала для целей оружия. В этой связи мы создадим совместные экспертные группы для изучения мер по увеличению количества подлежащего ликвидации расщепляющегося материала для целей оружия и подготовки рекомендаций о совместных усилиях по исследованию и разработке передовых технологий ядерного реактора и топливного цикла, устойчивых с точки зрения распространения. Мы также намерены наращивать наше сотрудничество применительно к уничтожению химического оружия.

Россия и США также будут добиваться широкой международной поддержки стратегии активного нераспространения, в том числе путем соблюдения и укрепления Договора о нераспространении ядерного оружия и конвенций о запрещении химического и биологического оружия. Россия

и США призывают все страны укреплять и обеспечивать строгое соблюдение экспортного контроля, пресекать незаконные поставки, привлекать к ответственности нарушителей и ужесточить пограничный контроль с целью предотвращения и защиты от распространения оружия массового уничтожения.

Противоракетная оборона, дальнейшее сокращение стратегических наступательных потенциалов, новый консультативный механизм по стратегической безопасности

Россия и США исходят из Совместных заявлений Президента Российской Федерации и Президента Соединенных Штатов Америки по стратегическим вопросам от 22 июля 2001 года в Генуе и о новых отношениях между Россией и США от 13 ноября 2001 года в Вашингтоне.

Россия и США предпринимают шаги с тем, чтобы отразить в военной области изменившийся характер стратегических отношений между ними.

Россия и США признают, что нынешняя ситуация в области безопасности коренным образом отличается от эпохи «холодной войны».

В связи с этим Россия и США согласились осуществить ряд мер, направленных на укрепление доверия и расширение транспарентности в области противоракетной обороны, в числе которых – обмен информацией по противоракетным программам, испытаниям в этой области, взаимные посещения в целях наблюдения за противоракетными испытаниями и ознакомительного осмотра противоракетных систем. Они также намерены предпринять шаги, необходимые для начала функционирования Совместного центра обмена данными от систем раннего предупреждения.

Россия и США также договорились изучить возможные направления сотрудничества в области противоракетной обороны, в том числе расширение практики совместных учений по ПРО, изучение возможных программ совместных исследований и разработок в области технологий ПРО, учитывая важность взаимного обеспечения сохранности конфиденциальной информации и охраны прав интеллектуальной собственности.

Россия и США в рамках Совета Россия–НАТО изучат возможности для наращивания практического сотрудничества по противоракетной обороне для Европы.

Россия и США заявляют о намерении осуществлять сокращение своих стратегических

наступательных потенциалов до минимально возможных уровней, отвечающих требованиям обеспечения их национальной безопасности и их союзническим обязательствам, а также отражающих новый характер их отношений в стратегической сфере.

Крупный шаг в этом направлении представляет собой заключение Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов.

В связи с этим обе Стороны исходят из того, что Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 31 июля 1991 года остается в силе в соответствии с его положениями и что его положения послужат основой обеспечения доверия, открытости и предсказуемости при дальнейшем сокращении стратегических наступательных потенциалов наряду с другими дополнительными мерами, подлежащими согласованию, включая меры открытости.

Россия и США соглашаются, что новые стратегические отношения между двумя странами, основанные на принципах обоюдной безопасности, доверия, открытости, сотрудничества и предсказуемости требуют проведения предметных консультаций по широкому спектру вопросов международной безопасности. В этих целях мы решили:

учредить Консультативную группу по вопросам стратегической безопасности во главе с министрами иностранных дел и министрами обороны при участии других высокопоставленных должностных лиц. Эта группа будет основным механизмом, при помощи которого Стороны будут укреплять взаимное доверие, расширять транспарентность, обмениваться информацией и планами и обсуждать стратегические вопросы, представляющие взаимный интерес; а также

искать пути расширения контактов между министерствами обороны и министерствами иностранных дел наших стран, а также между нашими разведывательными ведомствами, и придания этим контактам регулярного характера.

Президент Российской Федерации В. Путин
Президент Соединенных Штатов Америки Дж. Буш
Москва, 24 мая 2002 г.

*Источник: Пресс-служба Президента РФ.
24 мая 2002.*

Круглый стол**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ИДЕОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПРОТИВОБОРСТВА**

Невиданные прежде по безжалостности и размаху террористические акты 11 сентября 2001 г., последовавшая за ними операция в Афганистане поставили перед учеными, политиками и правительственными ведомствами немало острых вопросов. Являются ли эти события первыми проявлениями нового глобального конфликта? Если такое предположение верно, то какова социальная и идеологическая природа этого конфликта? Где проходят линии фронта надвигающейся «третьей мировой войны»? Каковы средства и методы борьбы с международными террористическими организациями и движениями?

*Эти проблемы были в центре дискуссии, проведенной ПИР-Центром в конце апреля 2002 г. В ней приняли участие заместитель директора ИМЭМО РАН Владимир **Барановский**, старший научный сотрудник ПИР-Центра Дмитрий **Евстафьев**, заведующая сектором Института востоковедения РАН Ирина **Звягельская**, руководитель Центра по изучению ксенофобии и предотвращению экстремизма Института социологии РАН Эмиль **Паин**, председатель Совета ПИР-Центра Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке) Роланд **Тимербаев**, первый проректор МГИМО МИД РФ Иван **Тюлин**, заместитель директора ПИР-Центра Юрий **Федоров**. Высказанные в ходе дискуссии мнения и соображения представляются полезными для понимания новой ситуации, складывающейся на мировой арене в начале XXI века.*

Федоров: Существуют разные представления о причинах событий 11 сентября 2001 года, о том, как они соотносятся с особенностями мирового развития после холодной войны. Иногда их считают первыми проявлениями «третьей мировой войны», в том числе «войны неимущих против имущих». Нередко – ставят в один ряд с палестинским терроризмом в Израиле, чеченским сепаратизмом, албанским ирредентизмом и т.д. Часто говорят об исламском фундаментализме как о движущей силе всех этих явлений. Итак, что привело к событиям 11 сентября 2001 г., как они связаны с другими экстремистскими проявлениями?

Тимербаев: Массовый террор – явление далеко не новое. Он практиковался в религиозных, идеологических, политических и иных целях на протяжении всей истории человечества. Хорошо известны его проявления в России: «опричнина», «нечаевщина», «красный» и «белый» террор 1918–1922 гг., ужасающие сталинские репрессии и т. д. А разве холокост времен второй мировой войны – не массовый террор?

Многократно применялся террор и во взаимоотношениях христианского и мусульманского мира. Кровавая война с многочисленными террористическими актами с обеих сторон между мусульманской Испанией и христианской Францией восьмого века нашей эры, нашедшая отражение в народном эпосе, в том числе в «Песне о Роланде», крестовые походы, многие другие столкновения между

мусульманами и христианами – этот список можно продолжать бесконечно.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. привлекли всеобщее внимание не только из-за своих масштабов и уникальности. Дело, как представляется, еще в том, что США впервые оказались уязвимыми для подобных варварских действий, осуществленных в результате заговора, по-видимому, небольшой группы людей.

Являются ли события 11 сентября очередной вспышкой острой вражды между исламским экстремизмом и преимущественно христианской Америкой? Думается, это одна из причин. Но есть и другие. Затянувшийся более чем на 50 лет ближневосточный конфликт не мог не стать питательной средой для указанных событий. Кроме того, некоторые религии и этносы скорее, чем другие, идут на самопожертвование. Пример – арабские шахиды и японские камикадзе.

Имеются также более глубокие причины: сложные взаимоотношения между Югом и Севером, постоянно увеличивающийся социально-экономический разрыв между промышленно развитыми и менее развитыми государствами. В колониальный период метрополии относительно успешно «держали в узде» зависимые территории и населяющие их народы. И тогда, правда, вспыхивали восстания против колонизаторов, но их быстро подавляли. Обретя политическую свободу, бывшие колониальные государства стали

более решительно добиваться улучшения условий своей жизни. Отсюда – все усиливающаяся борьба с глобализмом.

Дополнительные факторы, создающие сегодня возможности для «мегатерроризма», – развитие и постоянное усовершенствование коммуникаций, воздушных и иных сообщений в мировом масштабе, появление оружия массового уничтожения и разнообразных средств его доставки. И эти процессы остановить невозможно.

Барановский: Действительно, экстремизм возник не 11 сентября. Его носителями являются люди, испытывающие по социальным, идеологическим, этнонациональным или иным основаниям острое неудовлетворение существующим положением вещей и убежденные, что в обществе отсутствуют механизмы, позволяющие это положение исправить ненасильственным образом. В этом смысле есть связь между самыми разнообразными проявлениями экстремизма. Однако, если говорить не о существе дела в этом широком смысле слова, а о конкретных ситуациях, в том числе только что упомянутых, то организационная связь между ними не очевидна и требует доказательства. Ставить же знак равенства между фундаментализмом – исламским или любым другим – и экстремизмом неправомерно.

Звягельская: На мой взгляд, к событиям 11 сентября привел комплекс причин, напрямую не связанный ни с проблемами бедности, хотя ее нельзя игнорировать, ни с замкнувшимися в своем национальном или этническом пространстве радикальными исламскими движениями, хотя их «малые войны», безусловно, могут служить примером для подражания экстремистам и радикальным исламистам в других районах мира. Чечня, палестинский терроризм, вспышки террора в отдельных мусульманских государствах – во всех этих случаях речь идет о достаточно четко определенных рамках, границах и целях террористических действий. Террор используется сепаратистскими, ирредентистскими и оппозиционными движениями, борющимися против конкретных режимов и политических систем и в конечном итоге преследующими цели утверждения новых государственных образований, социально-политических порядков, обеспечения доступа к власти, контроля над ресурсами и пр.

События 11 сентября выходят из этого ряда хотя бы по тому признаку, что до сих пор политики и ученые спорят относительно целей, преследовавшихся террористами, разрушившими здания Всемирного торгового центра. Ни одна организация открыто не взяла на себя ответственность за происшедшее. Более того, характер осуществления операции свидетельствовал, что речь идет не о национальном движении, а о некоем глобальном вызове, новом и неожиданном по своему характеру и масштабам. Не случайно в центре внимания оказался бен Ладен и созданная им организация «Аль-Кайда». Сферы ее деятельности, практика вербовки боевиков не ограничены национальными рамками.

Исламские лозунги обеспечивают в нынешних условиях мобилизацию населения, используются для оправдания методов и целей движения, привнося в него элемент некоей божественной справедливости и предопределенности. В условиях кризиса радикальных светских идеологий они взяли на себя функции «освящения» ведущейся борьбы, весьма приземленной по своим целям. При этом исламизм накладывается на особенности местной политической культуры, которые, в частности, доминируют в выборе средств и методов воздействия на противника. Так, палестинские шахида – это самоубийцы, которые не задумываясь приносят себя в жертву, чтобы унести вместе с собой жизни как можно большего числа людей. Для чеченского терроризма это не характерно. Террористические акты готовятся так, чтобы нанести максимальный ущерб, но идея жертвенности чеченским террористам чужда.

Глобализация и вестернизация породили на периферии исламского мира переплетение традиционных структур с современными техническими средствами, сделавшими возможным ведение борьбы в интересах воображаемой мировой исламской уммы. При таком подходе речь уже идет не о поиске идеологии, заменяющей дискредитировавший себя светский национализм, а о попытках реализовать масштабную глобальную утопию, в которой причудливо сочетаются достижения современной цивилизации с ценностями исламского полусредневекового захолустья. Многие считают, что разрушение Всемирного торгового центра было актом мести Соединенным Штатам, самой мощной западной державе, персонифицирующей чуждую для мусульман культуру, и одновременно результатом своего рода

комплекса неполноценности у тех, кто задумал и осуществил это преступление.

Разумеется, это не противоречит наличию связей между национальными радикальными исламистскими движениями и организациями типа «Аль-Кайды», существованию общих источников финансирования. Но стоящие перед ними задачи, равно как их генезис, различны, а следовательно, требуют различной тактики борьбы.

Евстафьев: Сами террористические акты в США не следует слишком тесно связывать со «столкновением цивилизаций». Версия американцев, что авторами их были исключительно бен Ладен и «Аль-Кайда», меня не слишком убеждают. Скорее всего, в США имелись очень существенные внутренние силы, заинтересованные в возникновении столь масштабного кризиса. Конечно, исламисты принимали участие в реализации замысла террористических актов, однако во всем чувствуется наличие закулисных «кукловодов». Последних, видимо, стоит поискать в самой американской элите. И то, что такие «кукловоды» появились, – очень симптоматично. Коль скоро разрешение противоречий произошло столь варварским способом, сложившаяся в США и действовавшая довольно безотказно система «сдержек и противовесов», на деле – система отношений между основными олигархическими группировками, начинает давать сбои. Хотя правды о событиях 11 сентября 2001 г. мы не узнаем никогда.

Для ответа на вопрос о природе событий 11 сентября интерес представляют три момента. С точки зрения концепции «столкновения цивилизаций» главное – это даже не то, как и кем были осуществлены террористические акты. Главное – какова на них реакция в мире. И, без преувеличения, радостная реакция мусульманского мира, и настороженность китайцев, и переход Индии на проамериканские позиции вполне ложатся в концепцию «столкновения цивилизаций» в самой жесткой трактовке. В этом контексте, очевидно, концепция «столкновения цивилизаций» действует.

Далее, экономические условия современной Америки оказались недостаточным стимулом для того, чтобы сломить радикально-фундаменталистские настроения в среде непосредственных исполнителей террористического акта. Но главное – в их действиях была ярко выражена

антисистемность. Они не боролись за «светлое будущее», не предлагали своих проектов мироустройства, даже не выступили с посмертным заявлением. Они просто убили несколько тысяч человек. Это свидетельствует, что террористы – в отличие от «кукловодов» – не имели никакой позитивной программы. Это существенно отличает террористические акты 11 сентября от всего того в мировом терроризме, с чем мы имели дело в 1970–1990-х гг. И это вполне может стать новой террористической парадигмой. А она, в свою очередь, – частью новой парадигмы «столкновения цивилизаций».

Наконец, впервые противостояние с США было перенесено на территорию этого государства, а не было реализовано в тех регионах, где «ставки» для американцев были гораздо ниже и где американцы могли не ограничивать себя в средствах. Пример может оказаться заразительным, тем более что террористические акты показали уязвимость США как социально-политической системы, хотя конкретное поведение американцев оказалось более эффективным, нежели это можно было предположить.

Даже если допустить исламскую природу террористических актов 11 сентября, в ней практически невозможно найти экономический компонент, «протест обездоленных» или «классовую борьбу». Ни бен Ладен, ни непосредственные исполнители террористических актов не подходят под категорию «обездоленных». И это еще один аргумент в пользу концепции «столкновения цивилизаций». Но характерно, что реакция американцев, европейцев, и отчасти России на новую геополитическую ситуацию построена не в рамках концепции «столкновения цивилизаций», а по биполярной модели: «Север против Юга» (хотя как таковой «Север» сейчас явно не существует, а «Юг» в основном отождествляется с субгосударственными участниками системы международных отношений), «кто не с нами, – тот против нас» и т. п. В этом – уязвимость сегодняшних усилий мирового сообщества.

Паин: Популярность идеи заговоров в современной России объяснима. Она хорошо согласуется с ростом не критического отношения к себе. «В наших бедах виноваты не мы, а некие скрытые силы: олигархи, мафия, коррупционеры, террористы, заброшенные откуда-то извне». Подобными гипотезами переполнена российская пресса. Повышенное внимание нынешней российской

интеллигенции к идее заговоров отражает не только предрассудки массового сознания, но и модное в наше время стремление угодить власти имущим. Ведь если всему виной внешние заговорщики, то меньшая ответственность лежит на властях государства, на чьей территории проявляются экстремизм и терроризм.

Реальность намного сложнее. По мере возрастания ценности человеческой жизни и свободы личности мировая цивилизация становится все более уязвимой для террористов, посягающих на жизнь и свободу человека, чтобы уравнивать свои шансы в борьбе с более сильным противником. Носителями нетерпимости, политического экстремизма и терроризма выступают представители двух противоположных групп социума. С одной стороны, – его низов, как правило, из среды распадающегося аграрного общества или новых горожан, не адаптированных к новым условиям жизни. Это «сырье», «пушечное мясо» террористических группировок. С другой стороны, – это представители образованных и состоятельных сословий, но также характеризующиеся некоей социальной, культурной или сугубо психологической маргинальностью. Это идеологи и организаторы экстремистских и террористических группировок.

На мой взгляд, гипотеза о борьбе «богатых и бедных» как основной причине терроризма, некорректна. Предположения, что рост политического экстремизма напрямую связан с бедностью, социальным неблагополучием и низким культурным уровнем региональных, этнических или религиозных групп, не подтверждается ни историческими примерами, ни специальными исследованиями. Так, в замкнутых, застойных обществах, например у бушменов Южной Африки, находящихся на крайне низком уровне экономического и социального развития, ничего похожего на политический экстремизм, а тем более терроризм, не проявляется.

Мой главный тезис: важнейшей предпосылкой развития политического экстремизма и терроризма выступает маргинализация различных слоев общества вследствие незавершенной модернизации. К таким незавершенным процессам, несомненно, относятся системные кризисы, подобные тем, которые пережили народы бывшего Советского Союза и Югославии, вынужденные одновременно в короткие сроки изменять свой политический режим,

экономическую систему и национально-государственное устройство.

Экстремизм и терроризм заметны, прежде всего, в обществах, вступивших на путь трансформаций. Они концентрируются в маргинальных слоях социума, характеризующихся причудливым сочетанием традиционных и новых черт культуры, неполным изменением статуса и условий жизни. На персональном уровне предпосылки этнического и религиозного экстремизма, выливающиеся в рост неприязни, агрессии, страха перед чужими, вызываются любыми изменениями социального статуса – его понижением или повышением, – если они увеличивают разрыв между притязаниями личности и возможностью их удовлетворения. На уровне социума, этнических и религиозных общностей проявления экстремизма нарастают в периоды начавшихся, но не завершенных исторических перемен, модернизаций.

В таких условиях почти неизбежен «кризис идентичности», связанный с трудностями социального и культурного самоопределения личности. Стремление к его преодолению может создавать предпосылки политического экстремизма. Возрождается интерес людей к консолидации в первичных, так называемых примордиальных этнических и конфессиональных общностях. Усиливается ксенофобия. Возрастает влияние традиционалистских идеологий, перерастающих зачастую в фундаментализм. Среди них – идеи «очищения от нововведений» и «возврата к истокам».

Все эти тенденции тесно связаны между собой. Процесс консолидации в примордиальных общностях может порождать ксенофобию, поскольку в ее основе лежат те же социально-психологические механизмы – противопоставление первичных общностей по принципу «мы» – «они». Ксенофобия как предтеча этнического и религиозного экстремизма возникает также вследствие негативного самоутверждения примордиальных общностей. Зафиксированы две противоположные его формы. С одной стороны, негативизм по отношению к группам, оцениваемым как стоящие ниже, чем «мы», на цивилизационной лестнице. Это те, кого в России презрительно называют «чурки». С другой, – негативное отношение к группам, к которым возникает зависть со стороны «мы». Этот феномен хорошо проявляется, например, в массовых антиамериканских настроениях.

Переломные периоды закладывают предпосылки для экстремизма еще и тем, что значительно повышают интерес людей, испытывающих фрустрацию и депрессию, к историческим традициям. Традиционализм же, доведенный до логического конца, выступает основной предпосылкой различных проявлений радикального идеологического явления – фундаментализма. Рост традиционализма, в особенности фундаментализма, в свою очередь усиливает стремление к культурной изоляции, препятствующей модернизации.

Далее, экстремизм может порождаться незавершенной урбанизацией, специфическими формами индустриализации, изменениями этнодемографической структуры общества, особенно в условиях бурных нерегулируемых миграционных процессов. Практически всегда политический экстремизм возникает в период национально-государственного строительства, если оно сопровождается борьбой центрального правительства с этническим сепаратизмом и региональной автаркией.

Итак, экстремизм и терроризм – внутренние недуги, порождаемые главным образом дисгармоничным развитием в социальной, политической и культурной областях. Они наиболее вероятны в зонах концентрации незавершенной модернизации и культурной маргинализации. Но развитие терроризма возможно в любой стране, поскольку предпосылки для него существуют почти везде. Например, везде в той или иной мере проявляется ксенофобия; во многих странах действуют экстремистские организации, пытающиеся навязать свою «единственно верную» идеологию согражданам. И то и другое являются предпосылками терроризма, и лишь разная их концентрация дифференцирует страны и общности по уровню опасности возникновения террористических группировок. Однако само по себе это создает лишь предпосылки для экстремизма. Превращение его в особую идеологию и политическую практику – всегда дело рук конкретных людей и групп.

Тюлин: Террористические акты 11 сентября, равно как и другие проявления фундаментализма, стали своего рода изнанкой процесса глобализации. Глобализация – это не только рост макроэкономической взаимозависимости, но и политический процесс, позитивные стороны которого заключаются в стремлении гармонизировать

интересы, делегировать большую часть вопросов международных отношений на уровень международных, в отдельных случаях – наднациональных органов. Негативная сторона политической глобализации связана с тем, что не все фактические субъекты международных отношений допущены на равных к переговорному процессу. Учет их интересов крайне затруднен как процедурно, так и с точки зрения статуса. Для реализации своих интересов и обеспечения участия в переговорных процессах многие из таких субъектов создают так называемые непризнанные государства и контролируют собственную территорию. Другие – добиваются признания со стороны международного сообщества путем применения силы. Единственный практически возможный вариант этого – не борьба с вооруженным противником, а операции против мирного населения: этнические чистки, террор против страны проживания, террористические удары по основным несущим конструкциям и опорам нового международного порядка, заинтересованным в углублении процессов глобализации. На мой взгляд, событие 11 сентября стало всего лишь одним, хотя и наиболее ярким проявлением данной тенденции.

Федоров: Иван Тюлин поставил очень важный вопрос: терроризм как реакция на глобализацию. Мы пока плохо знаем, что представляет собой глобализация. Ясно, однако, что она меняет условия и факторы успешного развития общества. На первый план выходят способность к технологическим и социальным инновациям, умение эффективно действовать в быстро меняющейся транснациональной среде, масштабы информатизации, уровень интеллектуальной и политической свободы. Теряет абсолютное значение национальный суверенитет. Возникает новый мировой порядок, предполагающий, помимо всего прочего, доминирование международных обязательств, режимов и норм над национальными интересами. Нравится нам это или нет, но остановить эти процессы невозможно.

Перед всеми обществами и группами стоит дилемма: либо адаптация к глобализации, использование ее в интересах технологического прогресса и решения социальных проблем, либо отставание и стагнация. Такая адаптация весьма сложна. Необходимо овладеть новыми технологиями.

Нужно создать социальные и политические институты, соответствующие новым мировым условиям. И то и другое невозможно без утверждения антропоцентрической системы ценностей. Она порождает либеральную культурную среду и правовую систему, способствующие экономическому и социальному процветанию.

Нет ответа на вопрос, можно ли перейти от традиционных, в том числе имперских, моделей общества и государства к «постнациональным» без длительных промежуточных этапов и глубоких внутренних напряжений. Многие общества и группы, и не только в «третьем мире», оказываются недостаточно динамичными или конкурентоспособными, чтобы овладеть новыми технологиями. Далеко не все способны преодолеть культурный традиционализм, в полной мере «открыться миру», воспринять новые идеи и ценности, отказаться от подозрительности в отношении развитых демократий.

В свою очередь, трудности адаптации углубляют мировые диспропорции, усиливают фрустрацию и фобии, порождаемые сложностями модернизации. Среди таких фобий – восприятие глобализации как утверждения в мире американского господства, опасение относительно превращения независимых государств в новые колонии Запада. Но это не только иррациональные фобии. Такие взгляды отражают еще и интересы «традиционного истеблишмента», неспособного эффективно действовать в новой мировой экономической среде и не понимающего механизмов и принципов ее функционирования.

Неспособность адаптироваться к глобализации порождает напряженность, стимулирует экстремистские взгляды как традиционалистского, так и левого толка. Это создает интеллектуальную и эмоциональную среду, благоприятствующую зарождению и росту радикальных политических и политико-религиозных движений, в том числе террористических. Нельзя исключать, что «традиционный истеблишмент» может использовать их в своих экономических и политических интересах.

Есть и иной аспект проблемы. Экстремистские и террористические движения не ограничиваются, разумеется, пределами исламского мира, однако именно там они получили сегодня особое распространение.

Как вы полагаете, есть ли какая-либо связь между исламом или, может быть, исламским фундаментализмом и терроризмом? Если такая связь существует, в чем она может проявляться? Какова политическая специфика религиозного фундаментализма?

Барановский: Не считаю, что исламский мир обладает монополией на терроризм. Во-первых, последний существует и за пределами исламского мира. Во-вторых, терроризм в исламском мире проистекает не столько из самого ислама, сколько из существования там благоприятной почвы для терроризма. Об этом здесь уже говорилось. Почему там существуют такие условия – особый вопрос, но опять-таки сомневаюсь, что это связано со спецификой собственно ислама. Вопрос же о религиозном фундаментализме и его политической специфике выходит далеко за рамки проблематики терроризма.

Паин: Доводы, приводимые в доказательство особой предрасположенности ислама к терроризму, меня не убеждают. На практике разница между религиозными фанатиками разных конфессий незаметна. Почти каждая из них изобилует примерами участия религиозных активистов и даже духовных пастырей в политическом терроризме. Значительно лучшие объяснения причин вспышки экстремизма в так называемом исламском мире можно получить на основе анализа особенностей исторического развития соответствующих стран.

Так, в зоне, где сосредоточено свыше трех четвертей исламского населения (Индонезия, Пакистан, Афганистан и арабские государства), заметны незавершенность и деформированность многих социальных и культурных процессов. Урбанизация приводит там к гигантской концентрации недавнего сельского населения в городах, но не обеспечивает «неоурбанистам» возможностей культурной адаптации. Сами города утрачивают черты городской культуры и как бы дезурбанизируются. Такая среда обеспечивает расширенное воспроизводство маргинальных слоев населения (массовой социальной базы экстремизма).

Там же не завершены процессы национально-государственной консолидации. Это порождает целую гроздь последствий, благоприятствующих развитию экстремизма. В условиях напряженных взаимоотношений центрального правительства с локальными сообществами и этническими меньшинствами

главную роль в консолидации населения берет на себя ислам. В итоге значительно повышается политическая роль религии, которая оспаривает у светской власти ее роль в управлении государством. Мечети и медресе зачастую становятся центрами пропаганды политического экстремизма. Возникают военизированные религиозно-политические организации и движения – «Талибан», ХАМАС, «Братья-мусульмане», «Аль-Кайда» и т.п.

В исламском мире в большей мере, чем в христианском, религия становится основой межгосударственных, международных альянсов. Это само по себе создает предпосылки для появления идеи глобального противостояния. Иногда теоретические основы подобных противопоставлений черпаются из работ, не имеющих ничего общего с исламом, например, из широко известной концепции Хантингтона, которую часто используют для обоснования якобы существующей несовместимости исламской и иудео-христианской цивилизаций.

Важную роль в распространении этнического и религиозного экстремизма в мусульманском мире играет преобладание там авторитарных политических режимов. Они провоцируют насилие как форму разрешения политических противоречий и придают ему характер культурной нормы.

Существенную роль в создании предпосылок экстремизма играют и особенности индустриализации, характерные для указанных стран. «Ресурсная индустриализация» (нефтяная индустрия в арабских странах и в Индонезии, производство наркотиков в Афганистане и Пакистане) приводит к маргинализации культуры. Занятость в этих областях влечет за собой изменения лишь неких внешних атрибутов бытовой культуры, но не стимулирует комплексных изменений культурных навыков, ценностных ориентаций, социальных связей. В зонах такой индустриализации возникают причудливые многоуровневые социальные и культурные образования, пригодные для развития экстремальных политических течений. Например, наркобизнес не только не побуждает к социальным и культурным переменам, но и всячески эксплуатирует традиционные связи и этническую солидарность как условия для конспирации, необходимой для данного бизнеса. Экстремизм и нелегальная экономика

развиваются в теснейшем переплетении и сотрудничестве.

Звягельская: Связь между исламским радикализмом и терроризмом существует только в том смысле, что исламизм способен дать идеологическое обоснование и интерпретацию любым национальным и протестным движениям в мусульманском ареале, в том числе и применяющим террористические методы. Однако напрямую связывать его именно с терроризмом нет оснований. В исламе, в том числе и в фундаменталистском, существует достаточный простор для умеренности, гибкости, сбалансированных подходов. Терроризм может быть санкционирован не «высоким» исламом, а упрощенным и выхолощенным. То обстоятельство, что именно радикальный экстремистский ислам апеллирует к миллионам мусульман, связано с тем, что умеренный ислам оказался неспособным немедленно дать столь желанную для многих из них альтернативу – претворить в жизнь исламский проект государственности и миропорядка, который был бы воплощением справедливости. Более того, он оказался не в силах противостоять наступлению более динамичной цивилизации, несущей чуждые для простых мусульман ценности, отвергающей их традиции, обвиняющей их в варварстве и тоталитаризме. Исламские экстремисты, как в свое время большевики, предлагают простые решения, столь понятные для масс, неспособных задумываться над мусульманской философией и этикой и тяготеющих к незатейливой интерпретации основ исламского вероучения. При этом исламский экстремизм паразитирует на идее мусульманской общности, которая крайне притягательна для массы людей, не уверенных в собственном будущем, нередко рассматривающих себя как объект глобального заговора. Здесь играют роль и бедность и приниженность, так как они создают почву для семян ненависти и нетерпимости.

Тюлин: Ислам необязательно порождает терроризм. Террор в стране басков, в Ольстере или в мексиканском штате Чьяпас не имеет исламских корней. Однако если мы говорим не только об исламе, а именно о религиозном фундаментализме, то многое становится объяснимым. Прежде всего, наиболее последовательная массовая база для терроризма формируется за счет нематериальных стимулов, коренящихся в сфере фанатичной веры. Именно крайние адепты идеологических или религиозных систем, с одной стороны, способствуют

перерастанию их в тоталитарную форму, а с другой – отбрасывают нормы человеческой морали. Таким образом, снимаются ограничения на применение насилия против мирных жителей и других некомбатантов, причем сами террористы готовы отдать жизнь, становясь шахидами, мучениками, героями.

Евстафьев: Ислам на сегодняшний день является самой динамичной религией, особенно по сравнению с «застывшими», за исключением сект, христианством и иудаизмом. Но агрессивность ислама связана не с тем, как создавалась эта религия. Первоначальный ислам как раз не был инвариантно агрессивным, хотя в нем был ярко выраженный прозелетический элемент. Вопрос в том, какую динамику приобрела ситуация в исламском мире сейчас. Мы плохо знаем современный ислам, чтобы делать исчерпывающие выводы относительно основных процессов в исламском мире. Анализ нынешнего «неоваххабизма» как религиозного явления просто невозможен: это почти сумбурный набор лозунгов, который более приемлем для политической структуры тоталитарного свойства, нежели для новой религиозной идеологической системы.

Однако в целом нельзя не отметить возрастание агрессивности религиозных течений. Резко растет агрессивность индуизма, выделяются агрессивные секты в протестантизме. По сути, Свидетели Иеговы и некоторые другие секты не отличаются от неоваххабитов ничем, за исключением инструментария стимулирования прозелитизма, – та же агрессивность, то же неприятие других религий и пр. Появляются нетрадиционные религиозные течения: сайентологи, мунисты, «Аум Синрикэ». Рад был бы ошибиться, но, возможно, это следствие деидеологизации государства, изъятия из его функций «духовного наставничества». А если хотите, – следствие насаждаемого на государственном уровне космополитизма. В итоге наиболее духовно одаренные люди не находят для себя места в «нормальной» действительности и стремятся уйти в параллельную реальность. У исламистов просто внутренняя ситуация «удачно» совпала с внешней, т.е. духовный кризис в арабском мире эффективно вписался в концепцию «столкновения цивилизаций».

Ситуация в исламском мире – тот случай, когда «хвост начал вилять собакой». Сначала создавался так называемый «афганский интернационал», который не без помощи ЦРУ

и ряда крупных бизнесменов в арабских государствах начал бороться против СССР в Афганистане. Большая часть правительств арабских стран с радостью это восприняла: появилась возможность «сплавить» большой объем взрывного потенциала за пределы своих государств. Интересно, что примерно через двадцать лет они будут так же относиться к ситуации в Чечне. Надо признать, что и СССР активно играл на этом «поле»: вспомним, как в 1970-е – первой половине 1980-х гг. в массовом порядке издавались работы о том, что в исламе есть социалистический, революционный элемент. Успехи коммунистов в «раскачивании лодки» были, конечно, скромнее, но все же...

Однако в «афганский интернационал» оказались вытеснены наиболее агрессивные и амбициозные молодые люди, которые вряд ли имели шанс получить «место под солнцем» у себя на родине. Они в результате вернулись назад в виде «уважаемых людей» с деньгами и боевым опытом, рассказы которых привлекательны для молодежи. Они стали неформальными авторитетами, тогда как формальные авторитеты – мусульманское духовенство и пр. – свой авторитет утратили, поскольку ушли в схоластику и не смогли дать толкование наиболее жгучим политическим явлениям. В результате опыт «войны с неверными» востребован уже не в качестве «легенды», а как духовная установка. В том числе и в силу простоты и понятности целей и задач этой войны и сопряжения «джихада» с конкретной действительностью (например, войны в Боснии и Герцеговине, где деятельность неоисламистов по продвижению радикальных исламских ценностей хорошо оплачивалась арабскими спонсорами и вооружалась ЦРУ и НАТО). Конечно, для исламской «улицы» или «базара» результаты деятельности таких авторитетов окзывались более привлекательными, нежели схоластические рассуждения богословов.

Федоров: Мне кажется, мы подошли к очень важному моменту. Политический терроризм, как и радикальные политические движения вообще, невозможен без основательного и агрессивного идеологического фундамента. Он необходим, чтобы оправдать и обосновать самопожертвование, убийство мирного населения, массовые репрессии и т. п. Требуется некая «сверхцель» или «сверхцели», более важные, чем жизнь, интересы и ценности конкретного человека, во имя достижения которых допустимо и даже необходимо насилие, переходящее в геноцид.

В XX веке такими идеологиями были марксизм в его коммунистическом и национал-большевистском вариантах, нацизм и некоторые разновидности крайнего национализма. Нацизм был дискредитирован после Второй мировой войны, левая идея, хотя и не полностью, – к концу XX века, особенно после краха коммунизма в Восточной Европе и СССР. В мусульманском мире на смену левым идеологиям приходит ислам в своем фундаменталистском виде. Примером может быть палестинский терроризм, который на раннем этапе нередко использовал марксистскую риторику, а сегодня ориентируется на исламские лозунги.

Другая сторона дела состоит в специфике развития самого ислама. В нем выделилось радикальное крыло, провозглашающее своей целью непримиримую борьбу с западной цивилизацией, а фактически стремящееся остановить и обратить вспять процессы модернизации. За ним стоят интересы слоев и групп, чьи позиции подрываются модернизацией и интеграцией соответствующих обществ в глобальные процессы и структуры. Таким образом, сегодня совпали потребности экстремистских политических движений и особенности радикального варианта ислама. Однако ни марксизм, ни фашизм не исчезли с идеологической карты мира. Нельзя исключать их возрождение в качестве массовых тоталитарных идеологий, способных распространиться в немусульманском мире и стать основой очередного ренессанса экстремистских движений. В свою очередь, радикальный ислам может исчерпать свой мобилизационный потенциал. В итоге может появиться новый идеологический монстр в виде «исламо-марксизма» или «исламо-фашизма». Собственно говоря, такие комбинации время от времени уже возникали.

Так или иначе, события 11 сентября 2001 г. продемонстрировали растущую опасность международного терроризма. Сегодня говорят – и, возможно, не без оснований – о «супертерроризме», «мегатерроризме», «ОМУ-терроризме» и т.д. Между тем складывается впечатление, что ни международное сообщество в целом, ни отдельные страны не нашли пока адекватных методов борьбы с этим злом. Что нужно сделать, чтобы минимизировать соответствующие угрозы? В частности, каким должно быть соотношение политических и силовых методов?

Звягельская: На этот вопрос очень сложно ответить. В настоящее время США возглавили борьбу с мировым терроризмом, и ведется она главным образом военными методами. В этой связи актуальна фраза Уинстона Черчилля: «Американцы всегда все делают правильно ... после того, как перепробуют все остальные возможные варианты». Складывается впечатление, что первая, очень понятная реакция США на события 11 сентября постепенно переросла в своего рода упоение силой, что непосредственно не влияет на корни международного терроризма. Очевидно, необходимо уничтожение таких организаций и международных сетей, как «Аль-Кайда».

Однако значительно труднее изменить настроения мусульманской «улицы», приветствовавшей разрушение Всемирного торгового центра и унижение Америки. Еще труднее объяснить, почему за штурвалом самолетов оказались люди, получившие западное образование, пользовавшиеся, и не без успеха, плодами западной цивилизации и тем не менее готовые без размышлений погубить ее. Наверное, сейчас как никогда раньше остро стоит вопрос о том, чтобы понять и услышать друг друга. В принципе только сами мусульмане могут покончить с исламским терроризмом, но для этого нужны ясные побудительные мотивы. Сейчас мы являемся свидетелями попыток отдельных исламистских радикалов возглавить и/или спровоцировать мусульманский «крестовый поход», но остановить его способна не столько военная сила, сколько международные усилия по политическому урегулированию конфликтов, политкорректность на международном уровне, привлечение мусульманских государств к решению этой проблемы, поскольку для большинства существующих там режимов исламский экстремизм является серьезнейшей угрозой.

Тимербаев: Как реагировать на опасность международного терроризма, как с ним бороться? Единого рецепта просто нет в природе. Естественно, необходимо вооруженным путем ликвидировать непосредственные источники террористических актов, которые определенно выявлены. Но этого далеко не достаточно. Необходимо системно и комплексно искать и находить пути ликвидации всех побудительных мотивов, питающих международный терроризм.

Это и решение ближневосточного и других региональных конфликтов, и усиление мер безопасности на всех видах транспорта,

особенно воздушного, и повышение уровня безопасности и физической защиты оружия массового уничтожения и вообще всех атомных объектов, и укрепление международных механизмов, способных противодействовать терроризму, – прежде всего ООН.

Международный терроризм представляет собой угрозу международному миру и безопасности и, следовательно, подпадает под действие главы VII Устава ООН со всеми вытекающими отсюда последствиями. Совет Безопасности уполномочен по Уставу ООН предпринимать все необходимые действия для пресечения угроз международной безопасности, и он обладает многолетним опытом в этой области. Было бы полезно не откладывая создать специальный орган Совета Безопасности, в соответствии со ст. 29 Устава ООН, для разработки программы мер по борьбе с международным терроризмом.

Последнее по порядку, но не по значению: нужно рассмотреть вопросы смягчения и последующего сокращения разрыва между социально-экономическим положением развитых и развивающихся государств. Специально обсудить этот вопрос и наметить меры его постепенного решения на ближайшем саммите «большой восьмерки».

Барановский: Борьба с проявлениями терроризма требует силового ответа. Но для предотвращения терроризма силовые методы неэффективны. Превалирование силовых методов над политическими должно быть исключением, а не правилом. В противном случае они даже могут привести к активизации терроризма, расширению его базы.

Тюлин: Силовые методы уже продемонстрировали и еще проявят свою ограниченность против ОМУ-терроризма. Я убежден, что политический диалог с режимами и структурами, использующими терроризм как орудие достижения политических целей, приведет в конечном итоге к расколу этих структур. Пример перехода иранского руководства от позиций крайнего фундаментализма эпохи Хомейни к нынешнему просвещенному шиизму показывает перспективу эволюционного пути развития. Необходимо делать ставку на умеренное крыло в этих системах.

Евстафьев: Думается, силовые методы должны пока превалировать. Использовать политические меры, т. е., грубо говоря, договариваться, можно с теми, кто готов

договариваться. А это те потенциальные террористы, для которых угроза террористического акта есть повод для торговли. Однако с целым рядом игроков – с отдельными фигурами и организациями, которые активно практикуют террористические действия, договариваться совершенно не о чем. Другой вопрос, что силовые действия должны применяться в благоприятном политическом контексте.

Глобальная политическая ситуация не должна увеличивать количество политических течений и структур, которые рассматривают террористические методы в качестве нормального средства достижения своих интересов. Пока политический контекст прямо противоположный. США делают все возможное, чтобы наплодить побольше обиженных, которые, возможно, и не будут формировать группы для взрыва очередного небоскреба, однако могут не заметить, что на их территории происходит некая странная активность. Ведь не заметили же англичане и немцы, как на их территории функционировали десятки, если не сотни радикальных исламистских групп.

Фундаменталисты разного толка, число которых по мере проявления социальных последствий глобализации и кризиса постиндустриального общества (с этим уже сталкиваются и США и Европа), видимо, будет расти, должны быть отделены от экстремистов. То есть фундаментализм должен стать допустимым, если хотите – нормальным вариантом социально-политической самоидентификации части общества. Тогда будет меньше политических стимулов к сращиванию фундаментализма и экстремизма. Пока ситуация развивается противоположно: традиционалистов превращают в изгоев общества и способствуют их союзу с радикальными элементами. Пример – эволюция движения антиглобалистов.

Необходимо демонтировать «двойной стандарт» в международных отношениях. Тогда не будет стимула к тому, чтобы побыть некоторое время «дружественным экстремистом» по отношению к США и накопить силы для противостояния «большому Сатане», как это сделал в свое время бен Ладен. С этим возникают постоянные проблемы – например, для США «дружественными экстремистами» стали грузинские боевики в Кодорском ущелье. США, да и Россия уживаются, если не сказать большего, с афганскими наркобаронами,

смешившими талибов. А потом будут удивляться их разборкам, которые могут оказаться не менее кровавыми, нежели события 11 сентября.

Именно потому, что не сформирован благоприятный политический контекст, возникает ощущение, что силовые методы в противостоянии террористам неэффективны. На самом деле это не так. Например, именно силовыми методами бен Ладена исключили из числа наиболее активных игроков на поле терроризма. Однако политические условия, в том числе создаваемые самими американцами даже в Афганистане, таковы, что база, прежде всего финансовая, для появления нового бен Ладена есть. У него сущность противоречий с США может быть иная, однако форма, в которой он попытается их разрешить, – такая же.

Паин: Силовые санкции против политического экстремизма и терроризма как один из элементов противодействия этому злу неизбежны и предусмотрены международным правом и мировым опытом. Наилучшие результаты они дают на ранних этапах развития экстремизма, когда могут быть ограничены полицейскими мерами, направленными на конкретных лиц, например, виновных в разжигании расовой, этнической и религиозной нетерпимости. Применение силы неизбежно и оправданно, прежде всего, когда экстремистские политические организации создают вооруженные группировки, с их помощью выводят из-под контроля законных властей целые регионы, превращают их в плацдармы для террористических вылазок и отказываются от решения спорных вопросов путем переговоров.

Однако существуют объективные пределы эффективного использования вооруженных сил. Боевые операции могут быть эффективными, если они сосредоточены на конкретных контртеррористических задачах, прежде всего на освобождении заложников, ликвидации инфраструктуры террористических организаций, нейтрализации их лидеров и т. п. Необходимо ограничить совмещение этих задач с задачами изменения политических режимов или удержания контроля над территорией. Так, в Чечне российские войска, вместо концентрации усилий на нейтрализации лидеров террористических организаций, рассредоточивают силы для удержания контроля над всей территорией Чечни. В результате множество гарнизонов, расквартированных чуть ли ни в каждом райцентре республики, затрачивают

наибольшие усилия на самооборону. Дисперсная дислокация российских войск приводит к расширению зоны столкновения армии с местным населением, а следовательно, к росту потерь с обеих сторон и к росту взаимной раздраженности.

В сравнении с чеченской кампанией США в Афганистане намного больше соответствует критериям контртеррористической акции. По крайней мере, Америка не пытается силой втянуть Афганистан в состав «субъектов американской федерации» и не претендует на вооруженный контроль над его территорией. Еще важнее, что в Афганистане освобождение городов и селений осуществляется местными силами, а контроль над территорией пытаются наладить местное коалиционное правительство. В Афганистане, в 40 раз превосходящем Чечню по территории, сухопутные силы США и их союзников на порядок меньше численности российских войск в Чечне. Эти силы сосредоточены в основном на уничтожении инфраструктуры «Аль-Кайды», выполняют вспомогательные функции в войне с талибами.

Нельзя осуществлять интервенцию, особенно наземные операции, без уверенности, что такая интервенция будет сравнительно кратковременной. Только быстрое вмешательство может отвечать поставленным целям. И наоборот, длительное, более года, военное присутствие на территории, где идет гражданская, антиколониальная или межэтническая война, как правило, обречено на провал: армия постепенно деморализуется, растут жертвы в составе экспедиционного корпуса и мирного населения, недовольство со стороны общественного мнения.

Нельзя применять силу, если политическая стоимость ее «неудачного» использования окажется большей, чем стоимость бездействия, как для сохранения престижа власти, так и для сдерживания будущих этнических и сепаратистских конфликтов. Длительная кампания в Чечне может привести к тому, что армия полностью утратит функцию сдерживания сепаратизма и экстремизма. Националистические организации в ряде республик, активизация которых весьма вероятна, особенно в случае ухудшения экономической конъюнктуры в стране, могут использовать демагогические размышления такого типа: «Если Москва в течение многих лет не может силой усмирить чеченцев, которых сейчас в их собственной республике

менее 400 тысяч человек, то как она усмирит более многочисленные общности?»

Иными словами, на мой взгляд, вооруженные экспедиции международных или национальных сил в зоны этнической нестабильности следует рассматривать как исключительное или даже чрезвычайное явление. Такие операции должны быть ограничены как по времени, так и по функциям.

Федоров: Силовые и политические методы борьбы с терроризмом должны в идеале дополнять друг друга. Но важно ясно различать сферы и цели их применения. Я согласен с Дмитрием Евстафьевым, что попытки договориться с террористическими организациями и их лидерами обречены на провал и могут лишь способствовать активизации террора. На протяжении XX века западные демократии дважды пытались политическим путем остановить тоталитарную экспансию: сначала нацистскую, а затем советскую. Но ни мюнхенское соглашение, ни ялтинско-потсдамские договоренности не могли решить такие задачи. Сегодня пытаются политическим путем остановить палестинский терроризм, но, думаю, безуспешно.

Одна из причин этого заключается в глубоких отличиях политической культуры, свойственной развитой демократии, от политической культуры, порожденной тоталитарными идеологиями. В частности, в рамках первой из них политическое соглашение разрешает конфликт на взаимоприемлемых условиях, основанных на компромиссе. Но в рамках тоталитарной идеологии компромисс с противником не нужен и невозможен; как провозгласил Максим Горький, «если враг не сдается, его уничтожают». Для нацистов, большевиков, нынешних террористических режимов и движений политическое соглашение – не более чем уловка, тактический прием, позволяющий подготовиться к следующему раунду борьбы. Это подтверждает, в частности, развитие событий в Израиле в последние десять лет.

Поэтому основной и главный метод борьбы с террористическими режимами, организациями и движениями – силовой. Иным образом «инфраструктуры террора» уничтожить невозможно. Политические методы могут применяться дополнительно, для изоляции террористических режимов и движений, раскола их изнутри, противопоставления умеренных кругов и режимов

традиционалистского толка радикальным и экстремистским.

Другой вопрос – устранение предпосылок и факторов возникновения экстремизма и терроризма. Теоретически необходимо содействие модернизации, сокращение разрыва между развитыми и развивающимися регионами и т. д. Но в практическом плане такие усилия, боюсь, малопродуктивны. Обширные регионы Азии и Африки в ближайшие несколько десятилетий, а может быть и дольше, обречены оставаться зонами незавершенной, возможно – зачаточной, модернизации со всеми вытекающими из этого последствиями. Причины тому – не только и не столько бедность как таковая, нехватка материальных ресурсов, сколько специфика массового менталитета и, главное, существование групп и институтов, жизненно заинтересованных в сохранении традиционной экономической, политической, институциональной и культурной среды. Эти группы, часто включающие в себя часть местных элит, могут стать и становятся инициаторами экстремистских и террористических организаций. В итоге мир стоит перед все более ясной перспективой нового глобального конфликта, новой мировой войны.

В этой связи немалое значение приобретает вопрос о государствах, которые подозреваются в поддержке и финансировании террористических организаций. Некоторые из них стремятся к созданию оружия массового уничтожения или уже имеют его. Насколько опасны такие государства? Что нужно сделать, чтобы нейтрализовать исходящую от них угрозу?

Барановский: Убедительные доказательства поддержки государством террористической деятельности – достаточно серьезное основание для силового воздействия на него. Стремление же государства к обладанию ОМУ само по себе основанием для такового не является. Но государственная поддержка терроризма плюс ОМУ – безусловно, взрывоопасная смесь. Решительные превентивные действия в этом случае могут оказаться не только уместными, но и абсолютно необходимыми, однако лишь при наличии достаточно широкой международно-политической и международно-правовой поддержки на этот счет. При этом международно-политическая легитимизация таких действий будет серьезно подорвана в случае отсутствия прогресса в реализации

статьи VI Договора о нераспространении. Тот, кто сочтет возможным применить силу с целью помешать кому-то обрести доступ к ядерному оружию, должен сам убедительно продемонстрировать свою готовность избавиться от этого оружия, дабы устранить возможные подозрения в стремлении увековечить свой статус.

Звягельская: В данном случае речь идет о совершенно различных государствах и режимах. Президент Буш объявил «осью зла» Ирак (светский националистический режим), Иран (шиитский мусульманский режим) и Северную Корею (тоталитарный осколок периферийного коммунистического наследия). Между ними нет ничего общего, и единственное, что, вероятно, их объединяет, – это то, что они не занесены в список американских друзей. Пакистан вряд ли может претендовать на роль стабильного демократического режима, однако там наличие оружия массового уничтожения не вызывает вопросов. Не вызывает больших вопросов и политика Саудовской Аравии, финансирующей многие исламистские движения, в том числе и использующие террористические методы. Очевидно, что прежде чем разрабатывать стратегию и тактику борьбы с распространением оружия массового уничтожения (вопрос, безусловно, вызывающий озабоченность), надо все же для начала отказаться от двойных стандартов. Это же относится и к каналам финансирования. Никто на Западе не собирается перекрывать каналы финансирования чеченских экстремистов. Судя по последним заявлениям их представителей и интенсификации вооруженных действий, они сделали из этого собственные выводы. К сожалению, борьба против перечисленных выше угроз все больше носит выборочный характер, что способно привести к обратному результату.

Евстафьев: Пока ядерное оружие создали три государства, которые не считаются «экстремистскими». Два из них, Израиль и Индия, позиционируются не как исламские, а скорее как антиисламские. Реально – с точки зрения промышленных и технологических возможностей – ближе всего к созданию собственного оружия стоит Япония, также не имеющая ничего общего с исламом. Исламские государства пока больше говорят, чем реально действуют в сфере получения ядерного оружия – это показатель их стремления укрепиться за счет риторики, а также свидетельство слабости их систем перед лицом более динамичных исламистов.

Нельзя не отметить также, что существует принципиальная разница между Ираном, считающимся экстремистским государством, и Саудовской Аравией – ближайшим союзником США и Великобритании. В Иране есть демократические институты и выборный процесс является относительно свободным, а в Саудовской Аравии ничего подобного нет. Что до поддержки экстремистов, то здесь саудовцы далеко опережают Иран хотя бы в силу более значительных финансовых возможностей. Вспомним талибов, которые годами жили на саудовские деньги, и чеченских террористов. Так какое же государство считать экстремистским? Еще пример. Иран никогда не заявлял о возможности пересмотра безъядерной стратегии. Но такие голоса звучали, например, в Японии, причем исключительно громко и явно обдуманно. Мы, однако, не называем Японию экстремистским государством. И я не уверен, что это правильно. Япония в отличие от Ирака имеет еще и территориальные претензии к соседним странам. Название «государства-парии» или «проблемные государства» подброшено в наш лексикон американцами, которым удобнее приклеить ярлык тем, кто с ними не согласен. А наша научная общественность, во всяком случае ее часть, с удовольствием этот ярлык использовала.

За последнее время количество стимулов в пользу обладания ядерным оружием не сократилось, а увеличилось. Американская монополия на применение силы – один из наиболее значимых из них. Он будет безотказно действовать в ближайшие 12-15 лет. И будет стимулировать многие государства к поиску средств парирования американского доминирования. В том числе и с использованием ядерного оружия. И здесь проблема будет состоять не в экстремистском характере того или иного государства, а в том, насколько это государство устраивает та система международных отношений, которую монопольно формируют США. Причем динамика экономического развития в мире и геополитических тенденций такова, что попытки сдерживания стремления к переделу сфер влияния на региональном уровне только укрепят потребность в оружии массового уничтожения как средстве исключить «великие державы» из региональных разборок. И выхода из создавшегося положения я пока не вижу.

Тюлин: На мой взгляд, даже если считать создание ОМУ государством, которое в США называют «изгоем», доказанным, то мы сталкиваемся с порочным кругом. Вначале политика государства не устраивает ведущие

державы мира. Затем эти державы угрожают либо вмешательством во внутренние дела, либо «гуманитарной интервенцией», создают экономическую и технологическую блокаду вокруг «неправильных» режимов, затем эти страны начинают искать средства противодействия. Как я уже говорил, один способ противодействия – террор, другой – создание неприемлемого варианта ответа на силовые вызовы извне. Вероятно, силовые средства противодействия для нейтрализации угроз никто запретить не в силах. Вместе с тем наиболее адекватным путем представляется ускоренная эволюция режимов и экономических систем этих государств, их интеграция в мировое хозяйство и конструктивный диалог. Угрозы со стороны Запада могут лишь усилить позиции непримиримых и изоляционистов в этих странах, что представляется стратегической ошибкой Вашингтона. Это прискорбно не только для соседей этих государств, но и для мирового политического процесса.

Федоров: Действительно, общепринятых определений «государств, вызывающих озабоченность», а также критериев отнесения тех или иных режимов к «оси зла» нет; существуют и двойные стандарты, о которых шла речь. Впрочем, у американского руководства такие критерии есть: представляет политика государства угрозу безопасности США или нет. Странно было бы требовать от Вашингтона иного подхода при формулировании своей стратегии. Россия в свою очередь должна была бы руководствоваться аналогичной логикой и формировать свою политику исходя не из идеологических постулатов, но из непредвзятых оценок угроз и их источников. В этой связи представляются важными три обстоятельства.

В современном мире есть государства, проводящие политику, враждебную развитым демократиям. Их правящие группировки

исповедуют идеологии, несовместимые с либеральным ценностями и либеральным видением мира. Большинство из них стремятся к обладанию или уже обладает теми или иными видами оружия массового уничтожения. Некоторые явно или латентно поддерживают террористические движения исламского или левого толка. Все это усиливает напряженность и неопределенность мировой политики.

Обретение такого рода странами оружия массового уничтожения, особенно ядерного или биологического, приведет к опасной дестабилизации мировой политики и экономики. Например, как скажется получение ядерного оружия Ираном на стабильности в зоне Персидского залива? Кто может дать гарантии, что это не приведет к срыву поставок нефти из этого региона? Каковы будут последствия этого для мировой экономики? Другая сторона проблемы состоит в том, что распространение оружия массового уничтожения среди такого рода государств увеличивает вероятность его приобретения террористическими организациями. Такая перспектива крайне опасна.

Политика «умиротворения», рассчитанная на перерождение экстремистских режимов, в том числе путем втягивания их в интеграционные процессы, может оказаться успешной. Однако вероятность этого невелика. История скорее свидетельствует, что такая стратегия воспринимается лидерами тоталитарных систем как слабость и используется ими для собственного укрепления.

В этих условиях Россия в силу логики политического развития неизбежно окажется вместе с сообществом демократических государств. Другое дело, что в этом сообществе пока существуют расхождения интересов и стратегий в том, что касается отношений с «государствами, вызывающими озабоченность».■

Полемика**НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ АМЕРИКАНО-РОССИЙСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА С ЦЕЛЬЮ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СОЗДАНИЯ
ИРАНСКОЙ БОМБЫ****Роберт Айнхорн****Гэри Сеймур**

Соединенные Штаты и Советский Союз эффективно сотрудничали в противостоянии распространению ядерного и других видов оружия массового уничтожения. По иронии судьбы партнерство США с Российской Федерацией оказалось менее удовлетворительным, при этом серьезные трения вышли на более заметное место двусторонней повестки дня. В последние годы наиболее напряженные дискуссии разворачивались вокруг российского содействия ядерным и ракетным программам в Иране.

Усилия США по нейтрализации ядерных амбиций Ирана стали основным фокусом американской политики нераспространения на протяжении десятилетий. Этим усилиям придана срочность в послании президента США Буша «О положении страны», в котором он фактически заявил о том, что приобретение Ираном (а также Ираком и Северной Кореей) ядерных вооружений и ракет-носителей является неприемлемым. Он заверил, что США не будут сидеть сложа руки в условиях, когда опасность начнет усиливаться.

Несмотря на по-разному понимаемое представление об «оси», которую составляют Иран, Ирак и Северная Корея, представители администрации Буша разъясняли, что прекращение программ разработки оружия массового уничтожения (ОМУ) потребует различных подходов к каждой из этих трех «проблемных» стран. В случае с Ираном, где «неизбранное меньшинство» все еще контролирует главные рычаги власти, команда Буша может прийти к решению о том, что для остановки программ создания ОМУ потребуются такие меры, которые, как она надеется, в конечном итоге приведут к возникновению реформистского режима в Тегеране и оказанию ему содействия в осознании того, что в его интересах было бы повышение благосостояния иранского народа, а не стремление довести секретные программы ОМУ до рокового конца.

Однако консервативные иранские клерикалы до сих пор блокируют любые переговоры с

США, одновременно продолжая программы по созданию ОМУ и разработке баллистических ракет. Если и когда такие переговоры возникнут, то маловероятно, что они быстро приведут к позитивным результатам. В то же время чрезвычайно важно, чтобы Иран не поставил мир перед свершившимся фактом создания ракетно-ядерного оружия. Между тем Тегеран энергично действует именно в этом направлении. Он делает большие усилия для обеспечения автономии своих ядерных и ракетных программ, чтобы не быть уязвимым к нажиму извне и прекращению поставок. В ближайшие годы Иран мог бы достигнуть критического пункта, когда он был бы в состоянии создать ядерный и ракетный потенциал дальнего радиуса без дальнейшей иностранной помощи.

Иран пока не достиг этого пункта. Таким образом, чтобы получить время для переговоров и убеждения, существенно важно немедленно прекратить всякую внешнюю помощь программам ракетно-ядерных вооружений Ирана. В частности, это будет означать – убедить Северную Корею и Китай прекратить поставки в Иран ракетной технологии. Важным звеном для выигрыша времени будет Россия, которая является важнейшим источником передовых технологий для ядерных и ракетных программ Ирана.

Результаты взаимодействия Москвы и Вашингтона в отношении российской помощи ракетно-ядерным программам Ирана как при администрации Клинтона, так и в первые годы работы администрации Буша можно характеризовать в лучшем случае как неоднозначные. Несмотря на годы двусторонних консультаций на высшем уровне, секретное сотрудничество между российскими представителями и Ираном продолжается. Однако с ростом озабоченности после 11 сентября <2001 г.> относительно распространения ОМУ и в свете перспективы фундаментальных перемен в отношениях между Вашингтоном и Москвой может возникнуть вероятность, что решение вопроса

о российской помощи Ирану в области чувствительных технологий будет найдено. Это не только устранил раздражающий элемент в двусторонних отношениях между Россией и США, но и восстановит их совместные усилия по сдерживанию распространения ОМУ.

Десятилетие неоднозначных результатов

Ядерная проблема: первая стадия

В 1992 г. администрация Клинтона унаследовала политику сильной оппозиции США любому ядерному сотрудничеству с Исламской Республикой Иран, включая подчеркнуто мирное ядерное сотрудничество на основе гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Это виртуальное ядерное эмбарго было установлено администрацией Рейгана в начале 1980-х гг. в связи с опасениями того, что Иран может использовать мирную ядерную технологию для разработки программы ядерных вооружений. Во время деятельности администрации Рейгана в центре внимания США была Европа, особенно Германия и Франция, которые, как и США, имели соглашения о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии с Ираном. Вашингтону, несмотря на некоторое недовольство в Париже и Бонне, в основном удалось убедить своих европейских союзников не возобновлять ядерное сотрудничество с революционным Ираном главным образом из-за действительного недоверия европейцев к новому режиму в Тегеране и развязывания ирано-иракской войны (1980–1988 гг.). Наиболее важно то, что германское правительство решило не возобновлять работы над проектом Бушерской атомной электростанции (два легководных реактора мощностью 1300 МВт), которые строились во время «исламской революции» в Иране.

Администрация Дж. У. Буша продолжала эту строгую политику ядерного эмбарго США и убедила Австралию не сотрудничать с Ираном даже в области применения медицинских и промышленных изотопов. Ввиду того что США преуспели в приостановлении западной помощи, Иран стал чаще обращаться к России и Китаю как альтернативным поставщикам. В 1992 г., в конце работы администрации Буша, Китай согласился поставить Ирану два энергетических ядерных реактора, а Россия дала принципиальное согласие завершить Бушерский ядерный проект. В дополнение к этому обе страны начали переговоры о возможных сделках с Ираном относительно

исследовательских ядерных реакторов и компонентов ядерного топливного цикла¹.

В результате администрация Клинтона оказалась перед лицом нового вызова – возможного нарушения Китаем и Россией установленного США эмбарго на сотрудничество в ядерной области с Ираном. Администрация Клинтона в конечном итоге убедила Пекин отказаться от предоставления существенной помощи Ирану в ядерной области в рамках соглашения 1997 г. об осуществлении сотрудничества между США и Китаем в мирном использовании ядерной энергии. Россия, однако, настаивала на сохранении с Ираном отношений в ядерной области. Эта проблема стала одной из наиболее спорных и сложных между Вашингтоном и Москвой в годы клинтоновской администрации, занимая много времени и энергии и принося, однако, лишь ограниченные результаты.

Вскоре после начала своей деятельности администрация Клинтона, подобно двум предшествующим, приняла решение о политике полного ядерного эмбарго против Ирана. Госсекретарь США Уоррен Кристофер, который имел продолжительный и печальный опыт контактов с революционным Ираном со времени его работы заместителем госсекретаря при президенте Картере, был особенно рьяным приверженцем политики продолжения полного эмбарго. В результате американские дипломаты пытались убедить Москву не продвигать Бушерский проект, обосновывая это тем, что обязательствам Ирана по Договору о нераспространении нельзя доверять и что проект способствовал бы Ирану в накоплении опыта обращения с ядерными материалами и технологиями, которые могли бы косвенно содействовать военной ядерной программе.

Москва, однако, действовала по-своему. В январе 1995 г. российский министр по атомной энергии Виктор Михайлов и глава иранской ядерной программы Реза Амроллахи подписали контракт на 800 млн долл., предусматривающий, что Россия завершит одну очередь (мощностью 1000 МВт) Бушерского проекта. Москва утверждала, что Иран не нарушает обязательства по Договору о нераспространении и что энергетические реакторы на легкой воде под гарантиями МАГАТЭ не представляют серьезной угрозы распространения. В подкрепление своей аргументации Россия подчеркнула, что легководные реакторы, продаваемые ею

Ирану, относятся к тому же типу реакторов, которые Вашингтон согласился поставлять Северной Корее в соответствии с Рамочным соглашением (октябрь 1994 г.). И, наконец, Москва утверждала, что Бушерский контракт включал положения о том, что Россия поставляет исходное топливо для функционирования реактора и забирает обратно к себе отработанное топливо, лишая таким образом Иран любого потенциального доступа к плутонию, который содержится в отработанном топливе.

В начале 1995 г. США, однако, обнаружили, что Бушерская электростанция – лишь видимая часть айсберга. В секретном протоколе к январскому соглашению российское Министерство по атомной энергии обязалось поставлять Ирану ключевые технологии топливного цикла, включая исследовательские легководные реакторы, установки для производства топлива и – наиболее чувствительное из всего – центрифужное оборудование для обогащения урана. Вашингтон был в ярости. Либо российское правительство вводило в заблуждение относительно уровня его отношений с Ираном в ядерной области, либо Минатом принял на себя чрезвычайные обязательства без ведома Москвы. Более того, секретный протокол усилил опасения Вашингтона в том, что Иран продолжает разработку ядерного оружия под прикрытием невоенной ядерной энергетической программы. Когда президент Клинтон выразил резкий протест президенту Ельцину на их саммите в Москве в мае 1995 г., Ельцин не стал возражать, обещав отменить все аспекты соглашения, которые помогали бы Ирану в военном отношении.

Оба президента поручили своим заместителям уточнить детали, и в декабре 1995 г. премьер-министр Черномырдин направил конфиденциальное письмо вице-президенту Гору с обязательством ограничить сотрудничество России с Ираном первой очередь Бушерской станции и предоставлением в этой связи топлива, а также обучением персонала. Российские обязательства охватывали период строительства Бушерского комплекса (по оценкам Москвы – пять лет). Подписание этой договоренности было значительной победой для Вашингтона. США сохраняли свои принципиальные возражения против любого сотрудничества с Ираном в ядерной области, в то время как Россия соглашалась не предоставлять Ирану помощь, относящуюся к топливному циклу, или

дополнительные реакторы на протяжении по крайней мере пяти лет. Многие американские эксперты полагали, что Бушерский проект никогда не будет завершен. Помимо существования многочисленных технических и финансовых проблем и проблем безопасности, которые Ирану досаждают, эти эксперты не исключали и то, что он в конечном итоге утратит интерес к проекту «белого слона», как только осознает, что Москва не намерена «подсластить» сделку сопутствующими поставками технологии топливного цикла.

Возникновение ракетной проблемы

Едва Вашингтону показалось, что он уладил вопрос российского ядерного сотрудничества с Ираном, как возникла новая проблема. В середине 1990-х гг. США стало известно, что некоторые российские структуры, включая ряд крупных аэрокосмических фирм, предоставляют существенную помощь Ирану в его усилиях по производству ракеты среднего радиуса *Шехаб-3* (аналог северокорейской ракеты *Нодон*) и по разработке ракеты еще большего радиуса. Когда президент Клинтон поднял этот вопрос перед президентом Ельциным на их саммите в Хельсинки в марте 1997 г., Ельцин решительно отрицал существование какой-либо помощи иранской ракетной программе, но обещал организовать соответствующее расследование.

Через несколько месяцев на саммите в Денвере в июне 1997 г. президенты Клинтон и Ельцин условились создать специальный «канал» для работы по ракетному вопросу. Группу США изначально возглавлял бывший посол Фрэнк Визнер, которого позднее заменил бывший посол <по особым поручениям> Роберт Галлуччи, а затем заместитель госсекретаря Джон Холум. Российскую сторону представлял директор Российского космического агентства (РКА) Юрий Коптев. В ходе нескольких встреч обе стороны обсудили ряд конкретных «случаев» с российскими компаниями, которые, по мнению США, оказывали помощь Ирану в ракетной области². США при этом угрожали применить санкции по отношению к этим российским структурам, если Россия не расследует и не приостановит такую деятельность, а также оказывали нажим на российское правительство с целью установления более строгих законов и правил экспортного контроля. В качестве дополнительного рычага давления на Российское космическое агентство США увязали расширение коммерческого сотрудничества с Россией в космосе, особенно

квоту на коммерческие запуски американских спутников на российских носителях, с прекращением российской помощи Ирану в ракетной области.

К 1998 г. вопрос о российской помощи иранской ракетной программе приобрел еще большее политическое значение, поскольку Конгресс США на двухпартийной основе принял закон (на него наложил вето президент Клинтон), который потребовал бы введения санкций против российских структур, подозреваемых в содействии ракетной программе Ирана. Администрации президента пришлось сражаться на два фронта. От Москвы она добивалась, чтобы российские власти приняли строгие меры по прекращению поставок, имеющих отношение к ракетной технологии, и наказания нарушителей (в противном случае Конгресс преодолел бы вето президента Клинтона на закон о санкциях). С Конгрессом администрация вела дискуссии о том, что ее дипломатические усилия, включая угрозы применения санкций, способствуют продвижению Москвы в нужном направлении. Однако введение санкций породило бы противодействие в Москве и затруднило бы для российского правительства принятие правильных мер.

В этот период, когда внутренняя политика и международная дипломатия переплетались, стала значительно возрастать роль советника по национальной безопасности Сэнди Бергера в процессе взаимодействия его с российскими коллегами – сначала Андреем Кокошиным, а позднее Сергеем Ивановым – по согласованию действий против конкретных российских структур и мер по укреплению законов и правил экспортного контроля. И действительно, был достигнут некоторый прогресс. Начиная с января 1998 г. российское правительство предприняло серию шагов по укреплению своей системы экспортного контроля, включая установление «всеобъемлющего» контроля с целью предотвращения экспорта любых материалов и технологий, которые могут быть использованы в программах ОМУ или при разработке баллистических ракет, даже если они не включены в различные международные списки.

Неохотно российское правительство отменило также несколько контрактов между российскими компаниями и иранскими организациями, занимающимися реализацией ракетной программы, отрицая при этом, что контракты затрагивают материалы и технологии, содержащиеся в контрольных

списках Режима контроля за ракетной технологией (РКРТ). Летом 1998 г. Сэнди Бергер и Андрей Кокошин вели интенсивную работу над предотвращением кризиса в двусторонних отношениях. В июле 1998 г. Москва опубликовала список российских структур, в отношении которых проводилось расследование в связи с тем, что они оказывали содействие ракетной программе Ирана. В соответствии с предварительной договоренностью между Бергером и Кокошиным Вашингтон быстро установил санкции против семи из этих российских структур. В свою очередь, Конгресс отложил голосование, направленное на преодоление вето президента Клинтона по законопроекту о санкциях³. В июле 1999 г. Дума приняла новый закон об экспортном контроле, который предоставил правительству более широкие юридические полномочия для расследования и наказания структур, замешанных в незаконных поставках для иностранных программ ОМУ.

В последний год работы администрации Клинтона Вашингтон и Москва продолжали добиваться прогресса в вопросе контроля за ракетными технологиями. В апреле 2000 г. советник по национальной безопасности Сэнди Бергер и его новый российский коллега Сергей Иванов условились о совместных действиях против Балтийского государственного технического университета, который вопреки запретам Москвы продолжал преподавать иранским студентам дисциплины о ракетных технологиях. В то же время Вашингтон снял санкции с двух российских аэрокосмических структур («ИНОР» и «Полус»), установленные в июле 1998 г. Тем самым было продемонстрировано, что российские структуры могут быть изъяты из списка организаций, подвергаемых санкциям, если они прекратят содействие ракетной программе Ирана. В мае 2000 г. президент Путин реорганизовал аппарат экспортного контроля российского правительства с намерением укрепить его исполнительские функции.

К концу деятельности администрации Клинтона Вашингтон пришел к заключению, что достигнутый прогресс оправдывает принятие решения об истечении срока квоты на запуски спутников США российскими ракетами в конце 2000 г. Тем самым было проявлено намерение придать экономический стимул российско-американскому сотрудничеству в космосе. В этом решении отражено мнение США о том, что Российское авиационно-космическое агентство (которое ранее называлось Российским

космическим агентством – РКА) и ассоциированные с ним компании предпринимают серьезные усилия по укреплению экспортного контроля и предотвращению несанкционированных передач технологий. Это особенно относится к крупным российским аэрокосмическим фирмам, которые развивали коммерческие отношения с ракетной программой Ирана в середине 1990-х гг. и теперь явно стали склоняться к тому, что их экономическое будущее основано на сотрудничестве с фирмами США.

Несмотря на этот прогресс, ракетный вопрос никогда не был решен полностью. Иран по-прежнему стремится заполучить ракетную технологию у малых российских компаний и отдельных ученых – явно в нарушение законов и политики России. По прогнозам Вашингтона, хотя российские руководители приняли четкие политические обязательства о прекращении всякой ракетной помощи Ирану и российское правительство установило списки строгих правил и законов об экспортном контроле, выполнение этих обязательств выглядит sporadическим. Российские расследования были медленными и незавершенными, кажется, никто не был наказан. Как представляется многим в Вашингтоне, Москва стремится сделать ровно столько, сколько необходимо для ослабления американского нажима и угрозы санкций, не принимая решающих мер, которые могли бы навредить общим отношениям России с Ираном. Многим в Москве кажется, что США раздувают проблему, выдвигая обвинения без подкрепления какими-либо точными данными и стремясь вмешаться в обычные экономические сделки и научный обмен между Россией и Ираном.

Ядерная проблема: вторая стадия

Хотя Вашингтон и Москва стремились упорно заниматься с 1997 г. ракетным вопросом, ядерное сотрудничество России с Ираном вновь возродилось как крупная проблема. Министерство по атомной энергии всегда возмущалось «отступлением» Ельцина перед американским нажимом и стремилось отказаться от обязательств 1995 г. или обойти их, особенно после того, как в марте 1998 г. министром по атомной энергии стал Евгений Адамов. Ранее Адамов работал директором Научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники (НИКИЭТ). Это российский гражданский ядерный институт, который был серьезно задействован в оказании помощи Ирану по другим ядерным проектам помимо Бушерской атомной электростанции.

Адамов открыто выступал за продажу дополнительных энергетических и исследовательских реакторов Ирану, и американские представители подозревали, что он неофициально поощрял (или по крайней мере не возражал против этого) предложения и поставки технологий ядерного топливного цикла в Иран, предположительно, чтобы склонить его к закупкам дополнительных энергетических реакторов. После того как Адамов возглавил министерство, получило развитие сотрудничество между российскими ядерными институтами и ядерной программой Ирана в области секретных технологий, включая производство тяжелой воды и ядерного графита, конструкции исследовательских реакторов и технологии лазерного обогащения⁴.

Адамов, разумеется, отрицал, что Минатом содействовал Ирану в области любых секретных ядерных технологий, обещал расследовать любую информацию, представленную США, и прекратить любые «несанкционированные» передачи технологий. В неофициальной обстановке Адамов, подобно многим в России, был не слишком высокого мнения об иранских ядерных возможностях. Некоторые эксперты США высказывали предположения о том, что он пытался использовать передачу технологий топливного цикла с таким расчетом, чтобы заинтересовать Иран в приобретении энергетических реакторов, но при этом он не планировал передачу чувствительных технологий, которые, по его мнению, могли способствовать Ирану в создании ядерного оружия. В дополнение к этому некоторые российские представители разясняли, что могли бы лучше отслеживать, что делает Иран под прикрытием российско-иранского ядерного сотрудничества. Более того, они говорили, что Москва могла бы пригрозить разрывом мирного ядерного сотрудничества с тем, чтобы удержать Тегеран от нарушения его обязательств по Договору о неприсоединении.

Начиная с середины 1998 г. администрация Клинтона ответила на эту возобновившуюся проблему тем же трехуровневым подходом, который она применяла в отношении ракетного вопроса. Во-первых, на политическом уровне президент, вице-президент, госсекретарь и советник по национальной безопасности предупредили своих российских партнеров, что ядерная помощь за рамками Бушерского проекта способствует Ирану в приобретении ядерного оружия и чревата ущербом двусторонним российско-американским отношениям в

целом. Во-вторых, на уровне Минатома США увязали сотрудничество по совместным проектам, которыми столь дорожит Адамов, – таким, как Соглашение между США и Россией о ядерном сотрудничестве, совместное исследование по разработке новейших энергетических реакторов и международного хранилища отработанного топлива, – с прекращением отношений между Россией и Ираном в ядерной области⁵. В-третьих, на уровне структур США попытались оказать экономическое давление на отдельные институты путем введения санкций по отношению к тем из них, которые оказывали помощь Ирану в области чувствительных технологий (против трех институтов, включая НИКИЭТ, были выдвинуты санкции в январе 1999 г.). Одновременно было разъяснено, что для российских организаций, предоставляющих помощь Ирану, существует угроза их исключения из программ США и России по уменьшению совместной опасности.

Однако даже по сравнению с ракетным вопросом результаты этого трехуровневого подхода были неудовлетворительными. С одной стороны, российское политическое руководство – от Путина и ниже – охотно соглашалось разделить цель США по предотвращению оснащения Ирана ядерным оружием и давало твердые заверения в том, что Россия не допустит передачу секретной ядерной технологии Ирану. В действительности вице-президент Гор вмешался и приостановил некоторые из конкретных сделок, к которым было привлечено внимание США. Среди них такие, как контракт между иранскими организациями и Научно-исследовательским институтом им. Ефремова о предоставлении Ирану экспериментального лазерного обогащательного оборудования⁶. С другой стороны, российские расследования часто кажутся неискренними, и правительство России все более настойчиво выступает за продолжение сотрудничества с Ираном в области гражданского применения ядерной энергии.

На этом фоне переход руководящих функций от Ельцина к Путину в марте 2000 г. не сулил определенной перспективы. Казалось, что в отличие от Ельцина Путин более способен провести в жизнь указания Кремля, по крайней мере, когда это касалось мер Федеральной службы безопасности (ФСБ) по блокированию утечек технологии. Кое-кто в правительстве США полагал, что неспособность ФСБ эффективно обеспечить реализацию российских законов и политики –

одна из принципиальных причин того, что проблема все еще не решена; по мнению этих чиновников, ФСБ либо соучаствует в этом, либо некомпетентно, либо то и другое вместе.

Располагая лучшими возможностями для реализации российских обязательств, Путин был также более подготовлен к утверждению национальных интересов России, даже если это означало отказ от политических обязательств Ельцина перед Клинтоном. Например, к июню 2000 г. Россия почти полностью отказалась от декабрьской 1995 г. договоренности Гора–Черномырдина о сотрудничестве с Ираном в ядерной области. Президент Путин решительно подтвердил право России поставить Ирану ядерные реакторы в порядке легитимной гражданской торговли, а министр Адамов настойчиво стремился завершить оформление дополнительных поставок, включая, как подозревал Вашингтон, теневые предложения оборудования для ядерного топливного цикла.

В отличие от ракетной проблемы, где РККА не стремилось укрепить коммерческие отношения с Ираном в области мирного сотрудничества в космосе, Минатом имел серьезные обязательства по сотрудничеству с Ираном в мирном использовании атомной энергии. Разница была весьма существенная. Выгодные коммерческие отношения с Ираном мотивировали более сильную заинтересованность Минатома в том, чтобы удовлетворять иранских клиентов, а разветвленные сделки между ядерными организациями России и Ирана предоставляли большее прикрытие для сотрудничества в закрытых сферах.

Рычаги воздействия США на РККА и Минатом также различались. В ракетной сфере правительство США могло использовать относительно более гибкий механизм воздействия – мирное сотрудничество с Россией в космосе в качестве стимула поощрения РККА к укреплению экспортного контроля. Однако в ядерной сфере многие совместные программы США с Минатомом по охране расщепляющихся материалов и использованию российских ученых-ядерщиков считались слишком важными для интересов национальной безопасности США, чтобы оказаться заложниками иранской проблемы. В сущности, Адамов, кажется, полагал, что он сможет действовать по двум направлениям: сохранять финансирование из США совместного сокращения ядерной угрозы и продолжать поставки ядерной технологии Ирану.

Эти институциональные различия отражались и, возможно, усиливались субъективными факторами. Если Коптев, как представлялось, предпринимал искренние усилия в подходе к проблеме, Адамов воспринимался как часть проблемы, что предопределяло еще большую сдержанность США в обмене закрытой информацией, относящейся к ситуациям в ядерной области; если и удавалось добиться прогресса, то вопреки Минатому. Например, в случае с лазерной установкой в Институте им. Ефремова Минатом настаивал на продолжении проекта на том основании, что установка может произвести только незначительные количества обогащенного урана. Другие ведомства российского правительства, включая Совет безопасности, не поддержали позицию Минатома, явно признав, что любая помощь в обогащении прямо противоречила конфиденциальным заверениям Москвы о том, что она не позволит передавать чувствительные технологии в Иран в любой форме.

К концу деятельности администрации Клинтон Вашингтон предпринял усилия провести переговоры о новом соглашении с Москвой относительно ядерного сотрудничества с Ираном с тем, чтобы заменить им декабрьскую (1995 г.) договоренность Гора–Черномырдина, из которой российское правительство практически вышло. В переговорах с заместителем министра энергетики Эрни Моницем Адамов дал понять, что Россия готова подписать обязательство о запрещении сотрудничества с Ираном по ряду конкретных технологий топливного цикла, включая его наиболее чувствительные фазы: обогащение и переработку. Взамен Адамов хотел, чтобы США не принимали мер наказания против России, если она продолжит дополнительные поставки в Иран энергетических реакторов. Хотя обе стороны, кажется, были близки к подписанию соглашения, переговоры в конечном итоге были прерваны из-за неуверенности Вашингтона в том, что Адамов сможет выполнить договоренность.

Буш наследует проблему

Приступив к исполнению своих обязанностей, администрация Буша идентифицировала распространение ОМУ и баллистических ракет «государствам-изгоям», таким, как Иран, в качестве первостепенной угрозы безопасности Соединенных Штатов. Администрация Буша, подобно предыдущим администрациям, энергично выступила против передачи

ракетной или ядерной технологии из России в Иран, но вначале она медленно вовлекалась в подробное обсуждение проблемы с Москвой. Отчасти задержка объяснялась «обычной» и прогрессирующей нефункциональной паузой, которая сковывает каждую новую администрацию по мере того, как утверждаются политические назначения и обзоры политики пробивают себе путь через систему. Например, в марте 2001 г. Адамова сменил Александр Румянцев на посту министра по атомной энергии, при этом возникла надежда на прогресс в ядерном вопросе. (В отличие от Адамова, имевшего большие личные интересы в расширении гражданского ядерного экспорта России и пришедшего из института, глубоко zaangażированного в ядерной помощи Ирану, Румянцев приобрел известность в Институте им. Курчатова, который концентрировался на научном партнерстве с США и мало сотрудничал с Ираном. Однако в течение нескольких месяцев Вашингтон откладывал встречу руководящих чиновников с Румянцевым в ожидании завершения обзора политики России и момента, когда новая политическая команда приступит к своим обязанностям.

Помимо этих обычных задержек новая администрация придерживалась также иной повестки дня с Москвой. В первые несколько месяцев своей работы она стремилась не придавать центрального значения отношениям с Россией и вместо этого сосредоточиться на укреплении отношений с союзниками. По мере оживления отношений с Москвой главным приоритетом Вашингтона стала противоракетная оборона, которая рассматривалась как критически важный ответ на угрозу распространения. Беседы президентов Буша и Путина фокусировались на получении согласия Москвы на модификацию Договора по ПРО или (как это и оказалось) на примирении с выходом США из Договора. Сразу же после 11 сентября <2001 г.> фокус Вашингтона в отношении Москвы сместился к сотрудничеству с Россией в противостоянии терроризму и переговорам по разработке соглашения о сокращении наступательных стратегических вооружений.

В этот период, почти на протяжении всего первого года функционирования администрации, ответственные представители США на встречах с российскими официальными лицами выражали озабоченность в связи с продолжающимися российскими поставками Ирану, но этот вопрос не ставился резко или детально. К тому

же в администрации расходились мнения о том, что потребовать от Москвы и что предложить взамен. Заметив, что Вашингтон уделяет меньше внимания иранскому вопросу, некоторые российские эксперты и чиновники говорили, что США придерживаются более терпимой позиции в отношении российских поставок Ирану, поскольку администрация Буша уверена в том, что она может положиться на противоракетную оборону с тем, чтобы справиться с угрозой распространения. Некоторые из них даже полагали, что если Москва смирится с НПРО, то Вашингтон не станет возражать российским сделкам с Ираном.

В действительности по мере сокращения нажима из Вашингтона стало казаться, что проблема обостряется. В январе 2002 г. в полугодовом докладе о тенденциях нераспространения ЦРУ сообщило, что Россия остается важным источником снабжения ракетной и ядерной программ Ирана. Оно пришло к выводу, что «обязательства, воля и возможности российского правительства ограничить поставки, относящиеся к нераспространению, остаются неопределенными»⁷. Давая показания в сенатском комитете по разведке, директор ЦРУ Джордж Тенет подчеркнул этот пункт, заявив: «Россия продолжает оказывать важную помощь почти по всем аспектам ядерной программы Тегерана. Она также предоставляет Ирану помощь по баллистическим ракетам дальнего радиуса действия»⁸.

Официальная российская реакция была гневной и отрицательной. Российское Министерство иностранных дел заявило: «Пожалуй, впервые в последний период в официальном американском документе предпринимается попытка поставить под сомнение «приверженность, желание и способность» российского правительства предотвращать «утечки» чувствительных товаров и технологий за рубеж. Такая постановка вопроса категорически неприемлема. Она полностью противоречит принципиальной линии и практическим шагам России в отношении нераспространения ОМУ и средств его доставки»⁹. Российский министр иностранных дел Игорь Иванов впоследствии заявил: «Вымышленные российские поставки ядерных или ракетных технологий Ирану обсуждаются длительное время, но это не что иное, как миф»¹⁰.

Несмотря на замедленный старт, теперь, особенно после послания президента Буша «О положении страны» в январе 2002 г.,

администрация стала более активно взаимодействовать с Москвой с целью прекращения поставок Ирану в ракетной и ядерной областях. В начале 2002 г. госсекретарь США Колин Пауэл подробно обсудил этот вопрос с российским министром иностранных дел Игорем Ивановым. Позднее заместитель госсекретаря Джон Болтон и помощник госсекретаря Джон Вульф посетили Москву несколько раз для детального обсуждения с российскими официальными представителями в МИД, Совете безопасности, аппарате премьер-министра, Минатоме, Российском авиационно-космическом агентстве и Министерстве экономического развития и торговли. К сожалению, теперь, когда Сергей Иванов переместился из Совета безопасности и возглавил Министерство обороны, стало более затруднительно для советника по национальной безопасности Кондолизы Райс играть ту же роль, что и Сэнди Бергер, в плане нейтрализации российской бюрократии и доведения российско-иранских проблем непосредственно до внимания Кремля.

По мере того как администрация Буша отводила российско-иранским вопросам более заметное место в двусторонней повестке дня, она следовала основному подходу администрации Клинтона по ядерному вопросу. При этом предлагается сотрудничать с Россией по ключевым проектам, таким, как разработка инновационного реактора и международного хранилища отработанного топлива, если она прекратит всякое ядерное сотрудничество с Ираном, включая поставки энергетических реакторов.

Администрация Буша также рассматривает возможность санкций по отношению к российским структурам, которые, как полагают, содействуют ядерной и ракетной программам Ирана, но она совершенно не расположена обмениваться с Россией секретной информацией о конкретных структурах и сделках. Вашингтон полагает, что Москва уже знает или может узнать, что происходит, однако не желает рисковать компрометирующими «источниками и методами», раскрывая секретную информацию. Россия в ответ на упреки Вашингтона, требует от американской стороны доказательств, подтверждающих обвинения в создании угрозы.

Наконец, администрация Буша, кажется, осознает, что прогресс по российско-иранскому вопросу потребует взаимодействия с Москвой

на самом высоком уровне. Хотя, по имеющимся сообщениям, президент Буш не поднимал вопрос в связи с российско-иранскими озабоченностями на саммите в Кроуфорде в ноябре 2001 г., как сообщают, вопрос обсуждался довольно подробно во время московского саммита в конце мая 2002 г. На совместной пресс-конференции 24 мая президенты Буш и Путин пришли к соглашению, что важно предотвратить приобретение ядерного оружия Ираном, но президент Путин подтвердил позицию России относительно того, что ее сотрудничество с Ираном не будет содействовать распространению. Он также утверждал, что западные компании помогают ядерной и ракетной программ Ирана и других стран, и предложил поделиться этой информацией с США. Выступая на следующий день в Санкт-Петербурге, госсекретарь Пауэлл подтвердил, что у США и России сохраняются расхождения относительно того, способствует ли российское ядерное сотрудничество с Ираном распространению, но сказал, что обе стороны продолжают работу над решением этого вопроса.

Почему проблема все еще не решена

Многие американские официальные лица удивляются, почему – спустя годы двустороннего внимания на высоком уровне и многочисленных заверений из Москвы – Иран все еще в состоянии находить российские структуры и отдельных лиц, которые готовы поставлять оборудование, материалы и технологию для его ядерной и ракетной программ. Неужели русские не сознают, спрашивают американцы, что если Иран будет обладать баллистическими ракетами большой дальности, оснащенными ядерными боеголовками, то это станет угрозой собственным интересам безопасности России?

Российская сторона реагирует довольно эмоционально, отмечая при этом, что, разумеется, опасность приобретения Ираном таких возможностей осознается, и поэтому твердая политика России состоит в том, чтобы не поддерживать иранские программы ядерных вооружений и ракет большой дальности. Представители России признают, что российские организации и отдельные лица временами предоставляют помощь Ирану в нарушение политических установок и законов России. Но, утверждают они, «частное распространение» будет минимизировано и устранено по мере того, как окрепнет российская относительно новая система экспортного контроля.

Американские официальные лица считают такие объяснения лишь частично убедительными. Они приветствуют шаги Москвы в целях укрепления экспортного контроля и ценят, что российские власти вмешались в нескольких случаях, чтобы приостановить секретное сотрудничество. Признают они и то, что экспортный контроль и таможенные службы России испытывают недостаток необходимых ресурсов для повышения эффективности работы.

Но американские официальные лица не приписывают продолжение секретных поставок только недостаткам российской системы экспортного контроля. Они полагают, что, особенно в ядерной области, проблема не только в «частном нераспространении», но также в сотрудничестве, осуществляемом с ведома и одобрения правительственных или связанных с правительством структур. Они отмечают, что пока российское правительство проводит расследования возможных нарушений экспортного контроля, немногие российские структуры (если вообще таковые имеются) признаются виновными и подвергаются наказанию. Им трудно понять, почему представители Ирана ухищряются действовать в России столь свободно и эффективно. И они расстроены тем, что вместо каждой российской структуры, которую Москва вынуждает прекратить помощь Ирану, кажется, возникает новый готовый партнер.

Официальные лица США убеждены в том, что если бы российское руководство действительно хотело покончить с содействием российских структур <Ирану> и проявляло готовность придать этим целям надлежащий приоритет и выделить соответствующие ресурсы, такая помощь могла бы прекратиться или, по крайней мере, замедлиться и превратиться в крохотный ручеек. Это не означает, что, по мнению США, Россия потворствует или активно способствует приобретению Ираном ядерного оружия или ракет большой дальности. Просто Вашингтон пришел к выводу, что Россия, как минимум, проявляет терпимость в отношении помощи указанным программам.

Если это заключение правильное, почему тогда Москва мирится с таким российско-иранским сотрудничеством? Если глядеть в корень, то ответ кроется в российских экономических и геополитических интересах, по крайней мере, в том, каким образом Россия проводит эти интересы. Поскольку российское

правительство теперь редко размещает заказы в аэрокосмическом комплексе и ядерных структурах России, то для выживания эти структуры ныне вынуждены присматриваться к рынку. В то время как ряд российских ракетных и аэрокосмических структур задействован в выгодных проектах с Западом, у других предприятий этого сектора нет контактов с США или другими западными фирмами, и возникают стимулы обращаться к партнерам в «третьем мире». Еще хуже положение в ядерной промышленности. Минатом утверждает, что у него нет иной альтернативы, как продавать свою продукцию в Иран и некоторые другие страны, потому что западные рынки остаются закрытыми для него и он вытеснен с традиционных рынков в Центральной и Восточной Европе¹¹.

Стоимость российского ядерного, а также связанного с ракетами экспорта в Иран мала по сравнению с общим объемом торговли и размерами экономики России. Но с учетом затронутых секторов промышленности, специфики предприятий или других вовлеченных институтов и самих специалистов выгоды могут быть значительными. Установлено, например, что в Бушерском проекте участвуют более 300 российских предприятий и что благодаря ему создано около 20 000 рабочих мест¹². Для отдельных российских ученых-ядерщиков и ракетчиков продажа технической информации и услуг даже по малой цене составляет существенный доход.

Более того, экономические выгоды для России от ядерного и ракетного экспорта в Иран, вероятно, расцениваются Москвой выше, чем прямой эффект от такого сотрудничества для ядерной и аэрокосмической промышленности. Готовность России пойти на секретные поставки перед лицом сильной американской оппозиции несомненно повысило доверие к Москве со стороны тегеранского режима, у которого немного поставщиков в этих отраслях, и укрепило ее позиции в плане получения контрактов в других выгодных коммерческих сферах, особенно в области поставок обычного оружия.

Наряду с экономическими стимулами для участия России в ядерном и ракетном сотрудничестве не менее важна ее заинтересованность в укреплении двусторонних отношений с Ираном в геополитическом контексте. Москва четко рассчитывает, что Иран станет в будущем ее важным игроком в Персидском заливе, на

Среднем Востоке и в исламском мире, и в силу этого стремится к хорошим, и даже привилегированным отношениям с любым правящим режимом в Тегеране.

Исходя из ее серьезной озабоченности исламским экстремизмом внутри России, Москва стремится к тесным связям с Ираном как к своего рода страховому полису, который может оградить от нежелательного иранского влияния на мусульманские общины России. В этой связи российские официальные представители, по всей вероятности, полагают, что Иран до сих пор играл сдерживающую роль в Чечне, и они не хотят подвергать это риску. Вообще Москва считает, что укрепление ее связей с Ираном отвечает многочисленным совпадающим интересам обеих стран, включая характер правительства в Афганистане, роль Турции в регионе и перспективы в отношении радикальных исламских групп в Средней Азии и на Кавказе.

Эти экономические и геополитические мотивации определяют предрасположенность России к сотрудничеству с Ираном, если не появятся веские основания, относящиеся к вопросам нераспространения или внешней политики, для свертывания сотрудничества. Но этим объяснения не исчерпываются. Для оценки причин продолжающегося терпимого отношения Москвы к тому, что, по мнению Вашингтона, является очень рискованными поставками Ирану, необходимо также понять несколько аргументов, официально и неофициально выдвигаемых Россией. Речь идет об аргументах, которые в зависимости от той или иной точки зрения являются либо весомыми доводами, либо неубедительными рассуждениями с целью одобрения таких поставок (или отказа решительно действовать для их прекращения). Ниже приводятся некоторые из этих аргументов.

- *Российская помощь не является чувствительной в военном отношении и не может содействовать иранским программам ядерных и ракетных вооружений.* Верно, что нет ни одного гражданина России, осужденного за прямую помощь Ирану в разработке ядерного оружия, что большая доля сотрудничества в ядерной и ракетной областях имеет двойное назначение и поэтому применима как в гражданской, так и в военной целях. Но российское содействие «гражданским» разработкам ядерного топливного цикла предоставит Ирану возможность производить расщепляющиеся материалы для ядерного оружия, а применение

технологий двойного назначения с широким промышленным использованием является критически важным ингредиентом в сегодняшних ракетных программах. Например, технологии, которыми Иран стремится обзавестись в целях добычи и обработки природного урана, а также производства низкообогащенного уранового топлива для энергетических ядерных реакторов, могут быть равным образом использованы для производства высокообогащенного урана, необходимого для ядерного оружия. Аналогичным образом обрабатывающие станки и диагностическое оборудование, имеющие многообразное гражданское применение, также существенно важны для усилий Ирана по разработке программы собственного производства ракет.

- *Помощь Ирану полностью соответствует международным обязательствам России.* Москва права в отношении того, что ядерное сотрудничество с добросовестными участниками Договора о нераспространении разрешается и что Международное агентство по атомной энергии еще не считает Иран нарушителем его обязательств по этому договору. Но безответственно поставлять чувствительные ядерные технологии странам, подозреваемым в разработке ядерного оружия (и российские официальные лица в один прекрасный день признают в частном порядке, что они не отвергают оценки США относительно намерений Ирана.)

- *Американское недовольство российским сотрудничеством с Ираном продиктовано мотивами, менее благородными, чем нераспространение.* В различные периоды времени Россия утверждала, что США пытаются подорвать российскую атомную промышленность, сохранить для себя рынок ядерной энергии, нарушить двусторонние отношения между Москвой и Тегераном, реализовать пожелания Израиля и увековечить международную изоляцию Ирана¹³. Эти весьма ошибочные озабоченности бросают тень сомнения относительно мотивов США и используются в определенных российских кругах для дискредитации американских предположений и оправдания собственного поведения России. Одни из этих озабоченностей могут быть искренними, другие – надуманными. Но все они неспособны исчерпывающе объяснить подлинные причины того, что помощь России Ирану находится почти во главе американо-российской повестки дня и остается источником тревоги США почти десятилетие.

- *Фактически российская помощь не может быть ответственной за приобретение Ираном ядерных вооружений и ракет большого радиуса.* Эта аргументация проявляется в двух формах. Первая сводится к тому, что несмотря на сотрудничество с Россией, Иран не располагает технологическими возможностями производить то, чего больше всего опасается Вашингтон. Согласно одному аналитику, «сегодняшний уровень индустриализации Ирана с учетом преобладающего кустарного и полукустарного производства ... вряд ли свидетельствует о наличии промышленно-технологического потенциала для самостоятельного конструирования и производства современных вооружений, включая ядерное оружие и средства его доставки»¹⁴. Второй, менее последовательный набор аргументов подразумевает, что приобретение Ираном ядерного оружия и средств доставки на дальнее расстояние практически неизбежно, вследствие чего получаемая им помощь из России, невзирая на степень ее полезности, не будет играть решающей роли. Оба вида этой аргументации крайне сомнительны. Было бы неразумно делать чувствительные поставки, полагая, что в конечном итоге Иран не сумеет использовать их в соответствии с его намерениями. Столь же неразумно было бы осуществлять такие поставки в надежде на то, что Иран успешно обойдется и без них.

Разумеется, без достоверной информации о рассмотрении этой проблемы в российском правительстве можно только строить догадки о факторах и аргументах, которые более всего влияют на позицию Москвы в отношении сотрудничества с Ираном. Но какой бы не была комбинация фактов, основа остается очевидной: тайное сотрудничество между российскими и иранскими организациями в ракетно-ядерной области продолжается. Такое сотрудничество остается разъединяющим элементом в американо-российских отношениях и Иран продолжает все больше продвигаться к возможности производить ядерное оружие и ракеты для доставки его на большое расстояние¹⁵.

Как преодолеть тупик?

Администрация Буша явно надеется, что недавнее улучшение американо-российских отношений и крепкие личные связи между президентами Бушем и Путиным приведут к сдвигу в российском подходе к сотрудничеству с Ираном. Согласно этой точке зрения, Путин признает, что Россия

гораздо больше выиграет как экономически, так и политически, проводя союзническую политику с Вашингтоном, чем продолжая поддерживать или по крайней мере терпеть опасное сотрудничество с сомнительными режимами.

Американская администрация права в том, что возросшие после 11 сентября <2001 г.> озабоченности относительно распространения ОМУ и баллистических ракет и крепнущая российско-американская дружба создают новые возможности для решения этого затянувшегося спора. Но даже в этой более благоприятной обстановке Москва вряд ли рассчитывает, что преимущества сделки, находящейся на столе США, перевесят ее недостатки.

С экономической точки зрения России может показаться соблазнительным предложение США, включающее сотрудничество в разработке инновационных реакторов, американскую поддержку потенциально выгодного плана хранения в России отработанного реакторного топлива и многочисленные другие привлекательные моменты как ядерного, так и неядерного характера. Но многие из выгод, обещанных в сочетании с этими американскими «пряниками», довольно неопределенные (например, план хранилища для отработанного топлива встречает сильную оппозицию российских экологов) и в любом случае не материализуются в течение нескольких лет. Между тем вознаграждения в результате российского сотрудничества с Ираном более ощутимы и скорее реализуются (например, около 800 млн долл. за каждый бушерский реактор).

В геополитическом контексте российские руководители, особенно сам Путин, кажется, верят, что хорошие отношения с США и Западом критически необходимы для будущего России. Но они, вероятно, не видят оснований, почему более тесное сближение с США предусматривает прекращение того, что, с их точки зрения, является легитимным и не угрожает сотрудничеству с такими соседями, как Иран. Они, разумеется, опасаются, что прекращение такого сотрудничества по просьбе США подвергнет опасности двусторонние отношения с Ираном, в том числе развивающиеся коммерческие отношения.

Во внутривнутриполитическом плане Путин уже опередил российскую политическую элиту в готовности реагировать на озабоченности США. Решение иранской проблемы, которое

могло бы быть воспринято в России как отказ от долгосрочного обязательства в отношении критически важной страны – уступка давлению США и которое стоило российским рабочим тысяч рабочих мест, поставило бы его [Путина] перед угрозой сильной критики внутри страны.

Для того чтобы быть поддержанным в Москве, любое решение не должно выглядеть подрывающим стремление России иметь хорошие двусторонние отношения с Ираном или наносящим вред российским экономическим интересам. Для поддержки в Вашингтоне оно [решение] должно выглядеть как надежное прекращение любой помощи российских организаций иранским программам создания ядерного оружия и ракет большой дальности.

Уточнение подхода США к ядерной проблеме

Решение по этому вопросу требует некоторых модификаций нынешнего подхода США, особенно их позиции по отношению к поставкам атомных реакторов в Иран. Администрации как Клинтона, так и Буша возражали против любого сотрудничества с Тегераном в ядерной области, включая поставки энергетических реакторов для Бушерского проекта. Они делали так не потому, что, по их мнению, Иран переключит плутоний из отработанного топлива легководных реакторов, находящихся под гарантиями МАГАТЭ, а по причине озабоченности тем, что Иран может использовать Бушерский проект в качестве рычага давления на Россию, чтобы получить дополнительную чувствительную помощь и оправдать закупки более чувствительных технологий ядерного топливного цикла (например, чтобы производить собственное топливо для реакторов). В качестве частичных мер обе администрации пытались, увы, безуспешно удержать Россию в рамках ее обязательства 1995 г. о продолжении ядерного сотрудничества только применительно к энергетическому реактору и связанному с этим топливу и обучению. Но основные стимулы для ядерного сдерживания, предлагаемые Москве (например, заключение американо-российского соглашения о полном ядерном сотрудничестве, о совместной работе над инновационными реакторами, поддержка проекта о строительстве хранилища отработанного топлива в России), предоставлялись бы только в случае готовности России полностью прекратить ядерное сотрудничество, включая Бушер.

Главная проблема с подходом США в настоящее время состоит в том, что он вряд ли

осуществим. Российские руководители, включая Путина, неоднократно подтверждали не только обязательство поставить первую очередь Бушерского проекта, но и намерение продать дополнительные энергетические реакторы для проекта. На этой стадии политические и экономические ставки слишком высоки, чтобы ожидать от Москвы изменения курса. В случае если США будут настаивать на своем курсе, это могло бы привести к наихудшим результатам – дополнительным поставкам энергетических реакторов для Бушерского проекта, дальнейшему скрытому и, возможно, открытому российскому содействию в области топливного цикла, неадекватному сдерживанию ядерной активности Ирана и жесткому американо-российскому противостоянию по данной проблеме.

Пора подумать об альтернативе. В сущности, США следует предложить предать забвению «опеку» над продажей российских энергетических реакторов для Бушера, если Иран примет более жесткие меры во исполнение обязательств не приобретать ядерное оружие. В более конкретном плане США должны предложить России заключение соглашения о двустороннем ядерном сотрудничестве и приступить к разнообразной взаимовыгодной совместной деятельности как в ядерной, так и в неядерной областях, включая проекты, уже предлагавшиеся Вашингтоном, при условии, что Россия на уровне президента Путина согласится на следующие шаги.

- Россия обязуется ограничить свое ядерное сотрудничество с Ираном поставками энергетических легководных реакторов для Бушерского проекта и соответствующего топлива, а также обучением операторов. Она недвусмысленно обязуется не помогать Ирану никоим образом (например, путем предоставления оборудования, материалов или технологий) в приобретении технологий и компонентов ядерного топливного цикла, включая технологии производства тяжелой воды, исследовательские реакторы, технологии по конверсии, переработке и обогащению урана.
- Россия и Иран договариваются о том, что все топливо для Бушерского реактора поставляется Россией, все отработанное топливо возвращается в Россию и никакое топливо не хранится в Иране дольше, чем необходимо из соображений ядерной безопасности.

- Россия будет добиваться от Ирана публичного обязательства не приобретать технологии ядерного топливного цикла (самостоятельно или из какого-либо внешнего источника) и ликвидирует любые такие технологии, которые уже существуют или разрабатываются.
- Россия будет добиваться от Тегерана соблюдения Дополнительного протокола МАГАТЭ об усилении гарантий, который обязывает его участников представлять подробную информацию об их ядерных программах и наделяет МАГАТЭ более широкими правами по инспектированию незаявленной деятельности.

Вашингтон, предлагая России разнообразные стимулы для принятия такой договоренности, должен также разъяснить, что до ее заключения США обязуются выполнять все свои законы о санкциях и принимать другие меры против тех российских структур, которые продолжают сотрудничество с Ираном. Если сотрудничество продолжится, США, возможно, потребуются рассмотреть более широкие меры принуждения против российского правительства. Равным образом, если российская сторона согласится с новым подходом, США следует проявить готовность к изменениям в американском законодательстве с тем, чтобы российское правительство и российские структуры не подвергались наказаниям за продолжение сотрудничества по Бушерскому проекту, пока и поскольку они соблюдают достигнутую договоренность.

Как представляется, подобная договоренность могла бы учесть основные запросы как России, так и Соединенных Штатов. Для России сделка соответствовала бы ее обязательству 1995 г., согласно которому Россия ограничит свое ядерное сотрудничество с Ираном поставками энергетических реакторов в Бушер. Это не потребовало бы от России отказа от наиболее важных (и выгодных) обязательств перед Ираном и способствовало бы расширению сотрудничества с США, которое со временем могло бы стать для нее более ценным, чем нынешнее сотрудничество с Ираном¹⁶. Для США это могло бы означать прекращение чувствительной российской помощи, оказываемой помимо Бушера, которую Вашингтон всегда считал наиболее опасными элементами российско-иранского сотрудничества. Более того, признание Тегераном запрета на разработку собственных

технологий ядерного топливного цикла установило бы четкую ясную линию между дозволенными и запрещенными видами ядерной деятельности в Иране, а его приверженность Дополнительному протоколу МАГАТЭ обеспечила бы более эффективные меры верификации такой линии.

Несмотря на эти позитивные моменты, можно ожидать возражений со стороны как Москвы, так и Вашингтона. В Москве появятся некоторые опасения того, что американская «опека» над поставками энергетических реакторов в Иран распахнет дверь для конкурентов, в том числе в США, которые попытаются вытеснить Россию с ядерного энергетического рынка Ирана. В этой связи США должны быть готовы заверить Москву в том, что они не подключатся к какому-либо ядерному сотрудничеству с Ираном и, не призывая более другие страны воздерживаться от заключения с Россией подрядов по Бушерскому проекту, они тем не менее и в дальнейшем будут рекомендовать воздерживаться от независимых совместных ядерных договоренностей с Ираном.

Другой озабоченностью в Москве могло бы стать то, что российское сотрудничество с США с целью навязать дополнительные ограничения на иранскую ядерную программу могло бы осложнить отношения между Москвой и Тегераном в целом. В частности, если бы Россия настаивала на этих требованиях, то Тегеран мог бы отклонить запрет на разработку его собственных технологий ядерного топливного цикла и требование о соблюдении условий Протокола МАГАТЭ, а также он мог бы пригрозить разрывом Бушерской сделки. Для уменьшения этого риска было бы желательно привлечь другие страны, такие, как Япония и ключевые европейские государства с тем, чтобы совместно с Москвой убедить Тегеран пойти на ограничения по его ядерной программе в обмен на гарантированную ядерную помощь со стороны России. Такой совместный подход усилил бы воздействие на Иран в пользу принятия предложения России.

Трудно представить вероятность создания Тегераном такой угрозы и ее реализации. По существу, в предлагаемой договоренности принимается за чистую монету утверждение Ирана о том, что ядерные реакторы ему необходимы для диверсификации источников энергии и что они обеспечили бы его надежным источником топлива на период работы реакторов и не было бы проблем с

промежуточным хранением отработанного ядерного топлива и последующим захоронением радиоактивных отходов. Для страны, открыто стремящейся расширить использование ядерной энергии, было бы очень трудно смотреть в зубы этому дареному коню, и Тегерану пришлось бы пойти на это только под давлением. Но если бы Иран отклонил российское предложение на том основании, что ему необходимы собственные технологии ядерного топливного цикла для «энергетической независимости» и заявил о готовности понести большие дополнительные расходы для их приобретения, то Россия и остальной мир пришли бы к очевидному выводу: Иран исполнен решимости приобрести ядерное оружие. В этих условиях, можно надеяться, Россия признала бы ядерную связь с Ираном слишком рискованной.

В Вашингтоне предметом серьезного беспокойства по поводу предлагаемой договоренности был бы вопрос о соблюдении ее Россией. Почему, спросили бы некоторые американцы, следует ожидать от России соблюдения этой новой договоренности, когда она не выполнила свое обязательство об ограничении ядерного сотрудничества по Бушеру или других частных обязательств не предоставлять чувствительную помощь Ирану? Это законный вопрос. Однако на него есть несколько обстоятельных ответов, включая то, что личное участие Путина могло бы изменить ситуацию, что стимулы для российского выполнения обязательств могли бы стать больше и что запрет на деятельность в Иране по топливному циклу в сочетании с его приверженностью Дополнительному протоколу МАГАТЭ способствовал бы верификации. Но в порядке предосторожности американская сторона, возможно, пожелает повременить с раздачей «пряников», пока не понаблюдает за ситуацией с тем, чтобы убедиться в прекращении всякого сотрудничества, кроме Бушера. И в любом случае США захотели бы организовать свое новое сотрудничество с Россией таким образом, чтобы его можно было прервать, если бы Москва перестала выполнять свои обязательства.

Другим возможным возражением в Вашингтоне является то, что готовность США «опекать» энергетические реакторы Бушера послужила бы сигналом ядерным поставщикам в Европе, Китае и других регионах об «открытии сезона» в ядерном сотрудничестве с Ираном и о доступе к

операциям, не связанным с Бушером, которые могли бы скрывать чувствительные сделки или быть чувствительными сами по себе. Хотя это, несомненно, рискованно, нельзя исключать, что США могли бы убедить других потенциальных поставщиков ядерных технологий в наличии весомых причин, связанных с нераспространением, для «опеки», в силу чего им следует продолжать их эмбарго в отношении сотрудничества вне рамок Бушерского проекта.

Следующее возражение могло бы возникнуть в Вашингтоне в связи с явным несоответствием между тем, что США наделили Иран ярлыком части «оси зла», и тем, что они пересматривают свои позиции в отношении российских поставок реакторов Ирану. Поскольку готовность США «опекать» Бушер наверняка спровоцировала бы некоторую оппозицию на этом основании, администрации <США> пришлось бы взять на себя ведущую роль в объяснении общественности, а также Конгрессу и союзникам США, почему дальнейшая оппозиция против энергетических реакторов была бы контрпродуктивной и почему пересмотр подхода США увеличит вероятность противодействия созданию иранского ядерного оружия.

Урегулирование ракетной проблемы

В отличие от ядерного вопроса основные рамки для решения ракетной проблемы уже имеются. Российское правительство уже создало законы и правила, необходимые для прекращения поставок материалов, оборудования и технологии, предназначенных для содействия иностранным программам баллистических ракет. Российское аэрокосмическое агентство уже приняло меры по укреплению экспортного контроля среди подведомственных ему структур, и США ответили на это стремлением расширить возможности мирного сотрудничества в космосе.

Следует только повысить эффективность соблюдения принятых мер. Прежде всего для этого требуется убедить Россию задействовать ресурсы, необходимые для обнаружения, расследования и пресечения несанкционированной помощи российских физических лиц и компаний, а также поднять приоритетность этой миссии в ключевых ведомствах, таких, как ФСБ. Хотя любая система экспортного контроля несовершенна, российское правительство могло бы добиться большего при увеличении финансирования и повышении внимания к данному вопросу.

Отправной пункт – четкое политическое обязательство Москвы. Исходя из хороших личных отношений между двумя президентами и их сближения после 11 сентября президенту Бушу следует добиваться от Путина, чтобы он лично уделял внимание и дал обязательство способствовать предотвращению утечки ракетной помощи Ирану (или другим странам). Учитывая представление в Москве о том, что интерес Вашингтона к этому вопросу снижается, президенту необходимо разъяснить, что решение проблемы важно для него и для двусторонних отношений в целом. Со своей стороны, Путин, вероятно, попросит о помощи США в определении российских физических лиц и компаний, которые передают ракетную технологию.

Обмен разведанными – всегда трудная задача. Несомненно, российские службы и милициские органы знают больше, чем готовы предоставить для США, и один из мотивов их обращения за информацией состоит в том, чтобы выявить, что известно разведслужбам США и как они узнают об этом. Но правда и то, что во многих случаях США располагают более полной картиной происходящих сделок, чем российское правительство. В конечном итоге, если российские структуры и физические лица действуют в нарушение законов России, они сделают все, чтобы скрыть свои деяния от российских властей и заблокировать официальные расследования. В некоторых случаях предоставление информации Вашингтоном позволяло российским властям принять конкретные меры по приостановке сделок.

Этот тупик в обмене информацией, когда США выдвигают обвинения, не подкрепляя их, а российская сторона отклоняет их и требует доказательств, создает настоящую дилемму для Вашингтона. С одной стороны, США необходимо защищать источники и методы (если бы только для поддержания возможности отслеживать продолжающиеся сделки). С другой стороны, если Вашингтон действительно хочет развивать взаимоотношения с Москвой с целью решения этого вопроса, то ему необходимо воспользоваться возможностью обмена информацией. Один из путей для такого решения этой дилеммы – укрепить сферы контактов и сотрудничества между ЦРУ и ФСБ, которые уже более тесно взаимодействуют в борьбе с терроризмом. В дополнение к этому было бы полезно установить прямой канал связи между ответственными представителями

Кремля и Белого дома, которых их президенты наделили необходимыми полномочиями.

Заключение

Несмотря на годы американо-российского взаимодействия, российские структуры продолжают предоставлять помощь ядерным и ракетным программам Ирана. Предлагаемый подход – провести грань между более чувствительным и менее чувствительным ядерным сотрудничеством с Ираном, а затем жестко соблюдать это различие – может дать выход из разочарывающей модели обвинений и отрицаний, заверений и отказов. Однако принять такой подход было бы нелегко для обеих сторон. Вашингтону, возможно, было бы трудно отказаться от затянувшегося «нулевого терпения» в отношении сотрудничества с Ираном даже применительно к нечувствительным областям. Для Москвы, вероятно, было бы затруднительно добиваться от Ирана принятия более жестких ограничений на деятельность в ядерной области, особенно тех, которые выходят за рамки обязательств Ирана по международным договорам. Даже если обе стороны смогут согласовать модификации их рамок для урегулирования проблемы, ключевым положением останется эффективная реализация как в ядерной, так и в ракетной области. Слишком много двусторонних договоренностей в прошлом распадалось на стадии реализации, поскольку российское правительство действовало недостаточно решительно, чтобы обеспечить выполнение его законов и политического курса.

Поэтому возникший тупик можно преодолеть, особенно с российской стороны, только на самом высоком уровне. Президенту Путину потребуется лично вместе с президентом Бушем найти решение, затем издать четкие директивы российским ведомствам и предоставить им ресурсы, необходимые для осуществления этих директив.

Для добросовестного выполнения нового американо-российского подхода потребовался бы долгий путь к тому, чтобы затруднить Ирану доступ к материалам, оборудованию и ноу-хау, в которых он нуждается для его программ ОМУ и разработки ракет. Разумеется, это пришлось бы сочетать с усилиями по воздействию на Северную Корею, Китай и других потенциальных поставщиков с тем, чтобы прекратить их помощь ракетной программе Ирана. Эти общие усилия могли бы затруднить

реализацию амбиций Тегерана в области ядерного оружия и ракет большой дальности.

Помешает ли Ирану в достижении его целей сокращение или даже прекращение внешней помощи? В действительности это неизвестно. Учитывая широкое распространение чувствительных ноу-хау и растущий доступ к соответствующему оборудованию и материалам, многие из которых имеют двойное назначение, трудно воспрепятствовать одержимой и изобретательной стране, подобной Ирану, в конце концов приобрести потенциал в области ядерного оружия и ракетных средств доставки на дальнее расстояние. На протяжении длительного времени единственным надежным путем сдерживания Ирана в получении этих вооружений будет оставаться метод убеждения его в том, что национальным интересам Ирана наилучшим образом отвечал бы отказ от таких вооружений.

Перспективы подвести Иран к такому заключению зависят от разнообразных факторов. Критически важно, удастся ли помешать его закоренелому сопернику Ираку возобновить собственные программы ядерного оружия и других ОМУ. Во время кровавой ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Ирак применял химическое оружие против иранских войск и баллистические ракеты против городов Ирана. Многие в Тегеране считают, что иранские программы ОМУ и разработки ракет необходимы для сдерживания новой иракской угрозы (или возможного возмездия). Если Саддам сумеет восстановить иракские программы ОМУ и разработки ракет, то будет практически невозможно удержать Иран от создания аналогичных средств. Однако в случае, если бы иракская угроза была нейтрализована (путем воссоздания эффективных инспекций ООН или замены Саддама Хуссейна), то это устранило бы один из важнейших мотивов, побуждающих Иран к приобретению ОМУ.

Другим ключевым фактором станет эволюция внутренней политики в Тегеране. Если реформаторы в конечном итоге победят и отдадут приоритет целям экономики и социального благосостояния, то приоритет, который сейчас имеют дестабилизирующие вооружения, может пойти на убыль. Центральное значение приобретет состояние безопасности в Персидском заливе и на Среднем Востоке, а также будущее американо-иранских отношений. Более вероятно, что Иран, который не считает угрожающими

события в регионе и полагает, что не нуждается в ОМУ для сдерживания вмешательства США в его дела, решит обойтись без таких вооружений.

Вероятность блокирования разработки иранских ракет, оснащенных ядерными боеголовками, будет также зависеть от американо-российского сотрудничества – не только от краткосрочного соглашения о прекращении потока чувствительной технологии, но и от более долгосрочного сотрудничества с целью удержания Ирана от продолжения его опасного курса. Даже работая над преодолением сложившегося тупика в отношении помощи ядерной и ракетной программ Ирана, следует приступить к совместной работе для ангажирования Ирана и влияния на его выбор своей будущей стратегии. Наградой за такое сотрудничество мог бы стать не только крупный вклад в безопасность региона Персидского залива и за его пределами, но и укрепление партнерства в области нераспространения, когда-то способствовавшее международной стабильности и должно сыграть эту роль вновь во имя избавления мира от судьбы многих ядерных государств. ■

¹ Ядерный топливный цикл включает «начальную стадию» (очистка и конверсия урана, обогащение, производство топлива) и «конечную» (обработка отработанного ядерного топлива, в том числе выделение плутония.)

² Согласно независимым экспертам, в помощь включено следующее: обучение иранских студентов технологии производства баллистических ракет, компоненты систем наведения ракет, специальные сплавы и фольга, сверхпрочные сорта стали, аэродинамические трубы и сопутствующие средства, измерительное оборудование для испытаний ракетных двигателей и материалы для покрытия боеголовок баллистических ракет. (Wehling Fred & Parrish Scott. «Russian Missile Legislation» and «Institutions Suspected by the Russian Government of Violating Export Control Legislation». NIS Nuclear Profile Database (www.nti.org), Center for Nonproliferation Studies, The Monterey Institute, Monterey, California.)

³ Смягченная версия законопроекта о санкциях стала законом в 2000 г.

⁴ Testimony of Robert J. Einhorn, Assistant Secretary of State for Nonproliferation, Senate Foreign Relations Committee, 5 October 2000.

⁵ Проект хранения отработанного топлива примерной стоимостью 10 млрд долл. подготовлен исходя из готовности Минатома хранить отработанное ядерное топливо энергетических реакторов из Европы и Азии. Поскольку значительная часть этого топлива американского происхождения, США сохраняют юридические права на транспортировку и хранение его в России и на основе своего закона не могут разрешить доставку этого топлива в Россию в отсутствие всеобъемлющего соглашения между двумя странами о сотрудничестве в ядерной области. Хотя Дума приняла разрешительную поправку к российскому закону в 2001 г., она вызывает в России сильную оппозицию по экологическим соображениям.

⁶ Что касается проекта разделения изотопов с помощью лазерного испарителя (AVLIS), то «некоторое ключевое оборудование должно было быть поставлено в конце 2000 г., однако все еще не сделано из-за протестов США». (Central Intelligence Agency, «Unclassified Report to Congress on the Acquisition of Technology Relating to Weapons of Mass Destruction and Advanced Conventional Munitions, 1 January Through 30 June 2001.» Submitted to Congress on 30 January 2002.)

⁷ Там же.

⁸ Testimony of George J. Tenet, Director of the Central Intelligence Agency: «Worldwide Threat – Converging Dangers in a Post-9/11 World», Senate Select Committee on Intelligence, 6 February 2002.

⁹ МИД России «О публикации в США доклада ЦРУ по вопросам нераспространения оружия массового уничтожения». Официальный бюллетень № 227, 7 февраля 2002 г.

¹⁰ In: Vickery Tim. Busher Reactor Tops Iranian Talks. *Moscow Times* (AP Report), 5 April 2002. P. 3.

¹¹ Pikayev Alexander. Strategic Dimensions of Russo-Iranian Partnership. *Monitor: International Perspectives on Nonproliferation*. Winter 2001. Vol. 7, No. 1.

¹² Khlopov Anton. Iranian Program for Nuclear Energy Development: The Past and the Future. *Yaderny Kontrol Digest*. 2001, Summer. Vol. 6, No. 3(19).

¹³ Отстаивая свой тезис о поставках Ирану исследовательского реактора, действующего на топливе с обогащением урана менее 20%, министр по атомной промышленности Адамов с некоторой иронией утверждал, что оттепель в американо-иранских отношениях может привести к «поставкам Соединенными Штатами исследовательского реактора, скажем, с 90-процентным обогащением или точно такого же топлива, которое используется для оружия». (Источник: Wehling Fred & Parrish Scott. «Russian-Iranian Nuclear Cooperation». NIS Nuclear Profiles Database (www.nti.org), Center for Nonproliferation Studies, The Monterey Institute, Monterey, California.)

¹⁴ Alimov Anatoly. Iran: Are WMD out of Reach? *Yaderny Kontrol Digest*. 2001, Spring. Vol. 6, No. 2(18).

¹⁵ В декабрьском (2001 г.) открытом докладе разведывательное сообщество США высказало следующее мнение: «Иран еще не располагает ядерным оружием. Большинство ведомств (США) считают, что Тегеран мог бы овладеть им к концу десятилетия, хотя одно из них полагает, что для этого потребуются больше времени. Все согласны в том, что с иностранной помощью Иран мог бы сократить этот период на несколько лет». Применительно к дальним ракетным системам, включая носители, запускаемые через космос (SLV), предварительный вывод гласит: «Все ведомства согласны с тем, что Иран мог бы попытаться запустить МБР такого типа примерно к середине десятилетия, хотя большинство ведомств допускает, что Иран, вероятно, сделает это не раньше второй половины десятилетия... Если бы Иран приобрел полные системы или основные подсистемы, такие, как северокорейские TD-2, или российские двигатели, то это могло бы ускорить его способность провести летные испытания такой МБР... Иран вряд ли приобретет полную систему МБР из России... приостановка или значительное сокращение помощи замедлили бы на годы разработку и летные испытания этих систем». (Источник: «Foreign Missile Developments & the Ballistic Missile Threat Through 2015». The National Intelligence Council, December 2001.)

¹⁶ Данный вопрос, по всей видимости, обсуждался во время визита министра по атомной энергии Александра Румянцев в Вашингтон в начале мая 2002 г. В рамках визита Румянцев представил предложения о будущем сотрудничестве по мирному использованию атомной энергии между США и Россией.

Комментарий**КОНФЕРЕНЦИЯ 2005 года ПО РАССМОТРЕНИЮ ДЕЙСТВИЯ
ДОГОВОРА О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ:
КАК ИДЕТ ПОДГОТОВКА К КОНФЕРЕНЦИИ****Роланд Тимербаев**

Каждые пять лет проводятся конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), на которых дается оценка тому, насколько эффективно этот договор выполняется, как он способствует предотвращению расползания ядерного оружия. На этих конференциях принимаются решения о дальнейших шагах по повышению роли ДНЯО в качестве важнейшего международно-правового инструмента укрепления режима ядерного нераспространения.

ДНЯО вступил в силу в 1970 г., и с тех пор состоялось уже шесть обзорных конференций, в том числе конференция 1995 г., на которой было принято, с согласия всех участников, историческое решение о бессрочном характере договора. Предстоящая конференция 2005 г. – седьмая по счету. Она будет проходить в существенно изменившейся международной обстановке, когда, с одной стороны, стали появляться ощутимые признаки ослабления ядерного противостояния времен холодной войны и уменьшения ядерных арсеналов, а с другой – возникают новые, притом зачастую нетрадиционные, вызовы международному режиму нераспространения ядерного оружия. Эти проблемы, как можно ожидать, будут находиться в центре внимания конференции 2005 г. и подготовительного процесса, ведущего к этой важной конференции.

С 8 по 19 апреля с.г. в Нью-Йорке проходила сессия Подготовительного комитета этой конференции. Комитет должен был рассмотреть как организационные вопросы (сроки проведения его дальнейших сессий, правила процедуры, подбор должностных лиц конференции и т.п.), так и вопросы существа, т.е. соображения и выводы о том, как реализуются решения Конференции 2000 г. Напомним читателю, в чем суть этих решений.

Основной темой предыдущей конференции были пути и темпы сокращения ядерных вооружений и ядерного разоружения, иными словами, ход выполнения ядерными государствами статьи VI ДНЯО, которая возлагает на них обязательства вести

переговоры и, следовательно, договариваться об этих мерах. На Конференции 2000 г. «ядерная пятерка», выступив с совместным заявлением, сумела убедить ее участников в том, что в данном направлении предпринимаются определенные позитивные шаги. В 1996 г. после длительных переговоров был наконец заключен Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), который к открытию конференции был ратифицирован тремя из пяти ядерных держав – Россией, Англией и Францией, и, несмотря на то, что США и КНР не сделали этого, еще сохранялись некоторые надежды на их присоединение к договору. Россия незадолго до начала конференции ратифицировала Договор СНВ-2, и хотя американский сенат ратифицировал его в ином, неполном виде, все же и тут оставался шанс на вступление и этого договора в силу.

В итоге благодаря стараниям группы государств разной политической ориентации, но объединенных общим стремлением укреплять режим нераспространения, известной как Коалиция за новую повестку дня (КНПД), в которую входят Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, ЮАР и Швеция, в последний момент поддержанной и ядерными государствами, удалось выработать практические шаги по ядерному разоружению и нераспространению (так называемые «тринадцать шагов»):

- 1) необходимость безотлагательного подписания и ратификации ДВЗЯИ в целях его скорейшего вступления в силу;
- 2) поддержание моратория на ядерные испытания до вступления в силу этого договора;
- 3) проведение переговоров по выработке конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (КЗПРМ);
- 4) учреждение в рамках Конференции по разоружению вспомогательного органа, уполномоченного заниматься вопросами ядерного разоружения;
- 5) соблюдение принципа необратимости по отношению к мерам по ядерному разоружению;

- 6) недвусмысленное обязательство ядерных государств осуществить полное уничтожение своих ядерных арсеналов;
- 7) скорейшее вступление в силу Договора СНВ-2 и «сохранение и укрепление» Договора по ПРО;
- 8) завершение работы по Трехсторонней инициативе США, РФ и МАГАТЭ о международной проверке расщепляющихся материалов оружейного происхождения, высвобождаемых из военных программ;
- 9) осуществление мер по ядерному разоружению при соблюдении международной стабильности (односторонние ядерные сокращения, транспарентность ядерных возможностей, сокращение нестратегических ядерных вооружений, дальнейшее снижение оперативной готовности ядерного оружия, уменьшение роли ядерного оружия, включение всех ядерных государств в процесс полного уничтожения ядерного оружия);
- 10) постановка всеми ядерными государствами избыточных расщепляющихся материалов под контроль МАГАТЭ с тем, чтобы они постоянно оставались вне военных программ;
- 11) достижение конечной цели всеобщего и полного разоружения;
- 12) представление регулярных докладов о выполнении статьи VI ДНЯО;
- 13) расширение мер проверки для обеспечения соблюдения соглашений по ядерному разоружению.

Наряду с этим на конференции были приняты решения о необходимости универсализации ДНЯО, т.е. о присоединении к нему (сейчас он насчитывает 187 участников) государств, которые не являются участниками договора, прежде всего Израиля, Индии, Пакистана, а также Кубы; о мерах по укреплению системы гарантий МАГАТЭ; об усилении контроля за ядерным экспортом; о мерах, направленных против незаконного оборота ядерных материалов и способствующих укреплению их физической защиты; о расширении числа зон, свободных от ядерного оружия, и др.¹

Как видно даже из краткого перечня решений Конференции 2000 г., перед участниками договора, особенно ядерными, были поставлены масштабные задачи. Перечень мер на глобальном, региональном и ином уровне – по сути дела, план совместных усилий по дальнейшему повышению эффективности ДНЯО. Естественно, что его выполнение будет скрупулезно анализироваться в ходе

подготовки к предстоящей через три года очередной конференции с точки зрения укрепления режима ядерного нераспространения. На конференции будет уделено пристальное внимание и новой проблеме, трагически обострившейся в сентябре 2001 г., – проблеме международного терроризма. Ядерный терроризм и распространение представляют вполне реальную опасность. Поэтому укрепление режима нераспространения ядерного оружия – это важнейшая составная часть и борьбы с терроризмом.

С анализа и сопоставления того, что было – и чего не было – сделано со времени предыдущей конференции, и начинается, согласно сложившейся многолетней практике, подготовка к следующей конференции. Так как же здесь обстоят дела?

Событий в области ядерного нераспространения и ограничения ядерных вооружений за истекшие два года произошло немало, но достигнуто ли положительное сальдо? Хотя Договор СНВ-2 в силу не вступил и, как теперь совершенно очевидно, не вступит, а договор СНВ-3 вообще остался «вне игры», после долгой расчачки, вызванной сменой администрации США и приходом к власти республиканцев, в мае нынешнего года был заключен договор о дальнейших сокращениях стратегических наступательных потенциалов РФ и США примерно в три раза в течение десяти лет. Между двумя державами была также принята политическая декларация, согласно которой будут рассмотрены и претворены в жизнь и другие дополнительные меры, направленные на установление новых стратегических взаимоотношений. Это – крупное событие. Тем самым сделан решительный шаг к преодолению наследия холодной войны. Между НАТО и Россией налаживается взаимодействие, которое может способствовать укреплению международной стабильности в Европе и мире в целом. Но этим, видимо, и ограничивается положительная сторона баланса.

Переходя теперь к негативу, но не сгущая чрезмерно краски, следует констатировать, что вступление в силу ДВЗЯИ, как это представляется в данное время, шансов не имеет. Ни Соединенные Штаты, ни Китай его не ратифицировали (при этом в США даже поговаривают о возможности возобновления испытаний), а Индия, Пакистан и КНДР к тому же еще и не подписали договор. Более того, Индия и Пакистан продолжают

наращивать свои ядерные арсеналы, и обстановка в этом регионе, особенно ввиду продолжающегося конфликта из-за Кашмира, не может не вызывать озабоченности. США, вопреки решению Конференции 2000 г., заявили о намерении в одностороннем порядке выйти из Договора по ПРО, что было российским руководством признано ошибочным шагом. Не продвинулось дело и с универсализацией ДНЯО, при этом арабские страны в первую очередь беспокоит негативная позиция Израиля, которая станет предметом острой критики на конференции.

Уже который год продолжается полный застой на Конференции по разоружению, где не начаты переговоры ни по КЗПРМ, ни по другим неотложным вопросам, включая ядерное разоружение и недопущение милитаризации космоса. Крайне медленно идет процесс присоединения государств к Дополнительному протоколу к соглашениям о гарантиях МАГАТЭ. Между государствами идут дебаты, порой весьма острые, по поводу возможных ядерных намерений таких стран, как Иран, Ирак, КНДР. В последнее время некоторые японские политики стали поднимать вопрос о возможности создания Японией собственного ядерного оружия. Список нераспространенческих проблем можно еще долго продолжать.

Как же с учетом всего этого прошла недавно завершившаяся первая сессия Подготовительного комитета?

Она началась с критических заявлений КНПД, Движения неприсоединения и даже Европейского союза (ЕС) в адрес ядерных государств, и особенно США. Их обвинили в отсутствии прогресса в выполнении решений предыдущей конференции, при этом со стороны КНПД было подчеркнуто, что объявленные США и Россией сокращения стратегических вооружений «не могут быть заменой необратимых сокращений и полного уничтожения ядерного оружия». В заявлении ЕС особый упор был сделан на необходимость вступления в силу ДВЗЯИ, ратифицированного всеми членами Союза.

Многие выступавшие дали нелюбимую оценку односторонним действиям республиканской администрации США, квалифицировав их как несовместимые с обязательствами по международным договорам и представляющие угрозу интересам безопасности союзников и остального мира. Было обращено особое

внимание на заявление, которое сделал представитель США на Конференции по разоружению посол Эрик Джавитс, объявивший, что США «более не поддерживают некоторые выводы обзорной конференции по ДНЯО 2000 г.», особенно в том, что касается Договора по ПРО и ДВЗЯИ.

Острую дискуссию вызвало положение дел с решением предыдущей конференции, отраженным в Заключительном документе, о представлении *регулярных докладов* о выполнении статьи VI ДНЯО, против чего особенно возражали США и Франция. Как отмечали присутствовавшие на сессии наблюдатели, было очевидно, что по сегодняшним американским меркам представление докладов и отчетности *несовместимо с суверенитетом и престижем Соединенных Штатов*. Но под нажимом критики со стороны неядерных государств эти ядерные державы все же позднее сделали «информационные» сообщения о том, как ими выполняется статья VI.

Российская делегация, со своей стороны, сделала развернутое сообщение по статье VI, в котором, подтвердив приверженность России ядерному разоружению, заявила, что предпринимаются практические шаги по реальному сокращению стратегических ядерных вооружений России, а также и США, с тем, чтобы к ним в перспективе могли присоединиться и другие ядерные державы в соответствии со своими обязательствами по ДНЯО.

В заявлении говорилось, что Россия добросовестно выполняет свои обязательства по статье VI. Предусмотренное Договором СНВ-1 установление пониженных уровней ядерных боезарядов на развернутых стратегических носителях завершено, Россия досрочно вышла на уровень 6000 боезарядов, развернутых на МБР, БРПЛ и тяжелых бомбардировщиках. В рамках принятых обязательств ликвидировано более 1200 пусковых установок МБР и БРПЛ, более 2350 МБР и БРПЛ, более 40 атомных подводных лодок и более 60 тяжелых бомбардировщиков. Контрольный механизм, предусмотренный Договором, будет оставаться в силе до конца 2009 г.

Россия сделала все от нее зависящее, чтобы сохранить Договор по ПРО. При этом она руководствовалась прежде всего заботой о сохранении и укреплении международно-правовых основ в области разоружения и

нераспространения оружия массового уничтожения. Договор является одной из несущих конструкций правовой системы в этой области, которая создавалась совместными усилиями на протяжении трех десятилетий. Сегодня, когда мир сталкивается с новыми угрозами, нельзя допустить правового вакуума в сфере стратегической стабильности. С этой целью нынешний уровень двусторонних отношений между РФ и США должен быть использован для скорейшей выработки новых рамок стратегических взаимоотношений. Военная составляющая этих рамок, безусловно, связана с перспективой дальнейших сокращений и ограничений стратегических вооружений.

С выходом США из Договора по ПРО могут исчезнуть ограничения на стратегические оборонительные вооружения, и в сложившейся ситуации представляется целесообразным и далее руководствоваться необходимостью сохранения взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

В отношении сокращения нестратегического (тактического) ядерного оружия (НСЯО), Россия руководствуется односторонними президентскими инициативами (1991–1992 гг.). Эти инициативы реализуются в соответствии с федеральной целевой программой по ликвидации и утилизации ядерных боеприпасов стратегических и тактических вооружений.

В ходе выполнения программы:

- снято все НСЯО с надводных кораблей и многоцелевых подводных лодок, а также авиации ВМФ наземного базирования и размещено в местах централизованного хранения; ликвидировано более 30% ядерных боеприпасов от общего количества для тактических ракет морского базирования и авиации ВМФ;
- все тактические ядерные боеприпасы, ранее развернутые за пределами России, вывезены на ее территорию и ликвидируются;
- полностью прекращено производство ядерных боеприпасов для тактических ракет наземного базирования, ядерных артиллерийских снарядов и ядерных мин;
- продолжается уничтожение ядерных боеголовок тактических ракет и ядерных артиллерийских снарядов, а также ядерных мин;

- уничтожено 50% ядерных боеголовок для зенитных ракет и 50% ядерных авиационных бомб;
- все российское НСЯО размещено только в пределах национальной территории.

Таким образом, Россия практически выполнила все выдвинутые инициативы по сокращению НСЯО, *за исключением ликвидации ядерных боеприпасов сухопутных войск*. Уничтожение ядерных боеголовок для тактических ракет наземного базирования, ядерных артиллерийских снарядов и ядерных инженерных мин пока сдерживается недостаточным финансированием, а также выполнением договорных обязательств по уничтожению и сокращению обычных вооружений, стратегического наступательного оружия и уничтожению химического оружия. При условии адекватного финансирования полная реализация Россией инициатив в области НСЯО планируется к 2004 г.

При этом было подчеркнуто, что все российское ядерное оружие находится в пределах ее национальной территории, и вновь привлечено внимание к российскому предложению о том, чтобы все ядерное оружие было выведено на территорию ядерных государств, которым оно принадлежит.

Было также отмечено, что имеющееся в России ядерное оружие находится под надежным контролем. Повышение эффективности этого контроля осуществляется путем принятия организационных и технических мер. В частности, в период с 1991-го по 2001 г. более чем в пять раз сокращено общее количество запасов ядерного оружия, в четыре раза – количество мест хранения ядерных боеприпасов. Все нестратегические ядерные боеприпасы перемещены на центральные базы хранения Министерства обороны. Это позволило сконцентрировать финансовые средства на обеспечении ядерной безопасности и надежной охране мест хранения ядерных боеприпасов с применением современных технических средств охраны.

Наряду с сокращением ядерных вооружений Россия придает особое значение ДВЗЯИ. В Москве с озабоченностью рассматривают ситуацию, складывающуюся вокруг вступления этого договора в силу. Как показала вторая конференция по содействию вступлению в силу ДВЗЯИ (ноябрь 2001 г.), в международном сообществе преобладает беспокойство по поводу отношения к

договору Соединенных Штатов – ядерной державы, участие которой в режиме запрещения ядерных испытаний чрезвычайно важно для судьбы договора. Была выражена надежда на то, что американская администрация все же пересмотрит свою позицию по ДВЗЯИ. Ведь альтернативой этому может стать не только кризис данного Договора, но и всего режима, основанного на ДНЯО. Этого допустить нельзя. Важно, чтобы и другие страны, и в первую очередь те, от которых зависит вступление ДВЗЯИ в силу, подписали и ратифицировали Договор как можно скорее и без всяких условий.

Шаги в области ядерного разоружения сопровождаются соответствующими структурными сокращениями в ядерном оружейном секторе РФ. Наполовину сокращены производственные мощности, избыточные для целей обороны. Совместно с США проводится работа по остановке российских промышленных уран-графитовых реакторов-наработчиков оружейного плутония. Нарбатываемый на них материал в военных целях не используется. Производство урана в России для целей ядерного оружия давно прекращено. С 1990 г. в российских федеральных ядерных центрах численность сотрудников, занятых в оборонной тематике, сокращена примерно в 1,5 раза.

Россия последовательно выступает против милитаризации космического пространства. Размещение оружия в космосе означало бы не только расширение сфер военного соперничества, но и его качественный рывок, чреватый непредсказуемыми последствиями для процесса контроля над вооружениями, стратегической стабильности и в целом международной безопасности. Нельзя согласиться с доводами о том, что появление оружия в космосе является фатальной неизбежностью, которая порождена техническим прогрессом и логикой развития современного мира. Космическое пространство когда-то рассматривалось как потенциальный источник конфликтов. К счастью, мировое сообщество смогло найти в себе силы, чтобы не допустить превращения космоса в потенциальный театр военных действий, и сегодня он стал ареной широкого международного взаимодействия. Использование космического пространства должно рассматриваться с точки зрения обеспечения всеобъемлющей безопасности человечества и служить поддержанию международного мира и стабильности и содействию международному сотрудничеству.

Важно на практике ввести мораторий на размещение в космосе боевых средств до того, как будут выработаны соответствующие договоренности. Россия поддерживает конкретные предложения по предотвращению размещения оружия в космосе, которые были сделаны КНР, Канадой и рядом других государств.

Российское сообщение было положительно расценено на сессии как содержащее новую информацию, особенно в отношении сокращения НСЯО.

После довольно напряженных дебатов, под занавес сессии, ее председатель шведский посол Хенрик Саландер сделал заявление, в котором просуммировал суть и содержание состоявшейся дискуссии.

В заявлении подчеркивается, что ДНЯО является «краеугольным камнем глобального режима нераспространения и важнейшей основой для дальнейших усилий в области ядерного разоружения». Участники договора обращают внимание на необходимость его универсализации и призывают Израиль, Индию, Пакистан и Кубу безоговорочно присоединиться к ДНЯО в качестве неядерных государств, особенно те из них, которые имеют ядерные установки, не находящиеся под гарантиями (т.е. первые три страны).

На сессии, говорится далее в заявлении председателя, «многосторонность была особо отмечена как один из ключевых аспектов усилий в области разоружения и нераспространения, направленных на поддержание и укрепление универсальных норм и расширение сферы их охвата. Было заявлено о решительной поддержке укрепления существующих международных договоров. Была подчеркнута необходимость разработки договоров и других международных соглашений, которые соответствовали бы современным угрозам миру и стабильности».

В особенности была выражена «решительная поддержка в отношении Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний», при этом «к государствам, которые еще не ратифицировали Договор, особенно к тем оставшимся 13 государствам, ратификация Договора которыми является необходимостью, и, в частности, к тем двум оставшимся государствам, обладающим ядерным оружием, ратификация Договора которыми является необходимым

предварительным условием вступления Договора в силу, был обращен настоятельный призыв сделать это без промедления».

В заявлении Саландера была выражена «озабоченность» по поводу решения США о выходе из Договора по ПРО и подчеркнуто, что создание систем противоракетной обороны может привести к новой гонке вооружений, в том числе в космическом пространстве. Высказана надежда на то, что американо-российские переговоры относительно установления новых стратегических взаимоотношений будут содействовать международной стабильности.

Была отмечена необходимость укрепления системы гарантий МАГАТЭ и скорейшего присоединения государств к Дополнительному протоколу о гарантиях 1997 г. Было также обращено внимание на то, что все государства-участники должны представлять доклады по выполнению статьи VI.

Здесь приведены только некоторые выдержки из довольно объемистого заявления председателя по широкому кругу вопросов нераспространения и разоружения (полный текст заявления публикуется в настоящем номере журнала в разделе «Документы»), но и из них видно, каковы были настроения у большинства делегаций в Подготовительном комитете. Заявление получило широкую поддержку делегаций. Российская делегация отметила, что оно было сбалансированным, хорошо взвешенным и в целом объективно отражало общую картину состоявшихся дебатов. Но были и недовольные. Наибольшее число замечаний высказала делегация США, которая подчеркнула, что это итоговое *заявление председателя*, а не продукт переговоров. Особые возражения, как и можно было ожидать, у американской стороны вызвали пассажи о Договоре по ПРО и о ДВЗЯИ, а также ссылка на Израиль как на государство, отказывающееся от присоединения к ДНЯО и от принятия всеобъемлющей системы гарантий МАГАТЭ.

Китайская делегация, не возражая против предоставления впредь информации о выполнении статьи VI, заявила, что ее «конкретность, формат и частота» должны быть оставлены на усмотрение государств.

По организационным вопросам было решено, что состоятся еще две сессии Подготовительного комитета – в 2003 г. в Женеве (на ней будет председательствовать представитель Венгрии) и в 2004 г. в Нью-Йорке. Сама конференция будет проведена в 2005 г. в Нью-Йорке. На последней сессии комитета и на конференции председателями будут представители Движения неприсоединения.

В целом большинство наблюдателей склоняются к выводу, что сессия комитета завершилась сравнительно гладко, и мы разделяем это мнение. Отмечалось также и то, что ядерные государства старались «не задевать» друг друга, держаться по возможности вместе или, во всяком случае, не на отдалении. Это естественно, ибо они в общем-то в равной степени заинтересованы в сохранении и укреплении международного режима ядерного нераспространения. Такой тактики они зачастую придерживались и на предыдущих этапах рассмотрения действия договора о нераспространении.

Как пойдет дальше подготовка конференции по ДНЯО, и как пройдет она сама, будет, разумеется, зависеть от множества самых разных факторов, от состояния общей международной атмосферы, от того, насколько все ядерные государства будут на деле выполнять свои обязательства по статье VI по ядерному разоружению, а неядерные – соблюдать взятые ими на себя обязательства по нераспространению ядерного оружия. ■

¹Подробнее см.: Орлов В., Тимурбаев Р. ДНЯО: очередной экзамен сдан успешно. Впереди – новые. *Ядерный Контроль*. 2000. Т. 6, № 4, июль-август. С. 4–13. Тексты Заключительного документа и других документов Конференции см.: *Ядерный Контроль*. 2000. Т. 6, № 5, сентябрь-октябрь. С. 18–50.

Комментарий**ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРОТОКОЛУ К СОГЛАШЕНИЮ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ И МАГАТЭ О ПРИМЕНЕНИИ ГАРАНТИЙ – ПЯТЬ ЛЕТ****Владимир Хлебников**

События, имевшие место в мире в начале 1990-х гг., такие как выявление тайной деятельности Ирака по созданию ядерного оружия в 1991 г., свертывание ядерной программы в ЮАР в 1991–1992 гг., а также ставшая впоследствии известной информация, связанная с ядерной деятельностью в КНДР, показали неверность предположения о том, что угрозы режиму нераспространения ядерного оружия исходят лишь от тех, кто не является участником этого режима. Но еще более важно следующее: эти события выявили, что система гарантий МАГАТЭ на основе ДНЯО, которая строится на учете лишь *заявленной* ядерной деятельности и предусматривает ограниченные права доступа к информации и площадкам, не может быть признана ни достаточно надежной, ни всеобъемлющей. Сложившаяся ситуация побудила МАГАТЭ предпринять ряд интенсивных усилий по укреплению системы гарантий.

Уже в 1991 г. Совет управляющих принял решение относительно заблаговременного представления информации о конструкции установок, находящихся в стадии строительства или модернизации, о более широкой схеме отчетности по импорту и экспорту ядерного материала, а также по экспорту специального оборудования и неядерного материала.

Процессу укрепления системы гарантий был дан новый импульс, когда в апреле 1993 г. Постоянная консультативная группа по применению гарантий при МАГАТЭ (SAGSI)¹ представила на рассмотрение Генерального директора Агентства отчет, содержащий рекомендации по повышению эффективности и в то же время экономичности системы гарантий. В результате рассмотрения этого отчета Советом управляющих Агентства в июле 1993 г. была утверждена программа по созданию более эффективной и более экономичной системы гарантий, широко известная как «Программа 93+2». Программа была рассчитана на два года.

«Программа 93+2» предусматривала реформирование и внесение усовершенствований по трем основным направлениям: повышение

эффективности доступа МАГАТЭ к информации, облегчение доступа Агентства к местам нахождения материала и рационализация и усовершенствование ряда административных мер².

В результате реализации «Программы 93+2» в мае 1997 г. Совет управляющих принял типовой Дополнительный протокол, изданный Агентством под индексом INFCIRC/540, в качестве стандарта для дополнительных протоколов к соглашениям о всеобъемлющих гарантиях по документу INFCIRC/153.

Дополнительный протокол дал МАГАТЭ дополнительные полномочия и важные новые средства повышения действенности и эффективности осуществления гарантий. Он существенно повышает возможности Агентства по обнаружению незаявленных ядерных материалов и деятельности, предоставляя ему более широкие права доступа к информации, площадкам и другим местам нахождения материала.

Теперь государства, подписавшие Дополнительный протокол, берут на себя обязательства представлять более полный объем информации о своей ядерной деятельности, подавая расширенное заявление о своих ядерных программах. До этого времени государства-члены МАГАТЭ представляли заявления, которые включали информацию только о ядерных материалах и ядерных установках, содержащих или могущих содержать заявленные ядерные материалы, находящиеся на территории государства или под его юрисдикцией или контролем. В расширенном заявлении, в дополнение к этой информации, должна содержаться информация о *всех других видах* ядерной деятельности государства, включающая описание всех процессов и местонахождение всех объектов, относящихся к ядерной деятельности (производство, исследования и разработки, обучение персонала и т.д.)³.

У Агентства появилось больше возможностей проверить полноту и правильность данных расширенных заявлений, проверить не только возможные факты переключения заявленного материала, но также возможное наличие

незаявленных ядерных материалов или деятельности, так как значительно расширилась возможность доступа инспекторов МАГАТЭ к местам, где может находиться незаявленный ядерный материал.

Ниже перечислены основные меры, предусматриваемые Дополнительным протоколом:

- 1) получение информации и доступ инспекторов ко всем аспектам ядерного топливного цикла государств – от урановых рудников до хранилищ урановых отходов, а также к любым другим местам нахождения, где имеется ядерный материал, предназначенный для неядерного использования;
- 2) получение информации об исследованиях и разработках, связанных с ядерным топливным циклом, и механизмы их инспектирования;
- 3) получение информации о всех зданиях, находящихся на ядерной площадке, и доступ к ним инспекторов с краткосрочным уведомлением;
- 4) получение информации об изготовлении и экспорте чувствительных технологий, связанной с ядерной деятельностью, и механизмы инспекций в местах, связанных с изготовлением и импортом;
- 5) отбор проб окружающей среды за пределами заявленных мест нахождения в тех случаях, когда МАГАТЭ считает это необходимым;
- 6) административные мероприятия, улучшающие процесс назначения инспекторов, выдачу многократных въездных виз (необходимых для необъявленных инспекций) и доступ МАГАТЭ к современным средствам связи⁴.

В целом эти меры существенно укрепляют международную систему гарантий. Теперь в отношении государств, присоединившихся к Дополнительному протоколу, Агентство может подтверждать информацию не только об отсутствии переключения ядерного материала с заявленной деятельности, но и об отсутствии незаявленных ядерных материалов и деятельности в целом.

Процедуры присоединения к Дополнительному протоколу являются такими же, как и для соглашений о гарантиях. На сегодняшний день Дополнительный протокол подписан 61 государством, включая все ядерные. Но только в 25 государствах, включая одно ядерное (Китай ратифицировал протокол 28 марта с.г.) Дополнительный

протокол уже вступил в силу. Россия Дополнительный протокол пока не ратифицировала.

Из изложенного выше видно, что количество стран, в которых уже применяется Дополнительный протокол, довольно невелико. Темпы присоединения государств к Протоколу оставляют желать лучшего, поэтому в последнее время Секретариат МАГАТЭ предпринимает активные усилия по его продвижению. Так, в 2001 г. Секретариат разработал план действий, призванный ускорить присоединение стран к Протоколу.

По этому плану МАГАТЭ разделило все государства на две группы: со значительной ядерной деятельностью (группа 1) и с незначительной ядерной деятельностью (группа 2). Последним было предложено подписать так называемый Протокол малых количеств (Small Quantities Protocol), по которому многие положения Дополнительного протокола не применяются (до тех пор, пока государство принадлежит к группе 2). В настоящее время уже 66 стран подписали Протокол малых количеств.

Относительно стран со значительной ядерной деятельностью Агентство решило сосредоточиться на продвижении Дополнительного протокола на региональных уровнях. С этой целью с начала 2001 г. был проведен ряд региональных семинаров (в Лиме, Минске, Токио и Алма-Ате, на лето 2002 г. запланирован семинар в ЮАР), призванных содействовать присоединению стран к Протоколу.

Среди причин не столь быстрого, как ожидалось, увеличения числа государств, принявших Дополнительный протокол, специалисты называют следующие: во-первых, сказывается отсутствие энтузиазма у таких стран, как, например, Соединенные Штаты, в отношении международных договоров в области разоружения и нераспространения; во-вторых, нежелание стран ближневосточного региона (пока присоединилась только Иордания), подписывать Протокол до тех пор, пока к нему не присоединится Израиль, а ведь события именно в этом регионе подтолкнули к началу процесса укрепления системы гарантий МАГАТЭ; в-третьих, отмечается, что во время Обзорной конференции ДНЯО в 2000 г. Дополнительному протоколу не было уделено достаточного внимания, эта проблема была отодвинута на задний план дискуссиями о

выполнении ядерными державами статьи VI ДНЯО, прежде всего в отношении достижения полного ядерного разоружения.

После принятия типового Дополнительного протокола МАГАТЭ продолжает работу над усовершенствованием системы гарантий. С 1998 г. Агентство приступило к программе разработки «интегрированных гарантий», которая направлена на оптимизацию системы гарантий с учетом новых мер, предусмотренных Дополнительным протоколом, с целью достижения максимальной эффективности и действенности в пределах выделенных ресурсов. В частности, если Агентство будет убеждено в отсутствии незаявленных установок по переработке отработанного ядерного топлива, то принятые в настоящее время требования к контролю такого топлива могут быть существенно снижены. Подобная оптимизация может быть проведена и в отношении других категорий ядерного материала, не являющихся критическими с точки зрения ядерного нераспространения. Высвобождающиеся таким образом ресурсы могут быть направлены на применение международных гарантий в отношении все возрастающих количеств ядерного материала⁵.

Стоит подчеркнуть, что интегрированные гарантии могут осуществляться только в государствах, в которых вступили в силу как соглашение о всеобъемлющих гарантиях на основе ДНЯО, так и Дополнительный протокол.

В заключение хотелось бы отметить, что существует определенная озабоченность, вызванная довольно медленным процессом присоединения государств к Дополнительному протоколу. Однако этот процесс все же идет, и Агентство предпринимает активные усилия по

продвижению Протокола. Сейчас многое зависит от политической воли конкретных государств. Главный же положительный момент заключается, как представляется, в том, что практически все страны согласны с необходимостью эффективного укрепления системы гарантий МАГАТЭ – как основного контролирующего элемента режима нераспространения ядерного оружия.

В настоящее время, безусловно, главный вопрос, который волнует специалистов и более широкие круги общественности, – сможет ли укрепленная система гарантий обеспечить полную уверенность мирового сообщества в том, что государства, подписавшие Дополнительный протокол, выполняют свои обязательства по нераспространению ядерного оружия и по использованию ядерной энергии в мирных целях. Для этого в первую очередь необходимо, чтобы Дополнительный протокол подписали как можно больше государств, реализуя тем самым потенциал укрепленной системы гарантий. ■

¹ Эта авторитетная рабочая группа экспертов из наиболее развитых в области ядерной энергетики стран собирается два раза в год для рассмотрения вопросов, связанных с осуществлением гарантий и выработкой рекомендаций Генеральному директору МАГАТЭ.

² Гарантии и нераспространение. Бюллетень МАГАТЭ. 1992. Т. 34, № 1. С. 11.

³ Типовой дополнительный протокол к соглашению между государством и МАГАТЭ о применении гарантий (INFCIRC/540). Вена, МАГАТЭ, 1998. С. 2-4.

⁴ Ежегодный доклад МАГАТЭ за 1999 год. Вена, МАГАТЭ, 2000. С. 16.

⁵ Экономия ресурсов сейчас крайне актуальна для Агентства, так как на протяжении последних семи лет бюджет МАГАТЭ реально не увеличивается, происходит так называемый «нулевой реальный рост» бюджета, т.е. рост на величину инфляции, а количество ядерного материала, находящегося под гарантиями, все возрастает, что в свою очередь требует увеличения числа инспекций.

Вышли в свет в мае – июне 2002 года

- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей.* №9. Май 2002. В номере: Александр Дмитриев. «Российская банковская система: после Виктора Геращенко» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей.* №10. Май 2002. В номере: Дмитрий Евстафьев. «Российско-американская встреча в верхах: оправдаются ли надежды» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей.* №11. Июнь 2002. В номере: Виталий Федченко. «Мьянма как новая цель ядерного экспорта России» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.

См. также с. 8

Обзор**ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ РАЗОРУЖЕНИЯ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ:
ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ¹****Антон Хлопков**

Со времени окончания холодной войны минуло более десяти лет, однако значительного прогресса в деле разоружения до сих пор не достигнуто. Расходы на закупку вооружений и научно-исследовательские и опытные конструкторские работы после некоторого сокращения в начале 1990-х гг. вновь растут и уже составляют около 90% по отношению к уровню холодной войны². Только от легкого и стрелкового оружия ежегодно погибают более полумиллиона человек³. Процесс ядерного разоружения продолжает носить двусторонний характер, в то время как процесс многостороннего разоружения в рамках Конференции по разоружению парализован; до сих пор не вступил в силу Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний; разрушен Договор по ПРО, на протяжении многих лет считавшийся краеугольным камнем стратегической стабильности; до сих пор не выработан юридически обязывающий Протокол по проверке выполнения обязательств по Конвенции о запрещении биологического оружия 1972 г., работа над которым идет в Женеве уже на протяжении семи лет. Продолжается эскалация напряженности на Ближнем Востоке; в начале 1990-х гг. после выявления ядерных программ Ирака и Северной Кореи с особой остротой встала проблема нераспространения, а в конце 1990-х гг. вспыхнула гонка ядерных и ракетных вооружений между Индией и Пакистаном.

В этих условиях проблема образования в области разоружения и нераспространения приобретает особую остроту. Отсутствие международных, а также слабость, а зачастую и полное отсутствие национальных систем образования и повышения квалификации в этой сфере в значительной степени способствуют проблемности процесса разоружения и режима нераспространения.

История вопроса

Впервые проблема образования в области разоружения была поставлена на Первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1978 г. Именно тогда было сформировано большинство современных органов в области разоружения: Первый

комитет Генеральной Ассамблеи, Конференция по разоружению в Женеве, Комиссия ООН по разоружению в Нью-Йорке, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИП) в Женеве и Центр по разоружению в рамках секретариата ООН, который позднее был преобразован в Департамент по вопросам разоружения.

В итоговом документе сессии подчеркивалась важность образования для процесса разоружения. Параграф 106 документа призывал правительства, правительственные и неправительственные организации «предпринять действия в целях разработки образовательных программ для изучения процесса разоружения и мирного процесса на всех уровнях»⁴.

Итоговый документ предлагал Секретариату ООН «активизировать свою деятельность по представлению информации о гонке вооружений и разоружении» и подчеркивал необходимость повышения роли неправительственных организаций в процессе распространения информации о достижениях в области разоружения во всех странах. Документ также призывал правительства обеспечить больший объем информации по проблеме разоружения, а Организацию Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) – активизировать работу по образованию в области разоружения.

Первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН учредила Программу ООН в области разоружения, в рамках которой за прошедшие годы прошли обучение более 500 представителей из более чем 150 стран.

Дальнейшее развитие международных усилий по образованию в области разоружения получили в рамках Всемирного конгресса ЮНЕСКО по вопросам образования в области разоружения, который состоялся 9–13 июня 1980 г. в Париже. На конгрессе присутствовали 132 эксперта из 48 стран, а также 122 наблюдателя из 97 неправительственных организаций и 55 стран-членов ООН, девять представителей организаций, относящихся к системе ООН, два

представителя международных правительственных организаций и два – от гуманитарных организаций.

В соответствии с рекомендациями, выработанными в ходе подготовительной встречи (июнь 1979 г., Прага), на этом конгрессе были проведены пленарные заседания и работа в рамках двух комиссий: по образованию и по информации. Первая комиссия рассматривала вопросы, связанные с формальным и неформальным образованием (под формальным понимается образование в рамках школы, университета, института и т.п., где существуют утвержденные программы; под неформальным – образование, осуществляемое неправительственными организациями) на различных уровнях, повышением квалификации преподавательского состава, подготовкой соответствующих методических материалов для преподавателей, изучением существующих учебников, главным образом по истории и географии. Вторая комиссия изучала проблемы повышения квалификации специалистов, работающих в сфере информации, информационной этики применительно к вопросам вооружения и разоружения, методов информирования широкой общественности, научных кругов, военных и т.д.

На основе предложений, внесенных участниками и наблюдателями, комиссиями были сформулированы совместные рекомендации Конгрессу, среди которых содержались и следующие:

- подготовка преподавателей и инструкторов должна носить междисциплинарный характер и соответствовать настоящим и будущим потребностям образования в области разоружения; преподаватели и инструкторы должны находиться под юридической защитой от любых угроз или штрафов, которым они могут быть подвергнуты за исполнение их профессиональных обязанностей;
- образование в области разоружения необходимо сделать частью учебной программы в военных колледжах всех стран;
- профсоюзам следует рассмотреть возможность включения вопросов образования в области разоружения в свои программы повышения квалификации, поскольку рабочие, особенно в военной индустрии, должны обладать четкой и точной информацией о возможностях конверсии военных предприятий;
- для содействия процессу разоружения нужно повсеместно включать в информационную политику средств массовой информации материалы, способствующие образованию широких слоев населения;
- необходимо лучше освещать в прессе проблемы разоружения за счет организации программ повышения квалификации для журналистов и специалистов в области информации;
- национальным радиостанциям и телевизионным каналам и другим аудио- и видеосредствам массовой информации следует включить в их вещание программы, посвященные представлению и обсуждению вопросов разоружения, регионального и международного мира и безопасности и соблюдения прав человека;
- ЮНЕСКО следует внести свой вклад в изучение существующих учебников по проблемам мира, разоружения и прав человека и уделить внимание подготовке необходимых учебных материалов по данной проблеме, в которые должны войти данные научных исследований в отношении разработки ОМУ, в особенности ядерного оружия, и ущерба, который может нанести использование подобных видов вооружений;
- для достижения конкретных результатов ЮНЕСКО необходимо подготовить типовой учебник по проблемам мира и разоружения, который служил бы моделью для образовательных программ во всем мире; особое внимание уделить неправительственным проектам, которые в перспективе будут иметь наибольшее влияние на подготовку преподавателей и образование; способствовать заключению двусторонних и многосторонних соглашений о планировании и интеграции формального и неформального образования в области разоружения, по крайней мере между странами одного региона; поддерживать работу групп преподавателей, чьей целью является подготовка образовательных материалов, которые могут использоваться во всем мире;
- ЮНЕСКО следует содействовать увеличению вклада общественности в процесс разоружения путем поддержки распространения информации о деятельности неправительственных организаций в этой области;
- ЮНЕСКО следует созвать комитет кинорежиссеров для изучения

возможностей в создании кинофильмов по проблемам разоружения и мира;

- необходимо рассмотреть возможность учреждения по эгидой ЮНЕСКО ежегодного приза для журналистов и информационных органов, имеющих особые заслуги в распространении информации в поддержку разоружения, мира и безопасности во всем мире.

В итоговом документе Конгресса, принятом на основе консенсуса, зафиксированы *руководящие принципы и положения* образования в области разоружения. В качестве задач образования в области разоружения определены повышение осведомленности о процессе разоружения, а также содействие этому процессу. Процесс разоружения для целей образования обозначен как действия, направленные на ограничение, контроль и сокращение вооружений, включая односторонние инициативы, и, в конечном счете, всеобщее и полное разоружение под эффективным международным контролем. Важная роль в процессе образования отводилась сбору и распространению объективной информации о процессе разоружения. *Руководящие принципы и положения* способствовали идентификации образования в области разоружения в качестве отдельного вида профессиональной деятельности.

Генеральному секретарю ЮНЕСКО в итоговом документе Конгресса поручено совершенствовать образовательные и информационные программы в области разоружения, мира и международных отношений во взаимодействии с ООН и при активном участии Института по исследованию проблем разоружения и Центра по разоружению, а также поддержать инициативы, направленные на обеспечение финансирования, необходимого для разработки системы образования в области разоружения, в частности, инициативу, предложенную Генеральным секретарем ООН, о направлении суммы, равной 0,1% от военных расходов, на национальные и международные усилия в целях разоружения, в том числе на образование в области разоружения⁵.

После окончания Первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в течение четырех лет проводились исследования, консультации (в том числе с представителями неправительственных организаций) и переговоры, следствием

которых стала Всемирная кампания ООН по разоружению, основанная 7 июня 1982 г. во время Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Кампания стала ответом на настойчивые призывы неправительственных организаций и неядерных государств остановить абсурдную и опасную гонку ядерных вооружений. Целью Кампании было информирование, образование и создание атмосферы понимания целей процесса разоружения. В Кампанию были включены пять составляющих: подготовка и распространение материалов; организация и проведение конференций, семинаров и программ повышения квалификации; организация специальных мероприятий, как, например, «Недели разоружения»; осуществление программы гласности и помощь со стороны организаций, относящихся к системе ООН и занимающихся вопросами разоружения.

Региональные семинары по проблеме разоружения, организованные в рамках Кампании, собирали вместе экспертов ООН и дипломатов, правительственных экспертов региона и сотрудников неправительственных организаций для информирования и образования, таким образом усиливая понимание целей разоружения и приверженность им. Доклады по результатам семинаров публиковались и широко распространялись ООН⁶.

Если оценивать достижения Всемирной кампании ООН по разоружению, то они неоднозначны. С одной стороны, неправительственными организациями проведена огромная работа по популяризации идей разоружения, значительное количество семинаров, конференций и других мероприятий. Например, акция по сбору подписей за ядерное разоружение, начатая в Японии, переросла во всемирную, и в результате было собрано более миллиона подписей.

Неправительственными организациями издана просветительская и учебная литература, в частности учебник для преподавателей. С другой стороны, отношение правительств разных стран к образованию в области разоружения было различным. В то время как одни правительства делали весомый вклад в образование, другие оказывали формальное содействие и продолжали осуществление своих программ по вооружению, были также и такие, которые просто игнорировали кампанию. Еще одна проблема Кампании связана с ее плохим

финансированием. Большой частью оно осуществлялось за счет добровольных пожертвований. Некоторые страны делали взносы в национальной неконвертируемой валюте, таким образом, выделенные средства могли быть потрачены только на территории страны-донора или в странах, входящих в один блок со страной-донором, и в странах, где принималась данная валюта. Помимо этого отдельные страны требовали, чтобы выделенные ими средства расходовались на проведение жестко определенных семинаров и конференций, что лишало секретариат Департамента по разоружению (который был ответственным за проведение Кампании) возможности распределять и без того скудные средства, выделяемые на Кампанию⁷.

Деятельность Всемирной кампании ООН по разоружению постепенно сошла на нет, и в 1992 г. Кампания была переименована в Информационную программу ООН по разоружению.

Современный период

Окончание холодной войны и появление новых угроз международной системе безопасности, а именно незаконный оборот ядерных материалов и других компонентов ОМУ и средств их доставки, а также терроризм с применением ОМУ остро поставили вопрос о пересмотре подходов к образованию в области разоружения, точнее, о расширении существующих программ за счет образовательных модулей, посвященных проблеме нераспространения ОМУ и средств его доставки, а для отдельных регионов вообще потребовали переноса акцента в образовании с области разоружения на область нераспространения.

В сложившейся ситуации особенно важен и своевременен мандат, выданный Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции 55/33 E от 20 ноября 2000 г., по оказанию помощи Генеральному секретарю ООН в подготовке исследования программ образования и повышения квалификации в области разоружения и нераспространения, среди целей которого определены следующие:

- оценить ситуацию с такими программами на уровне начального, среднего, высшего образования и аспирантуры во всех регионах мира;
- дать рекомендации по содействию таким программам на всех уровнях формального и неформального образования, прежде всего, программам для преподавателей,

парламентариев, муниципальных чиновников, военных и государственных служащих;

- изучить возможность более полного использования возникающих образовательных методик, в особенности революционных, информационных и коммуникационных технологий, включая дистанционное образование, для содействия усилиям внедрения указанных образовательных программ на всех уровнях в развитых и развивающихся государствах мира;
- дать рекомендации о том, каким образом государства, входящие в систему ООН и обладающие опытом образования в этой сфере, могли бы гармонизировать и координировать свои усилия;
- разработать способы внедрения образовательных программ по разоружению и нераспространению для постконфликтного урегулирования и содействия укреплению мира⁸.

Исследование проводится группой из 10 правительственных экспертов, представляющих различные регионы мира и разные методические и культурные подходы к проблемам образования. В группу вошли: посол Мохамед Шакер, председатель Египетского совета по иностранным делам; Аттила Зимоньи, старший советник департамента контроля над вооружениями и политики в области безопасности министерства иностранных дел Венгрии; Венкатеш Варма, советник посольства Индии в России; посол Юкия Аmano, глава делегации Японии на Подготовительном комитете конференции по рассмотрению действия ДНЯО; д-р Кейт Дьюз, вице-президент Центра разоружения и безопасности, Новая Зеландия; посол Уго Палма, посольство Перу в Италии; Анна Групинска, директор департамента политических вопросов ООН министерства иностранных дел Польши; посол Алиун Диань, посольство Сенегала в Нигерии; Биргит Алани, заместитель директора СИПРИ, Швеция. Председателем Рабочей группы был избран известный дипломат и сторонник ядерного разоружения посол Мигель Марин Бош, заместитель министра иностранных дел Мексики по вопросам Азии, Африки, Европы и многосторонним проблемам, бывший председатель Комитета по запрещению ядерных испытаний Конференции по разоружению. Консультантом группы был избран директор ПИР-Центра политических исследований в России Владимир Орлов.

К особенностям проводимого исследования следует отнести тот факт, что в преамбуле резолюции, как и в документах Всемирного конгресса ЮНЕСКО двадцатилетней давности, подчеркивается особая опасность ядерного оружия и прямо указывается на «важность содействия совместным международным усилиям в области разоружения и нераспространения, в особенности в области ядерного оружия и оружия массового уничтожения, а также средств их доставки»^{9,10}. В тоже время это не означает, что исследование сосредоточилось на изучении накопленного опыта в образовании и повышении квалификации в области разоружения и нераспространения применительно лишь к ядерному оружию или другим видам оружия массового уничтожения.

В целях подготовки исследования ООН в апреле и августе 2000 г. и в марте 2001 г. в Нью-Йорке, Монтерее (США) и Женеве соответственно были проведены три сессии группы правительственных экспертов, в которых приняли участие представители организаций, относящихся к системе ООН, и неправительственных организаций. Активное участие неправительственных организаций в работе группы стало ее заметной особенностью. Во время заседаний детально изучалось влияние образовательных программ на постконфликтное урегулирование, на кампанию по запрещению использования противопехотных мин, на предотвращение бесконтрольного распространения легкого и стрелкового оружия. Представители Папуа–Новой Гвинеи выступили с докладами о влиянии образования на бугенвильский мирный процесс, эксперты Албании – о совместной образовательной программе Департамента ООН по разоружению и организации «Гаагский призыв к миру», цель которой состоит в том, чтобы убедить молодое поколение «конфликтных регионов», где в руках населения сконцентрировано большое количество огнестрельного оружия, отказаться от силового решения существующих межнациональных и межрелигиозных споров; члены Международного комитета Красного Креста сообщили об усилиях по популяризации идеи запрещения использования противопехотных мин. Всего в рамках трех заседаний рабочей группы выступило более 35 представителей неправительственных организаций более чем из 15 стран.

Для изучения положения дел с образовательными программами в области разоружения и нераспространения группой

правительственных экспертов среди стран-членов ООН и ряда неправительственных организаций был распространен официальный запрос, в результате чего выяснено, что такие программы (формального и неформального образования) существуют по крайней мере в 37 странах, в том числе в двух странах Африки, 11 странах Азии, двух странах Австралии и Океании, 15 странах Европы, 7 странах Северной и Южной Америки.

Примечательно, что респондентами, приславшими ответы на запрос группы правительственных экспертов, стали главным образом неправительственные организации. На соответствующий запрос ООН были получены ответы лишь от 14 стран и двух японских префектур. Говорит ли это о том, что, как и двадцать лет назад, правительства не заинтересованы в образовательных программах в области разоружения и нераспространения? Представляется, что все же заинтересованы. После окончания холодной войны военные арсеналы многих стран оказались избыточными и стали тяжелой ношей для экономики, в ряде стран и даже в отдельных регионах остро стоит проблема нераспространения. Главной же причиной недостаточного внимания в большинстве стран на федеральном уровне к образованию в этой области является то, что оно не воспринимается в качестве наиболее эффективного механизма предотвращения вооруженных конфликтов и снижения угроз международной стабильности, и поэтому руководством стран оно не относится к приоритетным. Образование – это инвестиции в будущее, а правительства (да и большинство международных организаций) зачастую в большей степени сконцентрированы на разрешении существующих кризисов, чем на долгосрочных инвестициях в предотвращение причин возникновения подобных кризисов и очагов напряженности.

Аудитория образовательных программ и программ повышения квалификации

Не может не вызывать опасения, что специалисты, которые являются экспертами в других, смежных областях, зачастую плохо осведомлены в вопросах разоружения и нераспространения. Подобная ситуация печальна, но объяснима, поскольку отсутствует сама возможность методического и целенаправленного формального образования по данной проблематике: оно до сих пор является редкостью для большинства регионов мира. Его практически нет в начальных и средних школах (во всем мире

существует лишь несколько школ, где уделяется внимание вопросам разоружения и нераспространения), и еще более скромные успехи отмечаются в реализации образовательных программ по разоружению в вузах. Если говорить об образовании в области нераспространения, то здесь ситуация вообще близка к катастрофичной: в настоящий момент в мире только в двух институтах готовят специалистов в этой области – в Московском инженерно-физическом институте и Монтерейском институте международных исследований (США).

Более радужная картина наблюдается в сфере неформального образования по проблемам нераспространения и разоружения: постоянно растет во всем мире число неправительственных организаций, занимающихся образованием и повышением квалификации студентов, молодых специалистов, представителей исполнительной и законодательной ветвей власти, военных, журналистов и широкой общественности по этой тематике. Подобные программы в настоящее время реализуют более 50 неправительственных организаций. Важным вкладом таких организаций в образование в области нераспространения является их активное участие в становлении и реализации аналогичных университетских программ, в частности, велика их заслуга в деле подготовки специалистов в области нераспространения в Московском инженерно-физическом институте и Монтерейском институте международных исследований.

Для представления о перспективах программ образования и повышения квалификации в области нераспространения и разоружения необходимо четко определить аудиторию, которая нуждается в таких программах. Ниже перечислены ее основные группы.

- *Правительственные чиновники и члены законодательных собраний государств.* При отсутствии соответствующего образования они могут оказаться недостаточно информированными о роли разоружения и нераспространения, о принятых международных обязательствах их государств, а также о возможностях по снижению насилия в мире, которые открываются вследствие проведения политики, направленной на разоружение и нераспространение ОМУ и средств его доставки. Недостаток такой информации затруднит принятие эффективных решений и ратификацию

законодательных инициатив в этом отношении.

- *Военные.* Недопустима ситуация, когда представители военного истеблишмента не учитывают в полной мере уже накопленный их национальными правительствами опыт по снижению насилия и предотвращению распространения наиболее опасных видов оружия или те возможности в военном планировании, которые могут открыться на пути к полному отказу от производства такого оружия, включая средства его доставки, а также материалов, необходимых для создания такого оружия.

- *Ученые и инженеры, прежде всего работающие в ядерной области, ракетостроении и сфере биотехнологий.* Ученые должны быть в достаточной мере информированными об опасностях распространения, а также о методах предотвращения распространения путем создания первой линии защиты (учет, контроль и физическая защита чувствительных материалов). В процессе сокращения вооружений, прежде всего ядерного и химического, а также при конверсии производств, ранее нацеленных на разработку биологического оружия, обеспечение надежного хранения, транспортировки и подконтрольного уничтожения или утилизации материалов и боеприпасов является чрезвычайно трудной задачей. Как следствие высок риск возрастания случаев незаконного оборота материалов и технологий, используемых при создании ОМУ, «утечки мозгов» в критических с точки зрения нераспространения областях, а также несанкционированного доступа негосударственных игроков к чувствительным материалам, технологиям и знаниям с целью терроризма или использования в рамках международных организованных криминальных сообществ.

- *Сотрудники таможенных служб и других правоохранительных органов.* Государство должно обладать подготовленным персоналом для предотвращения незаконного перемещения материалов, оборудования и технологий, критических с точки зрения нераспространения.

- *Студенты (прежде всего старших курсов) и аспиранты,* работа которых в дальнейшем будет связана с дипломатической службой,

будущие инженеры-физики и сотрудники контролируемых организаций, будущие работники отраслей промышленности и предприятий, связанных с чувствительными технологиями. Они должны быть подготовленными к новым вызовам и возможностям, возникающим в области разоружения и нераспространения.

- *Журналисты, освещающие проблемы контроля над вооружениями и нераспространения.* В силу значительной технической и юридической специфики затрагиваемых вопросов журналисты зачастую не могут адекватно и точно информировать общественное мнение о происходящих процессах. Необходимо исключить некомпетентное освещение проблемы нераспространения и контроля над вооружениями в прессе и на телевидении журналистами, которое может одновременно дезинформировать, а учитывая чувствительность вопроса, иногда и сеять страх среди десятков миллионов людей. Один из последних примеров такого рода журналистики – многочисленные невзвешенные и некомпетентные, а в некоторых случаях истерические комментарии на телеканалах и в газетах относительно возможности создания ядерного оружия террористическими организациями, и в частности «Аль-Кайдой», появившиеся после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне и случаев использования биологического оружия против мирных граждан в США.

- *Широкая общественность.* В настоящее время она недостаточно информирована о решениях и усилиях международного сообщества по достижению всеобщего и полного разоружения путем заключения международных договоров, выводящих из оборота и запрещающих целые виды наиболее опасных видов оружия, прежде всего ОМУ. Без соответствующего образования широкие слои населения в дальнейшем могут оказаться практически отлученными от участия в дискуссиях международного и национального масштаба о практических шагах, способствующих разоружению и нераспространению ОМУ и средств его доставки.

Проблемы и предложения по их решению

К основным проблемам, с которыми сталкиваются любые организации, занимающиеся образованием и повышением

квалификации в области разоружения и нераспространения (независимо от статуса организации), следует отметить отсутствие учебников по данной тематике для всех ступеней образования, а также серьезную нехватку справочных и аналитических материалов по этой проблематике на официальных языках стран мира. Подавляющее большинство материалов, опубликованных в научной и широкой печати или размещенных в интернете, существует лишь на английском языке, что серьезно усложняет образование, в особенности – широких слоев населения. Вследствие этого на первоначальном этапе разработки образовательных программ требуются значительные финансовые и временные затраты, необходимые для перевода и подготовки информационного сопровождения программы. Одним из возможных решений проблемы могло бы стать участие организаций, относящихся к системе ООН, в переводе уже существующих справочников и учебников на другие языки с учетом национальных интересов стран и проблем, стоящих перед ними.

Важным элементом увеличения числа стран, «охваченных» образованием, является использование опыта тех государств, которые уже добились прогресса в данной области. В этой связи международным организациям следует рассмотреть возможность создания ежегодного форума (постоянно действующего международного семинара, консорциума или рабочей группы экспертов) по проблемам образования в области разоружения и нераспространения с преимущественным участием представителей институтов, университетов, школ, неправительственных организаций, непосредственно занимающихся образованием и повышением квалификации, а не официальных представителей, в отличие от того, как это было на Всемирном конгрессе в 1980 г. Работа форума помимо пленарных заседаний могла бы включать в себя параллельную деятельность сразу нескольких групп, одна из которых рассматривает достижение и прогресс образования в области нераспространения (сокращения) ОМУ и средств его доставки, вторая – то же для легкого и стрелкового оружия, третья – в области запрещения использования противопехотных мин. Важны *регулярные* встречи «практиков» в области образования, поэтому их периодичность (раз в полгода или, к примеру, раз в два года) – это уже второстепенный вопрос.

Следует также рассмотреть возможность проведения международной конференции по проблеме образования в области разоружения и нераспространения (например, в 2005 г., накануне Конференции по рассмотрению действия ДНЯО). Это тем более необходимо, что важность образования в области ядерного разоружения и нераспространения была подчеркнута в итоговом документе Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия ДНЯО, который состоялся в апреле 2002 г. В рамках конференции по вопросам образования среди прочих проблем полезно было бы оценить прогресс в области образования и повышения квалификации, достигнутый в первые пять лет нового тысячелетия, а также выработать документ, который стал бы своего рода *стратегией образования и повышения квалификации в области разоружения и нераспространения* на десятилетия вперед. Организатором такой конференции мог бы выступить Департамент ООН по разоружению и Институт мира в Коста-Рике, учрежденный в 1980 г. в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН и являющийся инструментом ООН популяризации идей мира через образование, а спонсором – ООН. Другим соорганизатором конференции мог бы стать Институт ООН, штаб-квартира которого расположена в Японии.

Необходимо также содействовать проведению региональных конференций, встреч, семинаров по проблемам образования и повышения квалификации, и здесь активную роль могли бы сыграть неправительственные организации, лидеры в этой области в своих регионах, в частности ПИР-Центр и Центр изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований.

Естественно, чтобы международным координатором образовательной деятельности и взаимодействия неправительственных организаций в области разоружения и нераспространения выступил Департамент ООН по разоружению, который имеет огромные информационные ресурсы по данной проблематике. Также более активную роль в содействии процессу образования в области разоружения и нераспространения могли бы играть другие организации, относящиеся к системе ООН, в частности ЮНЕСКО (что, кстати, зафиксировано в итоговом документе Всемирного конгресса 1980 г.), ЮНИСЕФ и МАГАТЭ. В настоящее время МАГАТЭ уже осуществляет программу

стажировок, взаимодействуя, в частности, с Монтерейским институтом международных исследований.

Основная часть образовательной деятельности и деятельности по повышению квалификации в ближайшие годы по-прежнему будет осуществляться традиционными методами – путем распространения печатных материалов, а также проведения семинаров, чтения лекций и т.п. Однако с каждым годом все большую роль будут играть нетрадиционные средства образования. Новые технологии, и особенно интернет-технологии, создают широкие возможности для этого, тем более что стоимость подобного рода образовательных программ относительно низка и информация, используемая в образовательном процессе, постоянно обновляется.

В качестве одного из наиболее удачных из уже существующих примеров использования интернет-технологий в образовании можно привести образовательный модуль (cbw.sipri.se), созданный Стокгольмским международным институтом исследования проблем мира (СИПРИ) и посвященный проблеме нераспространения химического и биологического оружия. Цель этого модуля – помочь широким слоям населения лучше понять проблемы разоружения и нераспространения в общем, и в частности, проблемы нераспространения биологического и химического оружия. Также существует целый ряд сайтов неправительственных организаций, которые представляют собой уникальные информационные источники по проблеме нераспространения, прежде всего ядерного, и уже в ближайшее время будут преобразованы в образовательные модули. На английском языке это, в первую очередь, – сайт Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований (www.cns.miis.edu), на русском языке – сайт ПИР-Центра политических исследований в России (www.pircenter.org).

Развитие образовательных программ в области нераспространения и разоружения во многом будет зависеть от того, удастся ли найти источники достойного и, самое главное, стабильного финансирования для них. Необходимо сделать правильные выводы из опыта двадцатилетней давности и предотвратить повторение ситуации с Всемирной кампанией ООН по разоружению, когда плохое финансирование стало одной из главных причин ее низкой эффективности, и

здесь важную роль, помимо структур ООН, могут сыграть правительства отдельных государств. Примером успешного взаимодействия неправительственных организаций в области образования с правительствами европейских государств (Великобритании, Нидерландов, Норвегии и Швеции) может служить издание ПИР-Центром первого в мире полноохватного учебника по проблеме ядерного нераспространения. Следовало бы также создать региональные фонды поддержки образовательных программ в области разоружения и нераспространения, которые формировались бы за счет добровольных пожертвований стран региона и аккумулировали средства на подобные программы.

22–26 июля 2002 г. в г. Нью-Йорке на свое четвертое и последнее заседание соберется группа правительственных экспертов по подготовке исследования ООН в области образования в сфере нераспространения и разоружения. Во время сессии участники завершат исследование по образованию и повышению квалификации в этой области, результаты которого будут представлены Генеральным секретарем ООН на 57-й Генеральной Ассамблее ООН, начинающей свою работу 10 сентября 2002 г. Помимо результатов исследования будут сформулированы специальные рекомендации ООН Департаменту ООН по разоружению и другим департаментам, организациям и институтам, относящимся к системе ООН, по содействию упомянутым программам образования и повышения квалификации и по их популяризации. Хотелось бы надеяться, что результаты исследования и его рекомендации станут катализатором роста количества образовательных программ в области разоружения и нераспространения во всем мире.

Россия и образование в области нераспространения и разоружения

В начале 1990-х гг. перед Россией встал целый комплекс проблем в области нераспространения оружия массового уничтожения, вызванных выводом ОМУ, в первую очередь ядерного оружия, с территорий бывших республик СССР и требовавшие безотлагательного решения.

Важной составляющей решения проблемы нераспространения в России стали международные программы содействия. В то же время, если оценивать промежуточные результаты таких программ, и в частности

Программы совместного уменьшения угрозы (СУУ), то следует отметить, что в деле уничтожения ядерного оружия, его носителей, усиления физической защиты «ядерных объектов» в России отмечается явный прогресс. Однако усилия, предпринятые в области образования в сфере нераспространения в рамках Программы, были недостаточны – *человеческому фактору* при противодействии распространению ОМУ на протяжении 1990-х гг. не уделялось должного внимания.

В 2002 г. отметит свое десятилетие Международный научно-технический центр, одной из главных задач которого является предоставление ученым из СНГ, в особенности располагающим знаниями в области ОМУ и средств его доставки, возможности для переориентации их деятельности на мирные цели. За время существования Центр оказал поддержку около 1,5 тыс. проектов, в которых был задействовано свыше 30 тыс. специалистов¹¹. Существует Программа научного и технологического сотрудничества между странами НАТО и Россией, которая была разработана в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании между Министерством науки и технологий Российской Федерации и Организацией Североатлантического договора в области науки и технологий.

Подобные программы, безусловно, важны для России: за последние десять лет страну покинуло уже более 200 тыс. ученых¹². При отсутствии у российского правительства возможности обеспечить отечественным ученым достойную заработную плату один, если не единственный, способ удержать высококвалифицированных специалистов в стране – создать благоприятную ситуацию для развития совместных проектов с западными коллегами. В то же время недостаточно просто повышения заработной платы специалистам-ядерщикам. Это, конечно, снижает риск, но отнюдь не гарантирует от хищения чувствительных материалов и технологий или халатности при работе с такими материалами.

Достаточно вспомнить, что в начале 1990-х гг., в условиях крайне низкой, подчас просто нищенской зарплаты отнюдь не материальным стимулом определялось качество работы специалистов, которые строго следили за сохранностью ядерных материалов и боеприпасов. Это были прежде всего моральные стимулы, заложенные в людях

старшего поколения при существовании Советского Союза.

Одновременно необходимо исходить из той аксиомы, что никакое, даже самое щедрое инвестирование в новые технические средства, обеспечивающие защиту чувствительных материалов и оружия от несанкционированного доступа и расползания, неспособно гарантировать успех, пока не будет проведена полномасштабная образовательная, просветительская работа и работа по повышению квалификации с персоналом, имеющим непосредственный допуск к данным видам оружия, его компонентам, материалам и технологиям, а также в целом среди широкой общественности, прежде всего через СМИ и неправительственные организации. При этом должны быть объяснены основы режима нераспространения, его правовая база, а также обрисованы возможные последствия в случае нарушения или игнорирования принципов и норм нераспространения.

Важной заботой для российского правительства должно стать образование молодых специалистов – недавних выпускников вузов, а ныне – сотрудников ядерных исследовательских центров, министерств обороны и иностранных дел, которые по роду своей деятельности повседневно сталкиваются с проблемой нераспространения, и те, от кого в дальнейшем будет зависеть выполнение международных обязательств Россией в области нераспространения и уничтожения ОМУ.

Необходимо также отметить, что на фоне практически полного отсутствия программ образования и повышения квалификации в области нераспространения ОМУ Россия и США в настоящее время лидируют по количеству подобных программ. Это имеет естественное объяснение: оба государства остаются обладателями наибольших запасов ядерного оружия и делящихся материалов, которые могут быть использованы в военных целях, а также запасами химического оружия (хотя и сокращают их). Именно в России в 2002 г. был подготовлен и издан учебник по ядерному нераспространению, а годом ранее Министерство образования РФ утвердило новую учебную специальность для высших учебных заведений – «Нераспространение и безопасность ядерных материалов». Уже разработаны и внедрены программы повышения квалификации и образовательные для различных аудиторий – журналистов,

законодателей, государственных чиновников, ученых-ядерщиков, таможенников и преподавателей. На протяжении пяти лет в Московском инженерно-физическом институте готовятся специалисты по проблемам нераспространения и физической защиты, учета и контроля ядерных материалов на уровне магистра наук. Важным элементом программы является лекционный курс «Ядерное нераспространение: международно-правовые, экономические и политические аспекты», который разработан и читается экспертами ПИР-Центра. Знания, полученные при прохождении образовательной магистерской программы, позволяют выпускникам работать в ведущих российских научно-исследовательских центрах, министерствах и ведомствах. Бывшие слушатели магистерской программы в настоящее время являются сотрудниками РНЦ «Курчатовский институт», Научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники им. Н.А. Доллежала, Всероссийского научно-исследовательского института неорганических материалов им. акад. А.А. Бочвара, Всероссийского научно-исследовательского института автотоники им. Н.Л. Духова, Специализированного научно-производственного объединения Минатома РФ «Элерон», Госатомнадзора, Министерства по атомной энергии РФ и др.

Большую работу по повышению квалификации журналистов в области нераспространения и разоружения проводит Центр журналистики войны и мира. Повышением квалификации сотрудников российских предприятий оборонного и ядерного комплексов России и научно-исследовательских организаций успешно занимается Центр экспортного контроля и Учебно-методический центр по учету и контролю (г. Обнинск). Слушатели «Образовательной программы повышения квалификации молодых специалистов по контролю над вооружениями и нераспространению», которую разработал и проводит ПИР-Центр, в настоящее время являются сотрудниками МИД и Минобороны РФ, предприятий ядерного комплекса России, неправительственных организаций. В феврале–апреле 2002 г. для студентов и аспирантов Московского физико-технического института Центром по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии (г. Долгопрудный) впервые был организован курс лекций «Стратегические вооружения и проблемы безопасности». Нельзя не отметить

вклад Российского Пагуошского комитета в популяризацию идей нераспространения среди молодежи.

Однако пока сделаны только самые первые шаги, что не позволяет говорить о решении проблемы образования в области нераспространения в России и требует серьезного дополнительного инвестирования в *человеческий фактор*.

Среди многочисленных аудиторий, перечисленных выше, для которых предназначены образовательные программы, следует выделить ключевые. Программы *повышения квалификации* предназначены для сотрудников таможенных служб и других правоохранительных органов, а также специалистов, имеющих непосредственный доступ к чувствительным технологиям и материалам; это уже сейчас поставлено на практическую основу и должно быть лишь расширено. Усилия *по образованию* должны быть сконцентрированы на студентах, аспирантах и молодых специалистах, где пока еще практически ничего не сделано. Именно инвестиции в *молодое поколение* должны быть признаны наиболее перспективными и стратегическими. Необходимо расширение образовательных программ и программ повышения квалификации в области нераспространения в первую очередь за счет региональных вузов, тем более, что многие уже высказали свою заинтересованность; среди них Казанский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Северский государственный университет, Томский политехнический университет, Трехгорный технологический институт, Уральский государственный университет, Ярославский государственный университет и др.

К возможным практическим шагам по формированию и продвижению российских образовательных программ в области нераспространения следовало бы отнести:

- создание учебных пособий по нераспространению (прежде всего ядерному, но не ограниченных этим): общего для студентов всех вузов и специализированного для студентов вузов, имеющих профильные специальности в области нераспространения и разоружения;
- максимально широкую информацию в печатном и электронном виде о международных документах в области разоружения и нераспространения

(международные договоры, соглашения и т.д.);

- подготовку в форме CD-ROM и распространение указанных выше учебных пособий и документов среди участников семинаров для журналистов и слушателей курсов повышения квалификации для специалистов;
- выработку программ повышения квалификации преподавателей и инструкторов по программам образования и повышения квалификации в области разоружения и нераспространения;
- создание видеоматериалов для продвижения ценностей нераспространения и разоружения, доступное объяснение и популяризацию их для широкой аудитории через семинары для тележурналистов, неправительственные организации и университеты;
- формирование программ дистанционного образования – онлайн-лекционных курсов и «виртуальных» учебников, тестирование знаний слушателей в онлайн-режиме;
- стимулирование интереса к области разоружения и нераспространения у студентов старших курсов, аспирантов и молодых специалистов и закрепление их в данной области, а также у журналистов, занимающихся проблемами нераспространения ОМУ.

Эти меры, осуществленные в комплексе последовательно в течение нескольких лет, позволили бы в значительной мере снизить угрозу распространения ОМУ.

В условиях, когда Россия и США подписали договор о новых уровнях стратегических вооружений, вопросы образования в области разоружения и нераспространения приобретают особую актуальность. Как это ни парадоксально звучит, но отсутствие или слабость национальной системы такого образования значительно повышает риск распространения при сокращении ядерного оружия.

Укрепление режима нераспространения признано российским руководством в качестве задачи первоочередной важности в области обеспечения национальной безопасности страны, что зафиксировано в Концепции национальной безопасности России¹³. Отсутствие образовательных программ в области нераспространения, пожалуй, является наиболее слабым местом в процессе

формирования в России новой культуры, включающей осознанное отношение к проблемам нераспространения, и необходимо принимать срочные меры для устранения этого пробела. ■

¹ Автор выражает благодарность за помощь в подготовке материала консультанту ООН по вопросам образования, директору ПИР-Центра канд. полит. наук В.А. Орлову.

² Горьковский Е.В. Образование в области разоружения: требуется активизация усилий. *Ядерный Контроль*. 2001. № 5. С. 66.

³ Small Arms Survey 2001: Profiling the Problem. *Disarmament Forum*. 2001. Three. P. 59.

⁴ Final Document of the Tenth Special Session of the General Assembly, UN document A/S-10/4.

⁵ Final Document and Report of the World Congress on Disarmament Education. www.un.org/Depts/dda/education/pdf/unesco.pdf.

⁶ Ballantyne Edith and Hill Felicity. Lessons from past UN disarmament education efforts. *Disarmament Forum*. 2001. Three. P. 13.

⁷ Ibid.

⁸ United Nations Study on Disarmament and Non-Proliferation Education. GA Resolution: 55/33 E. November 20, 2000.

⁹ Ibid.

¹⁰ В заключительном документе Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия ДНЯО (апрель 2002 г.) впервые для подобного рода документов отмечается важность образования в области ядерного разоружения и нераспространения, что может служить хорошим показателем повышения внимания к проблеме такого образования в мире.

¹¹ Информация официального сайта МНТЦ, www.istc.ru/istc/website.nsf/fm/Activity+Summary+Ru.

¹² Государство обеспечит науку деньгами. *УТРО: ежедневная электронная газета*; 19 марта 2002.

¹³ Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24). *Дипломатический Вестник*. 2000. №2. С. 3-13.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА *НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ ПИР-ЦЕНТРА*
для резидентов РФ

Подписку на *Научные Записки ПИР-Центра* можно оформить в редакции или путем денежного перевода через Сбербанк РФ. Стоимость годовой подписки – 900 руб. Стоимость доставки составляет: 70 руб. – по Москве, России и СНГ, 300 руб. – в Европе, 480 руб. – в США. Отдельные номера *Научных Записок* можно приобрести в редакции за наличный расчет по цене 300 руб. за номер. Редакция не осуществляет доставку отдельных номеров.

Счет ПИР-Центра в Сбербанке РФ:

АНО «ПИР – Центр политических исследований»
расчетный счет 40703810938310100593
Люблинское отделение № 7977 Сбербанка России, г. Москва
кор/сч. 30101810400000000225
БИК 044525225, ИНН 7729348818
ОКОНХ 71100, ОКПО 04856169

Реализацией журнала на территории России и СНГ занимается
агентство «Роспечать»
Информация о подписке на 2002 г. находится в Приложении № 1
к каталогу *ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ*
Индекс издания 80979
Стоимость годовой подписки – 1980 руб., включая НДС и стоимость доставки

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА *НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ ПИР-ЦЕНТРА*
для нерезидентов РФ

Стоимость годовой подписки для нерезидентов РФ – 60 у.е. Отдельные номера можно приобрести в редакции по цене 20 у.е. за номер. Стоимость доставки при годовой подписке составляет: 3 у.е. – по Москве, России, СНГ, 15 у.е. – в Европе, 24 у.е. – в США (1 у.е. = 1 доллар США). ПИР-Центр принимает к оплате чеки зарубежных банков в долларах США. Чеки на имя *PIR Center* просьба направлять по адресу: Россия, 123001, Москва, Трехпрудный пер., 9, стр. 1Б, офис 011, ПИР-Центр.

Реализацией журнала за рубежом занимаются агентства:

Swets Blackwell
Тел.: +31 252 435111
Факс: +31 252 415888
E-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com
<http://www.swetsblackwell.com>

East View Publications
Представительство в России
Тел.: +7 095 777-6558
Факс: +7 095 318-0881
<http://www.eastview.com>

По вопросам приобретения *Научных Записок ПИР-Центра* и оформления подписки в офисе ПИР-Центра просьба обращаться к **Верниковой Марии**: тел. 234-05-25, факс 234-95-58, эл. почта: info@pircenter.org.

Обзор**СОВМЕСТНОЕ С США УКРЕПЛЕНИЕ СИСТЕМ БЕЗОПАСНОСТИ НА
ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ РОССИИ: ИЗВЛЕЧЕННЫЕ УРОКИ И
ДАЛЬНЕЙШИЕ МЕРЫ****Мортен Бремер Маэрли¹**

С 1994 г. министерство энергетики США сотрудничает с Россией по вопросам установки современных систем ядерной безопасности для обеспечения физической защиты материалов, которые можно использовать в военных целях. Это сотрудничество известно как Программа физической защиты, учета и контроля ядерных материалов (ФЗУК ЯМ)², которая существенно укрепила безопасность большого количества ядерных материалов³. Усиление системы безопасности объектов хранения ядерных материалов по отношению к угрозе извне, а особенно изнутри, представляет собой очень

важную задачу. В соответствии с этой программой министерство энергетики США устанавливает комплексные системы безопасности, приспособленные к требованиям конкретного объекта. Усиление системы безопасности включает входные барьеры и меры контроля (например, ловушки, ворота, замки и мониторы), контроль над доступом персонала, системы обнаружения несанкционированного проникновения, системы видеонаблюдения и компьютеризованные системы учета ядерных материалов⁴.

**ОФИЦИАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

По состоянию на февраль 2001 г. министерство энергетики США завершило или находится на стадии завершения оказания помощи России в установке систем безопасности на 115 объектах, на которых хранится около 32% из 603 тонн пригодных для военных целей материалов.

Тем не менее по причине отказа в доступе американской стороне на объекты Минатома в ожидании принятия соответствующих решений с осени 1999 г. прекратилось заключение новых контрактов. Американская сторона лишена доступа к трем четвертям всех зданий и сооружений российского комплекса производства ядерного оружия.

Однако доступ американских специалистов на объекты хранения ядерных материалов ВМФ России предоставляется. По состоянию на январь 2001 г. модернизация систем безопасности предпринята на 41 из 42 участков хранения ядерного оружия для ВМФ России. Право физического доступа получено на 10 объектов ВМФ России. Американская сторона планирует до 2007 г. завершить модернизацию систем безопасности 4 000 ядерных боеголовок ВМФ России*.

Министерство энергетики США израсходовало в общей сложности 85,6 млн долл., или 15% общих затрат министерства на обеспечение безопасности ядерных материалов в России за 2001-й финансовый год, на укрепление систем безопасности объектов хранения топлива и вооружений.

Основы успеха российско-американской программы модернизации систем безопасности ВМФ России:

- понимание командования ВМФ России необходимости совершенствования систем безопасности хранения ядерного топлива и возможности сотрудничества с американской стороной;
- использование российского оборудования и российских подрядчиков. Возможность непосредственного прямого общения специалистов США с представителями ВМФ России, которым поручено осуществлять проект с российской стороны;
- самостоятельный выбор российской стороной объектов для модернизации;
- использование системы «ASSESS» для проведения оценки уязвимости модернизируемых объектов;
- участие в сотрудничестве Управления государственного надзора по ядерной и радиационной безопасности Минобороны РФ;
- разработка и внедрение программы обучения кадров ВМФ России эксплуатации и техническому обслуживанию систем физической защиты ядерных материалов;
- разработка программы подтверждения долгосрочной работоспособности установленных систем.

Пути расширения сотрудничества в рамках физической защиты, учета и контроля ядерных материалов для ВМФ России (ФЗУК ЯМ для ВМФ России):

1. Проведение независимой оценки общей надежности установленных систем с предоставлением доступа к интересующей информации ВМФ России.
2. Включение в программу ФЗУК ЯМ для ВМФ России объектов с ядерным оружием.
3. Создание координационной группы для проведения общего планирования и разработки совместного плана мероприятий в рамках ФЗУК ЯМ.

* В феврале 2002 г. Министерство энергетики США сообщило, что к концу текущего финансового года будут завершены усовершенствования систем обеспечения безопасности ядерных материалов в рамках программы ФЗУК ЯМ, находящихся на объектах, где хранится 18% ядерного материала, пригодного для использования в ядерном оружии, а начальные усовершенствования систем будут произведены на 42% таких объектов.

Усовершенствование систем безопасности на объектах Минатома (в отличие от объектов ВМФ) происходит с задержкой из-за того, что американской стороне не предоставляется на них прямой доступ, что объясняется «соображениями безопасности». Тем не менее бюджетный запрос администрации США на цели программы ФЗУК ЯМ на 2003-й финансовый год составил 233 млн долл., что значительно больше, чем в предыдущем году. – *Прим. ред.*

Несмотря на успехи в борьбе с угрозой хищения ядерных материалов, главные проблемы нераспространения остаются, если учесть недостаточно надежные системы безопасности ядерных материалов. По состоянию на февраль 2001 г. министерство энергетики США завершило или завершает оказание помощи России в установке систем безопасности на 115 объектах, на которых хранится около 32% из 603 тонн пригодных для военных целей материалов, классифицированных как находящиеся под угрозой хищения или вывоза из России⁵.

С самого начала доступ на ядерные объекты России оказался большим препятствием на пути сотрудничества между США и Россией в области укрепления безопасности расщепляемых ядерных материалов. С обеих сторон отсутствовала ясность в отношении того, какого рода доступ необходим, когда, для кого и, самое важное, в каких целях⁶. На наиболее секретных объектах комплекса производства ядерного оружия Минатома с осени 1999 г. в ожидании принятия решений по вопросам доступа прекратилось всякое заключение новых контрактов.

Российская сторона неохотно предоставляла американской стороне доступ к зданиям и сооружениям оружейного комплекса из соображений национальной безопасности и внутреннего законодательства. Вновь обсуждаются заменяющие процедуры, так называемые «заверения», когда вместо доступа на секретные объекты предоставляются фотоснимки и видеопленки⁷. Были начаты переговоры на высоком уровне между министерством энергетики США и Минатомом по выработке приемлемых соглашений о предоставлении необходимых «заверений». Таким образом, делается попытка прагматичного подхода к решению наиболее острых вопросов, связанных с секретностью. Однако сохраняются опасения относительно того, что глубинные проблемы недоверия останутся нерешенными, что может привести к утрате духа сотрудничества.

В начале 2001 г. представители США не имели физического доступа к 41% от всего количества зданий и сооружений с ядерными материалами в России, что весьма осложняло задачи реализации ФЗУК ЯМ. В российском комплексе производства ядерного оружия, где задействована большая часть расщепляемого материала, американская сторона лишена доступа примерно к трем четвертям всех зданий и сооружений. Поэтому на самом деле успехи в области наиболее привлекательных с точки зрения возможного распространения материалов были довольно ограниченными. На этом фоне разительным контрастом выглядит ситуация в российском ВМФ, где группа американских специалистов, работающая над модернизацией систем безопасности, докладывает о доступе ко *всем* секретным объектам с неотработанным ядерным топливом (см. таблицу 1).

Группе, работающей по программе ФЗУК ЯМ с ВМФ России, явно удалось преодолеть недоверие и решить проблемы секретности, препятствующие прогрессу по другим направлениям программы ФЗУК ЯМ. Доступ предоставлялся, несмотря на проблемы секретности, связанные с составом реакторного топлива для ВМФ России. Министерство энергетики США установило продуктивные рабочие отношения с командованием ВМФ России и договорилось о предоставлении доступа, необходимого для проверки установленных систем физической защиты и учета⁸. Благодаря этой атмосфере доверия в 1999 г. был предоставлен дополнительный доступ, и группы специалистов перешли от решения вопросов физической защиты расщепляемых материалов к модернизации систем безопасности ядерного оружия, находящегося на вооружении ВМФ России. По состоянию на январь 2001 г. модернизация систем безопасности была предпринята на 41 из 42 участков хранения ядерного оружия для ВМФ России⁹, находящихся внутри действующих баз ВМФ России. На сегодняшний день группы специалистов из США получили право

Таблица 1

Процент зданий и сооружений с расщепляемыми материалами, доступ к которым не был предоставлен Россией для группы специалистов США, работающей в рамках ФЗУК ЯМ, по состоянию на январь 2001 г.¹⁰

	Гражданские объекты в России	Объекты хранения топлива для ВМФ России	Лаборатории ядерного оружия в России	Общее количество
Процент зданий, к которым нет доступа для группы специалистов США	12%	0%	73%	41%

физического доступа примерно к десяти таким объектам¹¹. Другие объекты изучались издали, по их периметру. США предполагает завершить модернизацию систем безопасности 4 000 ядерных боеголовок ВМФ России к 2007 г.¹²

Оценивая возможности

Одно только министерство энергетики США в настоящее время реализует более десятка различных программ нераспространения в России в целях снижения риска того, что ядерные материалы и знания в этой области попадут в руки террористических организаций и «государств с непредсказуемым поведением»¹³. Выявляется тенденция к тому, чтобы каждая программа рассматривалась отдельно, а не все вместе. По словам Леонарда С. Спектора, бывшего помощника министра энергетики по вопросам контроля над вооружениями и нераспространения, есть необходимость в подходе, который позволил бы выявить и использовать возможности увеличения отдачи от вложений благодаря синергетике сочетания программ¹⁴.

Как свидетельствует достигнутый прогресс, из совместных российско-американских программ модернизации систем безопасности ВМФ России можно извлечь ценные уроки, которые могут существенно повлиять на другие области ФЗУК ЯМ, а возможно, и на другие программы нераспространения и выйти далеко за рамки попыток формализовать заменяющие формы доступа. Тем не менее законные интересы безопасности налагают ограничения на информацию об этой части программы, которую можно предавать гласности. В действительности достигнутый прогресс в значительной степени связан с тем, что российская и американская стороны сумели эффективно обмениваться чувствительной информацией и в то же время сохранять ее секретность.

История и современное состояние ФЗУК ЯМ для ВМФ

В России хранится 80–85 т обогащенного урана для атомных реакторов на подводных лодках¹⁵. Сама степень обогащения урана создает риск распространения, а экономические и политические неурядицы создают беспрецедентные проблемы для хранения расщепляемых материалов на территории бывшего Советского Союза. В постсоветский период ВМФ России сталкивается с серьезными трудностями, касающимися обеспечения удовлетворительного хранения и физической защиты реакторного топлива¹⁶.

Часто роль единственных систем безопасности выполняют лишь заваливающиеся заборы и простые висячие замки¹⁷.

И все-таки после менее чем пяти лет работы достигнуты значительные успехи в реализации программы ФЗУК ЯМ министерства энергетики США в отношении объектов хранения ядерного топлива для ВМФ России в плане снижения риска хищения или вывоза обогащенного урана на всех наиболее важных объектах¹⁸. По данным министерства энергетики США все топливо для Северного и Тихоокеанского флотов сосредоточено в оборудованных по-современному бункерах, которые были расширены и укреплены при содействии США¹⁹. Кроме того, США помогли в разработке мер модернизации физической защиты вспомогательных судов, которые задействованы в заправке топливом²⁰. Первое усиление системы безопасности объектов хранения ядерного топлива на «Севмаше» в Северодвинске, где строят подводные лодки, будет завершено осенью 2001 г. В начале 2001 г. началась работа по модернизации системы безопасности еще на одном объекте этого же завода²¹.

Линия производства обогащенного урана для нужд ВМФ на машиностроительном заводе в Электростали остается за пределами российско-американского сотрудничества, хотя определенная работа все же была проведена на линии производства необогащенного урана на этом заводе²². Из Электростали топливо перевозится по железной дороге к объектам хранения ВМФ, где оно находится до тех пор, пока не понадобится. Перевозка между местом хранения и местом заправки производится на грузовых автомобилях. Концентрация топлива в одном месте делает проблему безопасности перевозок особенно острой, поэтому для усиления безопасности перевозок ядерного топлива автомобильным транспортом были предоставлены бронированные автомобили²³. С другой стороны, безопасность железнодорожных перевозок рассматривается как часть отдельного проекта безопасности перевозок, реализуемого Минатомом²⁴.

Основы модернизации в рамках ФЗУК ЯМ для ВМФ России были заложены в марте 1995 г. благодаря предложению Главнокомандующего ВМФ России Феликса Громова московскому Институту им. Курчатова принять участие в сотрудничестве по вопросам модернизации хранения и обращения с ядерным топливом для ВМФ России в рамках ФЗУК ЯМ²⁵. За

месяц до этого Главнокомандующий принял участие в презентации ФЗУК ЯМ и обсуждении ее технических аспектов в Институте им. Курчатова. В последующие месяцы, после письма Феликса Громова в Институт им. Курчатова с просьбой содействовать сотрудничеству между ВМФ, Институтом им. Курчатова и, возможно, США, изучалось сотрудничество с США в рамках программы «Межлабораторного сотрудничества». Институт им. Курчатова, который оказывает широкий спектр услуг ВМФ России²⁶, стал играть ключевую роль в развивающемся сотрудничестве между США и Россией. Это выразилось, в частности, в модернизации систем безопасности в здании 116 этого института в конце 1994 г.²⁷ Институт им. Курчатова работает независимо от Минатома и готов к сотрудничеству и подписанию контрактов с другими сторонами.

С июля 1993 г. на Северном флоте было пять попыток хищения ядерного топлива (см. таблицу 2). Во всех этих случаях были задействованы так называемые «инсайдеры» – лица, которые обладали прямым или косвенным доступом к ядерным материалам и соответствующими знаниями. Сотрудничество с министерством энергетики США через Институт им. Курчатова являлось способом решения проблем с хищениями на российском ВМФ. В сентябре 1995 г. в Институте им. Курчатова состоялись первые дискуссии по проблемам ФЗУК ЯМ между техническими специалистами из США и представителями ВМФ России. К концу того же года были сделаны все согласования, необходимые для начала сотрудничества²⁸, и в 1996 г. получены конкретные результаты²⁹.

В феврале 1996 г. при участии Института им. Курчатова был организован курс лекций по вопросам подходов США к оценке уязвимости, который сопровождался демонстрацией компьютерной программы «ASSESS», предназначенной для ВМФ России. В марте того же года представители ВМФ России посетили США, а в мае в Москве состоялась встреча представителей министерства энергетики США и лабораторий США с представителями Института им. Курчатова и ВМФ России. Был подписан протокол по вопросам объема работ и подхода к выполнению программы ФЗУК ЯМ. Руководитель программы от США и российские представители настаивали на том, чтобы все проекты осуществлялись одной небольшой группой опытных специалистов. Со стороны США была организована группа

из четырех высококвалифицированных представителей четырех национальных лабораторий США, которые должны работать непосредственно с ВМФ России. После визита адмирала Громова в США в апреле 1994 г.³⁰ американские эксперты были приглашены в мае на Объект 49 под Мурманском, где хранится топливо для реакторов. В сотрудничестве с Институтом им. Курчатова группа экспертов подготовила проект модернизации системы безопасности на этом объекте, профинансировала строительство и предоставление необходимых новых технологий.

Параллельно с этим группа американских специалистов работала в Мурманской судоходной компании над обеспечением безопасности топлива для атомных ледоколов. Модернизация систем безопасности проводилась на вспомогательном судне *Имандра*, пришвартованном в гавани Атомфлота севернее Мурманска, также укреплялась система безопасности по периметру порта и был усилен контроль над доступом на территорию. Американская сторона организовала «военно-морской сектор» как единую комплексную программу. Необходимо было действовать быстро и эффективно, поскольку руководство ВМФ России внимательно следило за реализацией программы. Работы в Мурманской судоходной компании начались с визита на место в июне 1996 г., после чего в сентябре того же года была впервые проведена совместная российско-американская оценка уязвимости. К концу 1996 г. американская и российская группы имели готовый концептуальный проект модернизации систем безопасности.

В июле 1996 г. было опубликовано совместное заявление ВМФ России, Института им. Курчатова и министерства энергетики США о решении «сотрудничать в целях обеспечения максимально высоких стандартов контроля, учета и физической защиты всех объектов хранения обогащенного урана для ядерных реакторов ВМФ Российской Федерации»³¹. Это заявление закрепило основы сотрудничества и положения протокола встречи, состоявшейся в Москве в мае того же года.

Комплексное соглашение с ВМФ России о реализации программы ФЗУК ЯМ на всех объектах ВМФ России было заключено посредством протокола встречи на высоком уровне между Главнокомандующим ВМФ России Владимиром Куроедовым и министром энергетики США Федерико Пена в декабре

Место	Дата	Хищение	Степень обогащения	Преступники	Примечание
Залив Андреева	Июль 1993 г.	Два топливных элемента (каждый элемент весил 4,5 кг)	36%	Два матроса из департамента радиационной защиты ВМФ	Было предъявлено обвинение еще двум офицерам, но обвинение было снято из-за недостаточности доказательств
Складские хранилища Севморпути, Мурманск	Ноябрь 1993 г.	Три топливных элемента с 4,3 кг ВОУ	Около 20%	Три офицера	Материал был возвращен. Преступники осуждены
Судостроительный завод «Севмаш», Северодвинск	Июль 1994 г.	3,5 кг двуокиси урана	20-40%	Четыре предпринимателя из региона вместе с рабочими с верфи	Судебный процесс не закончен
Судостроительный завод «Севмаш», Северодвинск	Октябрь 1994 г.	Топливные элементы	Высокообогащенные	Сведения отсутствуют	Произведены аресты в Архангельске, обвинение не предъявлено
Судостроительный завод «Звездочка», Северодвинск	Июль 1994 г.	Топливные элементы	Сведения отсутствуют	Контрактники с Северного флота	Обвиняемые были арестованы до того, как уран был вынесен за пределы верфи. Ведется расследование
Судостроительный завод «Звездочка», Северодвинск	Январь 1996 г.	Топливные элементы	Сведения отсутствуют	Контрактники с Северного флота	Уран вынесен с территории верфи. Аресты в Северодвинске. Ведется расследование

1997 г. По этому случаю российская сторона вновь подчеркнула значение организации сплоченной группы высококвалифицированных специалистов, что не оставляло США выбора, кроме как сохранить прежнюю группу. Командование ВМФ России подчеркнуло, что наиболее опасная ситуация складывается на Северном флоте³³. Через два года министерство энергетики США разработало ряд аналогичных проектов, хотя и в более ограниченных масштабах, для Тихоокеанского флота, при участии той же группы специалистов из США.

В январе 1999 г. сотрудничество с ВМФ России в рамках программы ФЗУК ЯМ было расширено благодаря новым и более масштабным инициативам³⁴. В число их входили: дальнейшая модернизация объектов хранения ядерного топлива, ТЭО утилизации устаревших субмарин и обеспечение физической защиты облученного топлива, которое также представляет собой риск распространения. Программа была расширена за счет охвата учебных объектов ВМФ России в Обнинске. Что более важно, сотрудничество в рамках ФЗУК ЯМ стало распространяться на модернизацию систем безопасности ядерных вооружений ВМФ России³⁵.

После этого 31 августа 2000 г. было подписано «зонтичное» соглашение между министерством энергетики США и Минобороны России, которое закрепило основы сотрудничества и поставило задачи совместных работ в области безопасности ядерных материалов. В соответствии с ним ВМФ России был официально назначен стороной в рамках этого сотрудничества³⁶.

Другие министерства и ведомства США пока далеки от достижения такого же уровня сотрудничества с Минобороны России. Работая с ВМФ России через Минобороны России, министерство энергетики США пока получило доступ лишь к одной из установок с ядерным оружием ВМФ России. Поэтому успех программы министерства обороны США «Физическая защита, контроль и учет оружия», предназначенной для 12-го Главного управления Минобороны России, был довольно ограниченным³⁷. Министерство обороны США почти не продвинулось дальше испытаний оборудования, которое должно быть установлено в рамках ФЗУК ЯМ³⁸. Соглашение на высоком уровне по вопросам модернизации систем безопасности ядерного оружия между министерством энергетики США и Минобороны России было весьма серьезным прорывом в плане усиления

безопасности ядерных вооружений ВМФ России.

Министерство энергетики США израсходовало в общей сложности 85,6 млн долл., или 15%, общих затрат министерства на обеспечение безопасности ядерных материалов в России за 2001-й финансовый год, на укрепление систем безопасности объектов хранения топлива и вооружений³⁹. В таблице 3 приведен обзор завершенных и текущих проектов министерства энергетики США по модернизации систем безопасности в ВМФ.

Основы успеха ФЗУК ЯМ для ВМФ

Далее более подробно будут рассмотрены основы успеха российско-американской программы модернизации систем безопасности ВМФ России, главным образом на основе интервью с ведущими американскими специалистами. Оценка подразделена на пять основных частей, которые должны сыграть важную роль в успешной реализации программы⁴⁰: 1) стратегические цели программы, 2) организационная структура и методы работы, 3) соблюдение внутреннего законодательства, требований к лицензированию и сертификации, 4) степень участия и поддержки со стороны высшего военного руководства и, наконец, 5) пути решения проблем устойчивого развития.

Стратегическая цель программы

С самого начала российская и американская стороны имели общие интересы и цели в отношении модернизации систем безопасности ядерного топлива. Несколько случаев хищений обогащенного урана с объектов ВМФ побудили командование ВМФ пойти на контакты с США, которые стремились ограничить возможное попадание подобных материалов в чужие руки. Была проведена модернизация систем безопасности на Атомфлоте и на *Имандре* – вспомогательном судне Мурманской судоходной компании (МСК), на которой перевозилось ядерное топливо для атомных ледоколов. Работа с МСК продемонстрировала заинтересованность США и готовность брать на себя обязательства. Командование ВМФ оценило это, и впервые министерство энергетики США получило возможность работать непосредственно с Минобороны России.

В начале сотрудничества с ВМФ России был избран поэтапный подход, т.е. только по завершении работ на одном объекте

переходили к следующему, по выбору ВМФ России. Таким образом, каждый последующий проект зависел от успеха предыдущего, и за ходом реализации следили очень внимательно. По словам одного из участников проекта, со стороны США «не было никакого допуска на неудачу». После того как сотрудничество набрало темпы, проводилась ускоренная модернизация (как правило, в течение шести месяцев), а параллельно готовились предварительные проекты по комплексной модернизации систем безопасности на том же объекте. Затем согласовывался проект комплексной модернизации, который реализовывали в соответствии с согласованными планами⁴¹. По мере осуществления модернизации становилось все яснее, насколько другая сторона готова выполнить работу.

Организационная структура и методы работ

Первоначальная организационная структура, избранная для проведения модернизации, была прагматичной и эффективной. Все заинтересованные стороны свободно общались друг с другом. Специалисты из группы США могли лично обратиться к старшим офицерам ВМФ, которым было поручено осуществлять проект с российской стороны, что позволяло быстро решать возникающие проблемы.

Таким образом, программа ФЗУК ЯМ для ВМФ была плодом духа командной работы и одним из четырех важнейших направлений сотрудничества между Россией и США⁴². Новый подход к реализации ФЗУК ЯМ означал готовность использовать российское оборудование и российских подрядчиков⁴³. Программа также предполагала более гибкий подход, направленный на действительное внедрение мер безопасности. Вместо того чтобы настаивать на строгом инспекционном режиме, был избран подход в более конструктивном духе, создающий меньше поводов для конфликтов. Эксперты по ФЗУК ЯМ от России и США садились за один стол и совместно оценивали ситуацию до и после модернизации. То, что американская команда могла потерять в плане понимания в ходе формальных инспекций, она могла наверстать благодаря неформальному общению с российской стороной.

Сотрудничество между министерством энергетики США и ВМФ России осуществляется в рамках соглашений о конфиденциальности. Любая информация, не опубликованная ранее, может быть

Обзор завершенных и ведущихся работ, финансируемых США, по проведению усовершенствований в рамках программы ФЗУК ЯМ на Российском флоте

Объект	Местоположение	Тип объекта	Работы по ФЗУК ЯМ	Сроки	Комментарии
Объект 49	Североморск	Центральное топливное хранилище Северного флота	Строительство пристройки к хранилищу, модернизация системы физической защиты, компьютеризованная система учета ядерных материалов ⁴⁴	Начались в мае 1996 г., завершены в сентябре 1999 г. ⁴⁵	Есть сведения о том, что даже увеличенные складские мощности теперь заполнены до своей максимальной вместимости
2-й объект ВМФ Хранилище Северного флота		Крупный объект, приспособленный для хранения свежего ядерного топлива			Проект был запланирован до принятия решения об укрупнении и расширении Объекта 49. Поэтому работы на этом объекте не проводились
Объект 34	Около Владивостока	Наземное хранилище свежего ядерного топлива на судоремонтном заводе в Чажме	Неудачное по своей структуре здание было заменено новым хранилищем, в котором имеются те же усовершенствования системы безопасности, что и на Объекте 49, с укрепленным КПП для контроля доступа	Начались весной 1999 г., завершены в сентябре 2000 г. ⁴⁶	На Объекте 32 (тог же регион) хранится облученное и поврежденное морское топливо
Объект 32	Около Владивостока, расположен рядом с Объектом 34 и Объектом 86	Хранилище для облученного и поврежденного морского топлива	Интегрированная система ФЗУК ЯМ, включающая обнаружение, системы связи, задержки, реагирования, контроля и учета ядерных материалов		
ПМ-63	На морской базе в Беломорске при «Севмаше» в Северодвинске	Корабельные хранилища имеют вместимость, достаточную для большого количества свежих и обработанных тепловыделяющих сборок и жидких радиоактивных отходов	Установлены корабельные и наземные (там, где судно может стоять в доке) системы ФЗУК ЯМ	Начались в августе 1998 г., завершены в мае 2000 г. ⁴⁷	Суда также называют «плавающими платформами». Усовершенствования должны быть установлены на первом вспомогательном судне
ПМ-12	На военно-морской базе в Оленьей бухте и на судовой верфи в Нерпе к северу от Мурманска	Вспомогательное судно	Установлены корабельные и наземные (там, где судно может стоять в доке) системы ФЗУК ЯМ	Начались в августе 1998 г., завершены в сентябре 2000 г.	ПМ-74 и ПМ-12 являются однотипными судами
ПМ-74	Около Владивостока	Вспомогательное судно при судоремонтном предприятии в Чажме. Доставляет ядерное топливо на верфь Горняк для заправки подводных лодок ⁴⁸	Установлены корабельные и наземные (там, где судно может стоять в доке) системы ФЗУК ЯМ	Работы завершены в сентябре 2000 г.	ПМ-74 и ПМ-12 являются однотипными судами

Объект	Местоположение	Тип объекта	Работы по ФЗУК ЯМ	Сроки	Комментарии
Судостроительный завод «Севмаш»	Северодвинск	Первое хранилище свежего ядерного топлива. Новые и существующие усовершенствования ФЗУК ЯМ объединяются в целях обнаружения, задержки, реагирования и для ведения учета и контроля ядерных материалов		Начались в конце 1998 г. Первый этап завершен. Вторым этапом начнется в начале 2001 г. и должен быть завершен в мае 2002 г.	Судостроительный завод по производству подводных лодок, например нового класса <i>Борей</i> . Вторым этапом включает усовершенствования на одном из объектов по сборке подводных лодок, в здании 438
Мурманская судохолдная компания	Атомфлот, в 20 км к северу от Мурманска	Плавучее вспомогательное судно <i>Имандра</i> , вмещающее партии свежего ядерного топлива для ледокольного флота, и усовершенствования системы безопасности в порту (ворота, контроль доступа)	Физическая защита на судне, включая физические барьеры. Усовершенствования в системе безопасности порта (новые КПП с системой доступа для транспорта и пешеходов)	Начались в июле 1996 г., завершены в сентябре 1999 г. ⁴⁹	Кроме того, Норвегией и Швецией были обеспечены усовершенствования физической защиты для одного из действующих ледоколов
Объект 86	Российский Дальневосточный флот ⁵⁰	Объект для облученного топлива		Должны быть завершены в сентябре 2001 г.	Объект примыкает к Объекту 32 как часть объединенного комплекса для повторного/отработанного топлива. Усовершенствования системы безопасности будут совместимы с усовершенствованиями ФЗУК ЯМ на Объекте 32 и Объекте 34
Ядерные оружейные объекты Российского ВМФ ⁵¹	42 объекта на северо-западе России и на Дальнем Востоке. Местоположение неизвестно	Хранилища для ядерного оружия Российского ВМФ. Склады расположены на действующих морских базах	В принципе, те же типы усовершенствований и подходы, что и для свежего ядерного топлива		Объект содержит около 260 метрических тонн ядерных материалов. Количество ядерных боеголовок неизвестно
Кольский технический центр	Кольский полуостров			Еще на этапе планирования	Для поддержки проведения усовершенствований ФЗУК ЯМ в регионе
Сергиев Посад		Научно-исследовательское предприятие МО России, в котором имеются реакторы, работающие на ВОО	Усовершенствования включают аппаратуру для обнаружения, задержки, учета и контроля материалов	Завершение запланировано на август 2001 г.	

разглашена только с согласия всех заинтересованных сторон. На практике это не позволяло проводить внешнюю оценку или наблюдение, но зато помогало значительно увеличить поток информации в рамках группы.

Модернизация систем безопасности ВМФ основывается на официальных документах на всех уровнях и этапах работы. Все, начиная с планов работ и кончая протоколами и соглашениями, подлежит утверждению всеми заинтересованными сторонами. Это позволяет официально делегировать обязанности и создает транспарентную рабочую обстановку. Впрочем, некоторые из зонтичных соглашений заключались уже после того, как начиналась работа, в целях ее расширения или принятия мер исправления⁵².

Российская сторона самостоятельно выбирает объекты для проведения модернизации. Однако в ходе выбора подходящих технических решений обе стороны работают совместно. При помощи компьютерной программы «ASSESS» проводится оценка уязвимости, сопровождающаяся обсуждением вводимых данных. Очень важно прийти к консенсусу, прежде чем переходить к модернизации. Например, в одном случае на объекте была недостаточная охрана. Пока российская сторона не увеличила ее численность, никаких дальнейших усилий и денежных расходов не производилось. Более того, этот опыт заставил российскую сторону осознать необходимость свезти все топливо на один объект или на ограниченное число объектов, поскольку модернизация не проводилась до тех пор, пока не улучшалась ситуация с охраной.

Институт им. Курчатова в Москве выступает в качестве генерального подрядчика и агента ВМФ России, поскольку самому ВМФ не разрешено подписывать договоры с американскими лабораториями напрямую. Институт не только является генподрядчиком, но и сам выполняет некоторые работы, например, проводит оценку уязвимости и разрабатывает предварительные проекты, а также учебные программы. Для этого институт может привлекать и субподрядчиков. Институт также является материнской компанией Атомсервиса, которая занимается любыми строительными работами. Среди субподрядчиков института – «Элерон» и «Эскорт Центр». Американская группа может обращаться и непосредственно к последним, если для института нет задачи.

США оплачивают работу только по ее завершении, причем не оплачиваются накладные расходы. Завершенная модернизация сертифицируется в письменной форме ВМФ России и подлежит инспектированию представителями США. Вся выполненная работа должна быть задокументирована, а результаты продемонстрированы до оплаты. Переговоры по каждому договору ведутся отдельно. Сегодня американские лаборатории подписывают договоры непосредственно со своими российскими контрагентами после того, как они одобрены министерством энергетики США. Впрочем, США предпринимают попытки централизовать этот процесс, чтобы внимательнее отслеживать переговоры, упорядочить и ускорить заключение договоров.

Соблюдение законодательства

Системы безопасности проектируются в соответствии с оценками уязвимости и техническими требованиями, согласованными американской и российской сторонами. После этого российские подрядчики создают систему, исходя из согласованного проекта. Системы обычно состоят из широкого круга компонентов, включая иностранное оборудование, закупленное в России. Однако, поскольку эти компоненты проходят предварительную аттестацию, окончательный проект и созданная система считаются российскими. Это позволяет разрешить порой непростые проблемы, связанные с аттестацией, налогообложением и техническим обслуживанием.

Параллельно с модернизацией был начат проект по оценке существующего законодательства в области ядерных материалов и определению того, какие нормативные документы следует принять⁵³. Хотя США и признает значение российских нормативных документов, те меры, которые не считаются необходимыми после проведенной оценки уязвимости, не будут включены и не будут оплачиваться, даже если это требуется в соответствии с российскими законами. Однако российская сторона может включить такие меры самостоятельно. Один пример – это дозиметры, которые требуются российским законодательством. Такие приборы не относятся непосредственно к улучшению безопасности и поэтому обычно не включаются в оплачиваемые США расходы по модернизации.

Участие и поддержка на высоком уровне

Важную роль в сотрудничестве играет Инспекция ВМФ по ядерной и радиационной безопасности, возглавляемая адмиралом

Юрасовым. Адмирал Юрасов пользуется уважением в ВМФ, и его заинтересованность в проведении модернизации во многом содействовала успеху программы. Активно поддерживает программу и Главнокомандующий адмирал Куроедов, что облегчает взаимодействие с центральной администрацией и помогает преодолеть сопротивление противников сотрудничества в военной среде. Более того, это создало важную платформу для взаимодействия с другими заинтересованными российскими сторонами, такими, как МВД, которое отвечает за охрану объектов Минэкономики, и ФСБ⁵⁴.

Тот факт, что командование ВМФ уже на раннем этапе признало наличие проблемы (внутренней) безопасности и проявило искреннюю заинтересованность в ее решении, сыграло очень важную роль в обеспечении поддержки со стороны ВМФ. В отличие от ВМФ Минатом, например, в прошлом уделял меньше внимания угрозам изнутри и имел тенденцию рассматривать недостатки в плане ФЗУК ЯМ как главным образом экономическую проблему. В результате заинтересованность в привлечении международного опыта и сотрудничества может оказать подчиненной стремлению получить средства для модернизации ФЗУК ЯМ. Культурные и организационные отличия между этими двумя организациями, вероятно, также повлияли на различие в подходах к сотрудничеству. Военная субординация, по-видимому, облегчала доведение указаний Москвы до объектов, на которых должна была проводиться модернизация, ограничивая возможность неподчинения со стороны местного руководства.

Программа ФЗУК ЯМ для ВМФ пользовалась такой же поддержкой на высоком уровне в министерстве энергетики США, хотя это не всегда было равнозначно *заинтересованности* высшего руководства. В самом начале не очень масштабная программа для ВМФ России не считалась такой уж важной, и ее более или менее «оставили в покое». Как ни парадоксально, это могло сыграть существенную роль на первоначальных этапах ее реализации, поскольку дало американской стороне возможность создать ту прочную основу, которой желала российская сторона. Группа американских специалистов не была затронута кадровыми перестановками, и вскоре стороны выработали внутренние правила четко определенного процесса и сотрудничества. Все участники хорошо познакомились друг с другом и наладили работающую структуру. Это выгодно

отличалось от других примеров сотрудничества министерства энергетики США с Минатомом, когда в целях более эффективного управления программой США имели тенденцию довольно часто менять персонал и административные процедуры, что, скорее всего, неблагоприятно влияло на долгосрочное сотрудничество.

На ранних этапах сотрудничества в рамках ФЗУК ЯМ для ВМФ уделялось мало или вообще не уделялось внимания роли ВМС США. Первоначально была надежда, что ВМС США инициируют на военно-морских базах США обмен визитами и совместные мероприятия с российской стороной. Однако это оказалось неприемлемым для ВМС США, так что были опасения, что сотрудничество может не состояться, если российская сторона попросит об организации таких визитов. Однако российская сторона никогда не настаивала на взаимности. Для уменьшения риска расклевывания информации по ядерным вооружениям командование ВМС США настаивало на том, чтобы к сотрудничеству с ВМФ Россией привлекались только те специалисты, которые имели ограниченные знания военно-морских секретов США. И действительно, подобранная группа специалистов из национальных лабораторий США мало что знала о таких секретах, так что после периода некоторого скептицизма командование ВМС США все же поддержало программу. Это одобрение со стороны руководства ВМС США имело большое значение для получения внутренней политической и административной поддержки программ модернизации ФЗУК ЯМ для ВМФ России. По ходу реализации программы командование ВМС США получало регулярную информацию о ходе работ.

В то время как министерство энергетики США решало общие вопросы проекта и осуществляло надзор за его реализацией, у группы специалистов, работавших над модернизацией систем безопасности в ВМФ, была относительная свобода действий в решении технических вопросов с российской стороной. Однако по мере продвижения и успехов ФЗУК ЯМ рос интерес и необходимость в надзоре и контроле с обеих сторон. Последние мероприятия, а именно модернизация ФЗУК ЯМ на объектах с ядерными вооружениями ВМФ, потребовали более внимательного отношения к управлению проектом и привлечения должностных лиц на федеральном уровне. В результате процедура усложнилась и стала

требовать больше времени, что замедляло процесс реализации и переговоров, создавая риск определенного разочарования участников. Более того, это ограничивало технических участников проекта с обеих сторон в их взаимодействии и оперативном решении возникающих проблем.

Устойчивое развитие

Составной частью программы является обучение кадров ВМФ России, призванное обеспечить долгосрочную эксплуатацию и техническое обслуживание систем ФЗУК ЯМ⁵⁵. Были разработаны два двухнедельных курса обучения при Институте им. Курчатова, первый из которых был проведен осенью 1998 г. и весной 1999 г. Курс основ ФЗУК ЯМ состоял из лекций и практических занятий на местах. Целью второго курса было подготовить офицерские кадры к самостоятельной работе в области ФЗУК ЯМ на объектах ВМФ.

Как и в случае любой другой модернизации систем безопасности, существует необходимость в подтверждении их долгосрочной работоспособности. В рамках ФЗУК ЯМ для ВМФ была инициирована отдельная программа обращения с системами в течение срока их эксплуатации. С Институтом им. Курчатова был заключен специальный договор на эти работы. Программа предусматривает структурный подход к обеспечению работы и целостности всех компонентов (включая охрану) модернизированной системы с регулярным (ежегодным) тестированием. Программа позволяет убедиться в том, что все работает должным образом, и позволяет определить особые потребности, например, в дополнительном обучении, техническом обслуживании или запчастях, а также выявить проблемы, связанные с программным или аппаратным обеспечением. Такая программа позволяет снижать долгосрочные риски и обеспечивать устойчивость работы системы.

Более того, организация последующих мероприятий укрепляет доверие к совместному сотрудничеству. Как правило, США полностью берут на себя финансирование программы дополнительной оценки на каждом из объектов модернизации в течение трех лет. После этого российская сторона должна сама покрывать соответствующие расходы.

Задачи на будущее

С учетом успешной реализации программы ФЗУК ЯМ для ВМФ и остающихся задач в

области модернизации систем безопасности расщепляемых материалов ключевым понятием для будущих действия является *расширение*, которое подразумевает увеличение масштабов сотрудничества в рамках ФЗУК ЯМ для ВМФ и сотрудничества в области ФЗУК ЯМ между Россией и США в целом.

Увеличение масштабов сотрудничества в рамках ФЗУК ЯМ для ВМФ

Несмотря на бесспорные успехи ФЗУК ЯМ для ВМФ, остаются как «незавершенные работы», так и возможности для дальнейшего расширения сотрудничества с ВМФ России. Поскольку объекты ВМФ не подлежат независимому надзору и лицензированию, трудно оценить и обеспечивать в долгосрочной перспективе качество и надежность проведенных мероприятий. Программа обращения с внедренными системами в течение всего срока эксплуатации – это, безусловно, шаг в правильном направлении, но в то же время может возникнуть опасность того, что чересчур прагматический подход США пренебрегает российским законодательством, требованиями надзора и лицензирования, тем самым, возможно, подрывая долгосрочные цели всех сторон в плане безопасности.

Вероятно, ни одна из установленных систем безопасности не отвечает стандартам США в области ФЗУК ЯМ вследствие того, что надо было обеспечить быстрое выполнение работ и уложиться в бюджет. Установленные системы учета топлива были разработаны без доступа к секретной информации ВМФ России, что вызывает сомнения в их работе⁵⁶. Кроме того, необходимость адекватной охраны – это новый и недостаточно понятый элемент ФЗУК ЯМ, требующий большего внимания. Поэтому весьма желательно провести независимую оценку общей надежности установленных систем.

Облученное ядерное топливо может содержать как плутоний, так и обогащенный уран, представляя собой риск распространения. В особенности топливо с малым периодом сгорания и большим периодом охлаждения – это потенциальный источник распространения, как для государств, так и для террористических групп⁵⁷. В настоящее время из-за ограниченности мандата американской программы ФЗУК ЯМ никакой модернизации систем безопасности такого рода материалов не предусматривается. Облученное ядерное топливо ВМФ России остается высокообогащенным⁵⁸ и, с учетом длительности его остывания, продолжает

являться угрозой с точки зрения распространения⁵⁹. Эта угроза со временем только возрастет.

Более того, хотя утверждается, что все ядерное топливо Северного флота свезено на один защищенный объект, не было независимых исследований, которые подтвердили бы это. В 1996 г. не было известно число объектов хранения⁶⁰, а по рассказам очевидцев, на Кольском полуострове были места захоронения топлива, созданные как резерв на случай кризиса. По некоторым сведениям, новый расширенный Объект 49, на котором хранится неотработанное топливо, уже полон. Таким образом, существуют опасения, что ВМФ России не включил в программу все объекты, которые требуют модернизации. Группы специалистов из США не посещали такие старые склады, где топливо хранилось до того, как оно было свезено на один объект, а значит, не могли убедиться в том, что никакого топлива там не осталось. В этом случае опять-таки требуется независимая оценка для повышения доверия к системе и уверенности в ее адекватном охвате. Для ВМФ России такая независимая оценка также представляет интерес, поскольку она призвана усилить безопасность, а возможно, и повысить вероятность увеличения финансирования программы со стороны США.

Важным достижением является включение в программу ФЗУК ЯМ для ВМФ объектов с ядерным оружием. Командование ВМФ России отметило, что желало бы установить на других объектах с ядерным оружием модернизированную систему безопасности. Но по состоянию на январь 2001 г. ВМФ России не указал такие дополнительные объекты⁶¹. Это необходимо сделать как можно скорее для обеспечения финансирования и долгосрочного планирования.

Наконец, установленные тесные рабочие отношения и централизация хранения топлива создают хорошую основу для учета обогащенного урана в России в целом. Таким образом, ФЗУК ЯМ для ВМФ может послужить отправной точкой для увеличения прозрачности и, возможно, будущих мер неинтрузивной верификации в отношении всех этапов обращения с ядерным топливом⁶².

Распространение подходов, выработанных в ходе сотрудничества по ФЗУК ЯМ для ВМФ Россия и США прошли большой путь сотрудничества в области ядерной безопасности. И все же, как отмечалось во

введении, основная, а возможно, и наиболее трудная часть модернизации ФЗУК ЯМ, лежит в других областях совместной физической защиты материалов, пригодных для использования в производстве оружия, в России. Поэтому уже звучали призывы к оживлению сотрудничества между США и Россией по вопросам нераспространения⁶³. В этой связи представляется особенно важным провести обзор программ сотрудничества для того, чтобы оценить их сильные и слабые стороны, успехи и неудачи. Необходимо сосредоточить внимание на извлеченных уроках и на том, как использовать эти знания для решения текущих и будущих проблем⁶⁴.

Прагматичный, согласованный и гибкий поэтапный подход к модернизации ФЗУК ЯМ в ВМФ является эффективным путем решения проблем доступа и достижения результатов на секретных объектах. Поэтому ФЗУК ЯМ для ВМФ может послужить отправной точкой для выработки плодотворных рабочих подходов на других секретных объектах российского комплекса по производству ядерного оружия. Между тем до сих пор такие подходы не изучались, кроме как частично или эпизодически, поскольку постоянное обсуждение стандартов реализации политики не налажено⁶⁵.

В идеале через совместный российско-американский технический комитет, который наблюдал бы за ходом реализации программы ФЗУК ЯМ, можно было бы распространить опыт реализации программы ФЗУК ЯМ для ВМФ среди других специалистов, вовлеченных в программу, путем организации семинаров. К участию в этих семинарах можно было бы пригласить политических деятелей и чиновников. Это не только помогло бы определить наилучшую практику и разницу в подходах к безопасности, но и создать основы для поддержки со стороны более широкого круга лиц, например представителей европейских стран, которые также кровно заинтересованы в укреплении программ ФЗУК ЯМ. Накопленный опыт можно использовать при обсуждении вопросов доступа и в переговорах между российской и американской сторонами по поводу критериев доступа.

На раннем этапе сотрудничества между США и Россией в рамках ФЗУК ЯМ существовала координационная группа, которая занималась общим планированием и разработкой совместного плана мероприятий в рамках ФЗУК ЯМ (включая «заверения»). Группа

была распущена осенью 1995 г., в том числе в связи с внутренними разногласиями с российской стороны относительно того, кто должен возглавить группу. Одним из вариантов могло бы быть возобновление работы этой группы, при условии, что ее состав отвечал бы критериям всех заинтересованных сторон. Можно рассмотреть и двойной подход, при котором существовала бы координационная группа, занимающаяся вопросами политики и координации мероприятий, и группа технической координации, определяющая и оптимизирующая технические подходы, которые оказались плодотворными и были сочтены достаточными и подходящими в ходе прошлого сотрудничества.

Заключение

Результаты модернизации в ВМФ показывают, что американские и российские специалисты, работающие совместно в духе взаимного уважения и партнерства, способны найти общий язык и, объединив свои идеи и усилия, могут существенно снизить риск ядерного распространения путем совершенствования систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов⁶⁶. Как свидетельствует опыт реализации программы ФЗУК ЯМ для ВМФ, гибкое и лишенное элементов соперничества сотрудничество может помочь избежать многих проблем, которые встречаются на пути других частей программы ФЗУК ЯМ, и поэтому способствует достижению целей надежной ядерной безопасности, к которым стремятся все стороны.

В последние годы административно-бюрократические факторы препятствовали эффективной реализации политики нераспространения в России⁶⁷. Устойчивое развитие обычно считается «русским вопросом», поскольку в России долгосрочная ядерная безопасность зависит от способности программ сотрудничества преодолеть различные организационные, структурные, технологические и культурные препятствия⁶⁸. Поэтому представляется необходимым «устойчиво развивать» политику и подходы к ФЗУК ЯМ. Если сотрудничество срывается по той или иной причине, его трудно наладить вновь, так что выгоды продолжения рабочих отношений между Россией и США очевидны.

По мере распространения модернизации систем безопасности на ядерные вооружения ВМФ и растущей заинтересованности федеральных властей США и России в проекте

могут потребоваться дальнейшие изменения «правил игры» с обеих сторон, с тем чтобы более внимательно следить за событиями. В таком случае следует избегать создания дополнительных (процедурных) препятствий. Будущее модернизации систем безопасности на флоте и программы ФЗУК ЯМ в целом зависит от того, насколько сбалансированными будут компромиссный и строгий подходы к надзору и контролю. ■

¹ Автор хотел бы поблагодарить Кристину Чуен из Центра исследований по вопросам нераспространения Монтерейского института международных исследований и Дугласа Брюейкера из Института им. Фриггофа Нансена за полезные замечания, высказанные ими в ходе работы автора над этой статьей.

² Задача американской программы ФЗУК ЯМ заключается в уменьшении угрозы ядерного распространения и ядерного терроризма путем быстрого укрепления безопасности всех ядерных материалов в России, СНГ и странах Прибалтики, которые не являются компонентами ядерного оружия, но могут использоваться в целях изготовления оружия – см. Принципы программы ФЗУК ЯМ, www.nap.edu/html/nwm_russia/appendices.html#e.

³ Bukharin Oleg, Bunn Matthew, and Luongo Ken N. *Renewing the Partnership. Recommendations for Accelerated Action to Secure Nuclear Material in the Former Soviet Union*. Princeton University: Russian American Nuclear Security Advisory Council, 2000.

⁴ Sukhoruchkin Vladimir et al. *United States – Russian Laboratory-to-Laboratory Cooperation on Protection, Control, and Accounting for Naval Nuclear Materials. Proceedings of the 37th Annual Meeting of the Institute of Nuclear Material Management*, 1996.

⁵ GAO 2001. P. 3.

⁶ Laura Holgate. «From Islands to Continents: Filling the Ocean in U.S.-Russian Cooperative Programs». Paper presented at the Eleventh Annual International Arms Control Conference, April 20-22, 2001, Albuquerque, New Mexico.

⁷ Идея заверений не нова. Она возникла в середине 1994 г. в рамках программы межлабораторного сотрудничества США и России.

⁸ Следует отметить, что вследствие переживаемых Россией экономических трудностей российский атомный флот находится в низком состоянии боевой готовности. И тем не менее для укрепления безопасности ВМФ России согласился участвовать в мероприятиях по повышению транспарентности.

⁹ United States General Accounting Office, *Nuclear Nonproliferation*. P. 32.

¹⁰ United States General Accounting Office, *Nuclear Nonproliferation: Security of Russia's Nuclear Material Improving; Further Enhancements Needed*, GAO-01-312, February 2001. P. 8.

¹¹ Согласно данным United States General Accounting Office, *Nuclear Nonproliferation*, p. 32, группа специалистов из США посетила семь объектов ВМФ с ядерным оружием по состоянию на февраль 2001 г. Между тем члены этой группы посещали и другие объекты весной 2001 г.

¹² Kuckuck Robert, Acting Principal Deputy Administrator for NNSA, in his Opening Plenary Address of the 42nd Annual Meeting of the Institute of Nuclear Material Management, Indian Wells, California, July 15-19, 2001.

¹³ Обзор этих программ содержится в: Hoehn William and Fieck Christopher. *U.S.-Former Soviet Union Cooperative Security Programs. Arms Control Today*. 2001. Vol. 31, No. 1, January/February. Обсуждение этих программ – см. Spector Leonard S. *Strategic Planning for U.S. Nonproliferation Activities in Russia*, in: Michael Baretta (ed.) *WMD Threats*

2001: Critical Choices for the Bush Administration, Monterey Nonproliferation Strategy Group, Center for Nonproliferation Studies, Monterey Institute of International Affairs, Occasional Paper No. 6. P. 38.

¹⁴ Spector Leonard S. Missing the Forest for the Threes: U.S. Non-Proliferation Programs for Russia. *Arms Control Today*. 2001. Vol. 31, No. 5, June. P. 6.

¹⁵ Hibbs Mark. Czech Find May Be Re-Enriched Repu[???] (так в оригинале. – *Ред.*) to Naval Fuel or Research Reactors. *NuclearFuel*. 1995. Vol. 20, No. 1. P. 12.

¹⁶ Tatko Jill and Robinson Tamara. Russia: Northern Fleet Overview: *cns.miis.edu/cns/projects/nisnp/naval/nucflt/norflt/norflotr.htm* (создан в апреле 1998 г. и обновлен в феврале 1999 г.).

¹⁷ Bukharin Oleg and Potter William. Potatoes Were Guarded Better. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1995, May-June. P. 50.

¹⁸ Russian American Nuclear Security Advisory Council, Renewing the Partnership: Recommendations for Accelerated Action to Secure Nuclear Material in the Former Soviet Union. *Ransac Report*. August 2000. P. 60.

¹⁹ В соответствии с этой программой российское ядерное топливо свезено на два объекта: один для Северного флота и один для Тихоокеанского флота: Объект 49 в Североморске и Объект 34 в Приморье.

²⁰ Moltz Clay J. and Robinson Tamara C. Dismantling Russia's Nuclear Subs: New Challenges to Non-Proliferation. *Arms Control Today*. 1999. Vol. 29, No. 4, June. www.armscontrol.org/ACT/jun99/subjun99.htm.

²¹ Tittmore Gary et al. Cooperative MPC&A Enhancements at Russian Navy Sites. *Proceedings of the Institute of Nuclear Material Management 42nd Annual Meeting*, 2001.

²² См. Smith H. et al. US-Russian Collaboration in MPC&A Enhancements at the Elektrostal Uranium Fuel-Fabrication Plant. LA-UR-97-2613: CONF-90744, Los Alamos National Laboratory, 1997. *Proceedings of the Institute of Nuclear Material Management 38th Annual Meeting*, 1997. www.osti.gov/servlets/purl/548848-5nufMA/webviewable/.

²³ Транспортная система должна была быть создана на Северном флоте в октябре 1998 г. и на Тихоокеанском флоте в феврале-марте 1999 г. Lambert David et al. Upgrades to the Russian Navy's Consolidated Storage Locations and Fuel Transfer Ships. *Proceedings of the Institute of Nuclear Material Management 39th Annual Meeting*, 1998.

²⁴ Sukhoruchkin Vladimir et al. United States – Russian Laboratory-to-Laboratory Cooperation on Protection, Control, and Accounting for Naval Nuclear Materials. *Proceedings of the 37th Annual Meeting of the Institute of Nuclear Material Management*, 1996.

²⁵ Shmelev Vladimir M. et al. Russian Navy Fresh Fuel Training. *Proceedings of the 39th Annual Meeting of the Institute of Nuclear Materials Management*, 1998.

²⁶ Ядерная программа ВМФ России начиналась с кафедры судовых реакторных двигателей Института им. Курчатова. Связи с этой кафедрой остаются, поскольку она занимается важнейшими расчетами, НИОКР реакторов и обучением экипажей физике реакторов.

²⁷ Здание 116, в котором хранится обогащенный уран, служило для испытаний и демонстрации модернизированных систем безопасности, созданных в рамках сотрудничества между США и Россией.

²⁸ Department of Energy Nuclear Material Security Task Force. United States/Former Soviet Union. Program of Cooperation on Nuclear Material Protection, Control and Accounting. December 1996. P. L-L-7.

²⁹ Sukhoruchkin Vladimir et al. United States – Russian Laboratory-to-Laboratory Cooperation on Protection, Control, and Accounting for Naval Nuclear Materials. *Proceedings of the 37th Annual Meeting of the Institute of Nuclear Material Management*, 1996.

³⁰ Главнокомандующий ВМФ России адмирал Феликс Николаевич Громов посетил Вашингтон, округ Колумбия,

4-8 апреля 1995 г., где встречался с министром обороны США Уильямом Перри, председателем объединенного комитета начальников штабов Джоном Шаликашвили, командующим морской пехотой генералом Карлом Мунди и другими старшими офицерами ВМС и министерства обороны США. www.chinfo.navy.mil/navpalib/news/navnews/nns95/nns95017.txt.

³¹ Shmelev Vladimir et al. Russian Navy Fresh Fuel MPC&A Training. *Proceedings of the 39th Annual Meeting of the Institute of Nuclear Materials Management*, 1998.

³² Из Lee R. Recent Trends in Nuclear Smuggling. In: P. Williams (ed.). *Russian Organized Crime: The New Threat?* London: Frank Cass, 1996. P. 118-119, with minor additions.

³³ Moltz Clay J. Russian Submarine Dismantlement. P. 80.

³⁴ Sheely Kenneth B. New Strategic Directions in the MPC&A Program. *Proceedings of the 40th Annual Meeting of the Institute of Nuclear Materials Management*, 1999. www.nn.doe.gov/mpca/text/t-broch/tksbpaper.htm.

³⁵ В принципе, при модернизации установок с ядерным оружием будут использоваться те же подходы и средства, что и в отношении объектов хранения топлива, но несколько более строгие: будет проводиться оценка уязвимости, на основе которой будет проектироваться система с такими компонентами, как сигнализация, детекторы, барьеры и средства связи.

³⁶ В соответствии с соглашением техническая помощь может быть оказана для «укрепления физической защиты береговых и морских объектов хранения ядерного топлива Тихоокеанского и Северного флотов ВМФ России», а также для «создания систем учета, контроля и физической защиты ядерных материалов на базах атомных подводных лодок и предприятиях ВМФ России». Английскую версию соглашения можно найти на сайте http://cns.miis.edu/db/niprofs/Russia/fulltext/doe_mpcadoe2000/mpca00en.htm.

³⁷ Эта программа была инициирована в рамках программы Совместного уменьшения угрозы – Cooperative Threat Reduction (CTR) (из которой также выросла программа ФЗУК ЯМ министерства энергетики США), и ее осуществлением с американской стороны занимается Defense Threat Reduction Agency, DTRA.

³⁸ За некоторыми исключениями, министерство обороны США испытывает все свое оборудование на специальных полигонах в России до его установки.

³⁹ United States General Accounting Office, Nuclear Nonproliferation. P. 40.

⁴⁰ Связанные с этим критерии оценки можно найти в: Shields John M. and Potter William C. Cooperative Assistance. Lessons Learned and Directions for the Future, in: Shields John M. and Potter William C. *Dismantling the Cold War. U.S. and NIS Perspectives on the Nunn-Lugar Cooperative Threat Reduction Program*, CSIA Studies in International Security. Cambridge: MIT Press, 1997. P. 386-405.

⁴¹ Sukhoruchkin Vladimir. Oral presentation given at the Institute of Nuclear Material Management 42nd Annual Meeting, July 16, 2001.

⁴² По словам директора Лос-Аламосской национальной лаборатории с 1986 по 1997 г. Зигфрида С. Хеккера, он всегда подчеркивал, что успех первоначальной программы межлабораторного сотрудничества в значительной степени был обязан духу доверия и дружбы, который удалось установить во взаимоотношениях между американскими и российскими физиками-ядерщиками. Los Alamos Science. *Russian-American Collaborations to Reduce the Nuclear Danger*. Los Alamos National Laboratory. No. 24, 1996. P. 3.

⁴³ В первые годы сотрудничества преобладал принцип «покупай все американское», и все задачи ставились перед национальными лабораториями США.

⁴⁴ Russian American Nuclear Security Advisory Council, Renewing the Partnership, p. 60, and Lambert David et al. Upgrades to the Russian Navy's Consolidated Storage Locations and Fuel Transfer Ships. *Proceedings of the 39th*

Annual Meeting of the Institute of Nuclear Materials Management, 1998.

⁴⁵ United States General Accounting Office, Nuclear Nonproliferation. P. 34.

⁴⁶ Department of Energy Press Release. Secretary Richardson Hails Completed Security Upgrades at Ceremony in Russian Far East. US R-00-226, September 1, 2000. energy.gov/HQPress/releases00/seppr/pr00226.htm.

⁴⁷ John Brook Wolfsthal, Cristina-Astrid Chuen, Emily E. Daughy (eds.). Nuclear Status Report, number 6, June 2001. Monterey Institute of International Affairs and the Carnegie Endowment for International Peace, p. 134.

⁴⁸ John Brook Wolfsthal, Cristina-Astrid Chuen, Emily E. Daughy (eds.). Nuclear Status Report, p. 146.

⁴⁹ United States General Accounting Office, Nuclear Nonproliferation. p. 34.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ GAO 2001.

⁵² Одним из примеров является августовское соглашение 2000 г., которое является «зонтичным» и наиболее далеко идущим, охватывающим и прошлое сотрудничество, и расширение объема работ за счет модернизации систем безопасности ядерных вооружений ВМФ.

⁵³ Включая документы на федеральном уровне (законы, приказы и различные требования) и на уровне ВМС (включая правила реализации ФЗУК ЯМ). Department of Energy. Partnership for Nuclear Security: United States/Former Soviet Union Program of Cooperation on Nuclear Material Protection, Control, and Accounting. September 1998.

⁵⁴ Например, министерству принадлежит «Севмаш», на котором строят большую часть атомных подводных лодок России. ВМФ России выделяет собственные силы для охраны военных баз. Все контакты с ФСБ осуществлялись через ВМФ без прямого взаимодействия с ФСБ в рамках программы.

⁵⁵ Shmelev Vladimir M. et al. Russian Navy Fresh Fuel MPC&A Training. *Proceedings of the Institute of Nuclear Material Management 40th Annual Meeting*, 1999. Материалы включают обзор учебного курса.

⁵⁶ Российская сторона сама представляла информацию, и стороны лишь согласовывали структуру базы данных. Основным подрядчиком являлся Институт им. Курчатова.

⁵⁷ Reistad Ole and Gussgard Knut. Russian Spent Marine Fuel as a Global Security Risk. Paper Presented at the International Conference on Security of Material Measures to Prevent, Intercept and Respond to Illicit Uses of Nuclear Material and Radioactive Sources. International Atomic Energy Agency (IAEA), Stockholm, Sweden, 7-11 May, 2001.

⁵⁸ Yurasov Nikolai, Rear Admiral of the Russian Federation Navy. Modernization of Navy Nuclear Fuel Storage Protection. *Proceedings of the Institute of Nuclear Material Management 40th Annual Meeting*, 1999.

⁵⁹ Lambert David et al. Upgrades to the Russian Navy's Consolidated Storage Locations and Fuel Transfer Ships.

Proceedings of the Institute of Nuclear Material Management 39th Annual Meeting, 1998.

⁶⁰ Sukhoruchkin Vladimir et al. United States – Russian Laboratory-to-Laboratory Cooperation on Protection, Control, and Accounting for Naval Nuclear Materials. *Proceedings of the Institute of Nuclear Material Management 37th Annual Meeting*, 1996.

⁶¹ United States General Accounting Office, Nuclear Nonproliferation. P. 33.

⁶² Например, контейнеры с ядерными материалами оснащаются штрих-кодом и пломбами, которые позволяют персоналу быстро проводить инвентаризацию и уменьшают возможность открытия контейнеров. United States General Accounting Office, Nuclear Nonproliferation. P. 12. В отношении других неинтрузивных мер прозрачности топлива для ВМФ см. Maerli Morten Bremer. Transparency Technologies and the Naval Nuclear Fuel Cycle. *Proceedings of the 42nd Annual Meeting of the Institute of Nuclear Material Management*, 2001.

⁶³ Potter William and Batsanov Sergui. U.S-Russian Relations: Practical Measures to Restore Nuclear Non-Proliferation Cooperation, in: Michael Baretta (ed.) WMD Threats 2001: Critical Choices for the Bush Administration. Monterey Nonproliferation Strategy Group, Center for Nonproliferation Studies, Monterey Institute of International Affairs, Occasional Paper No. 6. P. 13-16, and Loungo Kenneth N. The Uncertain Future of U.S.-Russian Cooperative Security. *Arms Control Today*. 2001. Vol. 31, No. 1, January/February.

⁶⁴ Loungo Kenneth N. The Uncertain Future of U.S.-Russian Cooperative Security. *Arms Control Today*. 2001. Vol. 31, No. 1, January/February.

⁶⁵ Gottemoeller Rose. Bureaucratic Balkanization: The Need for a Functioning Interagency Process, in: Michael Baretta (ed.) WMD Threats 2001: Critical Choices for the Bush Administration. Monterey Nonproliferation Strategy Group, Center for Nonproliferation Studies, Monterey Institute of International Affairs, Occasional Paper No. 6. P. 32.

⁶⁶ На основании ранних перспектив российско-американского сотрудничества, обрисованных в: Sukhoruchkin Vladimir et al. United States – Russian Laboratory-to-Laboratory Cooperation on Protection, Control, and Accounting for Naval Nuclear Materials. *Proceedings of the 37th Annual Meeting of the Institute of Nuclear Material Management*, 1996.

⁶⁷ Rose Gottemoelle. Bureaucratic Balkanization: The Need for a Functioning Interagency Process, in: Michael Baretta (ed.) WMD Threats 2001: Critical Choices for the Bush Administration. Monterey Nonproliferation Strategy Group, Center for Nonproliferation Studies, Monterey Institute of International Affairs, Occasional Paper No. 6. P. 32.

⁶⁸ См., например, Balatsky Galya. Sustainability Issues. Russian Aspects. Los Alamos National Laboratory, Report No. LA-UR-01-1683.

Книжные новинки

Начиная с этого номера «Ядерный Контроль» будет публиковать краткие обзоры недавно вышедших или готовящихся к публикации изданий, посвященных проблемам нераспространения и контроля над вооружениями.

CIRINCIONE JOSEPH, WOLFSTHAL JON B., RAJKUMAR MIRIAM. DEADLY ARSENALS: TRACKING WEAPONS OF MASS DESTRUCTION. Wash. D.C.: Carnegie Endowment for International Peace and Brookings Institution, 2002. 450 p.

СИРИНСИОНЕ ДЖОЗЕФ, ВОЛЬФСТАЛ ДЖОН Б., РАДЖКУМАР МИРИАМ. СМЕРТЕЛЬНЫЕ АРСЕНАЛЫ: ОТСЛЕЖИВАНИЕ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ. Вашингтон: Фонд Карнеги за международный мир и Институт Брукингса, 2002. 450 с.

По выражению Сьюзен Эйзенхауэр, Президента Института Эйзенхауэра, данное издание, которое выходит в свет в июне 2002 г., станет настоящей «энциклопедией распространения». В книге сделана попытка представить читателям как можно более всеохватное и в то же время подробное описание угроз, которые несет сегодня само существование оружия массового уничтожения в разных странах, а также исследовать успехи и неудачи различных стран в области его нераспространения. Получившийся в итоге «атлас нераспространения» включает в себя множество карт, схем и графиков, описывающих распространение ядерных, химических и биологических вооружений и ракетных средств их доставки.

Книга описывает вооружения и режимы по контролю над ними, а также текущее состояние вооружений в странах, которые владеют ОМУ, хотя бы завладеть им или уже отказались от него. Следует ожидать, что данное издание (наряду с недавно выпущенным ПИР-Центром двухтомным учебным пособием «Ядерное нераспространение») станет еще одной настольной книгой для всех, кто интересуется проблемами нераспространения.

THOMAS RAJU G. C., SARDESAI D. R. (Eds). NUCLEAR INDIA IN THE TWENTY-FIRST CENTURY. New York: St. Martin's Press, 2002. 336 p.

ТОМАС РАДЖУ, САРДЕСАИ Д.Р. (Ред.). ЯДЕРНАЯ ИНДИЯ В XXI ВЕКЕ. Нью-Йорк: Сент-Мартин Пресс, 2002. 336 с.

В книге сделана попытка провести еще одно исследование и предсказание политики и возможностей Индии в ядерной области в начале XXI века. Эксперты из США и Индии рассматривают стратегические, технологические, военные и экономические стороны ядерной стратегии Индии, а также пытаются прогнозировать ее возможные последствия. Необычная смесь различных точек зрения авторов книги дает экспертам по вопросам ядерного нераспространения в Южной Азии еще один интересный информационный и аналитический источник, касающийся проблем, вызванных ядерными испытаниями Индии и Пакистана 1998 г.

LOURIE RICHARD. SAKHAROV: A BIOGRAPHY. Waltham, Massachusetts: Brandeis University, 2002. 445 p.

ЛУРЬЕ РИЧАРД. САХАРОВ: БИОГРАФИЯ. Уолтхэм, Массачусетс: Университет Брандейс, 2002. 445 с.

В этой биографии замечательного физика, «отца советской термоядерной бомбы» Андрея Сахарова детали его жизни переплетены с фактами истории Советского Союза. Ричард Лурье анализирует не только его вклад в советскую науку и создание термоядерной бомбы, но также уделяет пристальное внимание его политическим действиям, основываясь на опубликованном материале, рассекреченных документах советских спецслужб, переписке и мемуарах Сахарова. Лурье прослеживает ранние годы Сахарова, повествует, как он был призван в 1948 г. для работы над водородной бомбой и награжден за это. Особое внимание в книге уделяется десятилетиям после смерти Сталина, когда Сахаров, говоря языком книги, стал «лидером оппозиции» военной и международной политики СССР. По мнению журнала *Library Journal*, книга предназначена для академических кругов, а также для людей, интересующихся историей советского ядерного проекта и жизнью этого выдающегося ученого.

ZARIMPAS NICHOLAS (Ed.). TRANSPARENCY IN NUCLEAR WARHEADS AND MATERIALS: THE POLITICAL AND TECHNICAL DIMENSIONS. (SIPRI Research Reports). Oxford: Oxford University Press, 2002.

ЗАРИМПАС НИКОЛАС (Ред.). ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ЯДЕРНЫХ БОЕГОЛОВОК И МАТЕРИАЛОВ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ. (Доклады СИПРИ.) Оксфорд: Оксфорд Университи Пресс, 2002.

Основные черты верификационных режимов и условия их создания и существования изучаются в специальной литературе уже долгое время. Исследования, представленные в этой книге, являются весьма заметным вкладом в общую дискуссию, так как рассматривают не только политические, но и технические вопросы и процедуры установления транспарентности ядерного оружия и материалов в государствах, обладающих ядерным оружием. Анализируются недавние инициативы в данной области, причем затрагивается не только диалог России и США в области контроля над вооружениями и безопасности, но и происходящее в других государствах, владеющих ядерным оружием. Дается обзор возможностей ядерных комплексов России и США по «необратимому уничтожению» ядерных боеголовок, рассматривается влияние увеличения транспарентности на международную безопасность. Дается подробный анализ возможностей обмена данными о ядерных арсеналах, проверки процесса уничтожения боеголовок, хранения и утилизации расщепляющихся материалов, мониторинга закрытия или конверсии ядерных объектов. В книге содержится также и подробная оценка возможной роли МАГАТЭ в данной области.

Yaderny Kontrol (Nuclear Control)
International Security. Arms Control. Non-Proliferation
Journal of the PIR Center for Policy Studies
Volume 8
Number 4, July-August, 2002

Editorial entitled «**The May Summits: Time to Gather Stones Together**» states, that «the Russian/American summit of May 2002, as well as coming about right after it session of the NATO-Russia Council and the Russia-European Union meeting, are of importance in a number of aspects.

The summits have confirmed the policy and (let's hope for the best) consolidated the efforts towards overcoming the confrontation between Russia and the Western states, typical of the XX and XXI centuries' boundary. In fact, they put an end to sharp discussions concerning the anti-missile defense and the North-Atlantic Alliance enlargement to the East. Antagonisms on these problems spoil the international climate in the course of the last several years. And realization by Russia of political and military "countermeasures" in response to the US going out of the ABM Treaty or the invitation of Lithuania, Latvia and Estonia to NATO could turn out to be a lingering serious crisis reminiscent the worst times of the Cold War.

Conceptual, legal and institutional basics of a new model of Russia's relations with the Western states have been laid, though partly. In this respect the Declaration on New Strategic Relationship Between the USA and Russia, setting up of the Russia-NATO Council, the Treaty on Strategic Offensive Reductions, the transformation of the U.S.-Russia Working Group on Afghanistan into the U.S.-Russian Working Group on Counterterrorism, formation by Russia and USA of an Consultative Group for Strategic Security, are of fundamental importance. Therewith, joint efforts aimed at counteraction to the international terrorism, proliferation of mass-destruction weapons and their delivery systems, are of particular significance, as well as the development of anti-missile defense.

The results of the May summits highlighted the vector of Russia's strategy on the world arena, have confirmed that just Vladimir Putin is the person, who determines its essential principles. In particular, there is a lot of reasons to suppose, that only political decisions of the President of Russia made it possible to surmount a number of barriers, which had blocked up the preparation of the Treaty on Strategic Offensive Reductions. This, in

its turn, allowed to highlight key points in the on-going in Russia discussion on the foreign policy and security issues.

The US approach to Russian/American relations fixed in the May agreements is of no less importance. Washington's interest to cooperation with Russia on a wide spectrum of the international security problems – from counteracting the international terrorism to environmental protection – has been clearly revealed. And it is hardly possible to be explained by the feelings of personal sympathy between the presidents Bush and Putin. To all appearances, they comprehend in Washington, that the new global situation, including the nature of threats typical of the beginning of the XXI century, dictates the necessity of concerted efforts, and – in perspective – allied relations with Russia. Evidently, the serious US concessions, first of all the very fact of signing the legally binding treaty, are accounted for that.

However, the May agreements are a necessary but far from being sufficient condition for the formation of new relations between Russia and the West. The contained in them potential should be realized. In other words, time has come "to assemble stones", littered in great number in the second half of 90's. Meanwhile, both in the West and, more particularly, in Russia there is a lot of people, who would like to depreciate the significance of the May summits, and moreover – to commit sabotage of the gained agreements. Not only the paranoiac mentality inherited from the totalitarian past, including the permanent pursuit of enemies and certain offstage "puppeteers", spinning the global plots, is behind that. Much more serious is the fact, that some influential groupings of bureaucracy and military leaders do not like or are not able to adapt themselves to the new conditions, to stop preparing to wars of the past and to focus on parry of real threats.»

In his article entitled «**A New Paradigm of the Russian-American Relations**» Yuri Fedorov states, that debates around the Treaty on Strategic Offensive Reductions, as well as attempts of the Treaty's evaluation from the viewpoint of "conventional" control for arms, aimed at securing of the "mutual guaranteed destruction", are becoming less and less linked with the reality

of the new relations between Russia and the USA. The present-day nuclear deterrence in the two states' relations can be called "post-confrontation". Its perspectives depend on the ability of the top leaders of Russia and the USA to overcome the influence of those forces and circles, which are by some reasons interested in the confrontation, to put on the first place the cooperation in those areas, where the both countries' interests coincide. The constructive evolution of its relations with the USA is of vital importance to Russia. The military & political confrontation with the USA and, therefore, with the West as a whole, would inevitably turn into a new arms race, taking away, as it had happened in the past, the country's very limited economical resources. Evidently, they realized rather clearly the perspective in Kremlin. Today the point is that the created by the May summit potential of new strategic relations between Moscow and Washington to be realized.

Vladimir Baranovsky, Dmitry Yevstafyev, Irina Zvyagelskaya, Emil Pain, Roland Timerbaev, Ivan Tyulin, Yuri Fedorov, taking part in a round-table discussion «**The International Terrorism: Preconditions, Ideology and Methods of Counteraction**», stressed, that the mass terror was a phenomenon far from being new. It was practiced from of old for religious, ideological, political and other purposes. It is executed by people, who feel acute dissatisfaction with the existing state of affairs, and who are convinced of the lack in the society of any mechanisms, making it possible to improve the situation in a non-violent way. But the events of September 11, 2001 exceed the "normal" framework. The action's preparation and commitment are evidence of a certain global challenge, new and unexpected, as far as its scale and character are concerned. Up to now politicians and scientists try to define reasons and goals, the terrorists strove for. And a lot of sharp questions can be put. Whether the events are the first manifestations of a new global conflict? If is so, what would be the conflict's social and ideological nature? Where do front lines of the approaching "World War-III" pass? What are the means and ways of fight against the international terrorist organizations and movements? The participants of the "round table" discussion held by the PIR-Center in spring 2002 answered the questions.

Robert J. Einhorn and Gary Samore in their article «**Heading off Iran's Bomb: the Need for Renewed U.S.-Russian Cooperation**» say, that the question of assistance by Russian entities to nuclear and missile programs in Iran has been one

of the most persistent problems in relations between Washington and Moscow over the last decade. It was an important focus of the recent summit meetings in Russia between Presidents Bush and Putin. With heightened concerns over proliferation in the wake of September 11 and movement well underway toward a fundamentally transformed U.S.-Russian relationship, there may now be an opportunity to resolve this matter. To be sustainable in Moscow, any solution must not be seen as undermining Russia's desire to have good bilateral relations with Iran or as damaging to Russia's economic interests. To be sustainable in Washington, it must be seen as reliably terminating all assistance to Iran's efforts to acquire nuclear weapons and long-range missiles. A compromise approach should be pursued. The U.S. should be prepared to "grandfather" Russia's sale of nuclear power reactors for the Bushehr project and to engage in bilateral cooperation with Russia in various nuclear and non-nuclear areas provided that Russia is willing to confine its nuclear cooperation with Iran to Bushehr and to insist that Iran accept rigorous means of ensuring that it will not acquire the fuel cycle capabilities needed to produce nuclear weapons. Such an approach would not only make a major contribution to heading off an Iranian nuclear weapons capability but would also reinvigorate a partnership between Washington and Moscow that will be necessary to the success of global nonproliferation efforts.

Roland Timerbaev in his commentary «**The 2005 Conference on Consideration of the Nuclear Weapons Non-Proliferation Treaty Implementation: How is Preparation to the Conference Going On**» tells of a session of the Preparatory Committee for the 2005 Conference of the NWNT implementation. The main subject of the session' agenda was the issue on the rates of the nuclear weapons reduction, i.e. on implementation by the nuclear states of the NWNT Art. VI, which binds them to carry on negotiations and, hence, to come to agreement, concerning the nuclear disarmament measures. On the end of the debates the chairman of the session made a statement, summing up their content. He stressed that the NWNT is a corner-stone of the non-proliferation regime and the basic foundation for continuation of efforts towards nuclear disarmament. He also pointed out the necessity of the Treaty's universalization and called upon Israel, India, Pakistan and Cuba to join the NWNT as non-nuclear states. At the session the emphasis was laid on multilateralism as the basic principle in the field of disarmament and non-proliferation. The necessity of seeking international agreements, which would meet the

current threats to peace and stability, was stressed. A support to the CNTBT was expressed, and an insistent request of ratifying the Treaty was advanced to those states, which had not yet done it, and more particularly – to the two remaining states possessing nuclear weapons (their ratification is a necessary precondition to the Treaty's coming into force). A hope was expressed, that the US/Russia negotiations, concerning the establishment of new strategic relations, would make for the international stability.

The statement was extensively supported by delegations. However, some representatives were discontented. The most number of remarks was given by the US delegation. A decision was taken, that two more sessions of the Preparatory Committee should be held – one of them in 2003 in Geneva and the other – in 2004 in New-York. The most of observers are inclined to a conclusion, that the Committee's session has come to the end relatively smoothly. It was also noted, that the nuclear states tried "not to touch" one another, to keep together or, in any case, not to move away from each other.

Vladimir Khlebnikov in his commentary «**The Supplementary Protocol to the Agreement Between the States and the IAEA on Safeguarding is Five Years**», reports that «five years ago, in May 1997, as a result of realization of the "93+2" Program, the IAEA Governing Board approved a Typical Supplementary Protocol, issued by the Agency with the INFCIRC/540 index as a standard for supplementary protocols to agreements on comprehensive safeguards on the INFCIRC/153 document.

The Typical Supplementary Protocol has given the IAEA some additional authorities and new important means for improvement of the effectiveness of the safeguards' implementation. It significantly enlarges the Agency's capabilities to check up not only probable facts of the declared materials deviation, but also the eventual presence of non-declared nuclear materials or activities, owing to the fact that the Protocol gives the Agency much wider rights of access to information, sites and other places the materials' location.

However, the rates of states' joining the Protocol cannot be considered to be satisfactory. That's why last time the IAEA Secretariat makes efforts aimed at its advancement, trying to realize as soon as possible the Protocol's potential for consolidation of the safeguards system.»

Anton Khlopkov in his review entitled «**The Education in the Field of Non-Proliferation: Time to Act**», states that «it is necessary to proceed from the axiom, that no investment (even the most lavish) into innovative hardware, providing the protection of sensible materials and weapons of mass destruction from non-sanctioned access and crawling away, is capable of guaranteeing a success without carrying on of full-scale education and training of both the personnel with direct access to these kinds of weapons, weapons-related components, materials and technologies, and the general public.

As to the nuclear weapons, having the highest destructive potential as compared to other kinds of WMD and, at the same time, being non-prohibited at the international level for a number of states pointed out in a related treaty, the following principle is particularly applicable: the risk of non-sanctioned access to such weapons, their components (chiefly – to nuclear materials) and technologies is minimized to the highest degree, but consequences of such (still not reduced to zero) non-sanctioned access are the most catastrophic.»

Morten Bremer Maerli in his article «**U.S.-Russian naval security upgrades: lessons learned and future steps**» reports, that «The pragmatic, coherent and flexible step-wise approach for the initial naval MPC&A-upgrades has provided a highly efficient way of solving access problems and to accomplishing results on sensitive facilities. The naval MPC&A may therefore provide an important "case-study" for fruitful working approaches at other sensitive facilities in the Russian nuclear weapon complex. Currently, however, unusual cooperative nuclear security program approaches are not held up to scrutiny except on a piecemeal or even accidental basis, since there is not a regular discussion of standards of policy implementation.

The results of the naval upgrades confirm that U.S. and Russian experts working together in a spirit of mutual respect and partnership can find their common language and, by combining their best ideas and efforts, can significantly reduce the risks of nuclear proliferation by improving systems of nuclear material protection, control, and accounting. As evidenced by the naval MPC&A-program, a flexible and less adversarial cooperative approach is likely to avoid many of the current problems other parts of the MPC&-program are facing, and will thus be more suitable for providing the long-term goals of sustained nuclear security all parties are looking for.»

Об авторах

Айнихорн Роберт Дж. (Robert J. Einhorn) – старший советник Программы международной безопасности Центра стратегических и международных исследований, где занимается широким кругом проблем нераспространения, контроля над вооружениями и других аспектов национальной безопасности. До поступления в Центр 29 лет находился на государственной службе в правительстве США. С ноября 1999 г. по август 2001 г. являлся помощником госсекретаря по вопросам нераспространения в госдепартаменте США, где отвечал за нераспространение ядерного, химического и бактериологического оружия, систем доставки ракет а также за усовершенствованные обычные вооружения. В 1992–1999 гг. был заместителем помощника секретаря в военно-политическом отделе госдепартамента, а с 1986 по 1992 г. – старшим советником в группе политического планирования. С 1972 по 1984 г. работал в Агентстве США по контролю за вооружениями и разоружению (АКВР), где занимался стратегическими вооружениями, ограничениями ядерных испытаний, контролем за химическим и бактериологическим оружием, нераспространением и другими вопросами безопасности. С 1982 г. по 1986 г. представлял АКВР на переговорах о сокращении стратегических вооружений (START). Автор нескольких публикаций по вопросам ракетно-ядерных вооружений, контроля за вооружениями и нераспространения. В 1969 г. он получил степень бакалавра с отличием по вопросам правительства в Корнельском университете, а в 1971 г. – степень магистра по общественным аспектам международных отношений в Школе Вудро Вильсона общественных и международных отношений при Принстонском университете. Он является членом Совета по внешним сношениям и Международного института стратегических исследований.

Барановский Владимир Георгиевич – заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, профессор Московского государственного института международных отношений МИД РФ. Родился в 1959 г. В 1973 г. окончил Московский государственный институт международных отношений. В 1975 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, в 1985 г. – доктора исторических наук. С 1975 г. занимал должности руководителя секции международной безопасности, руководителя отдела европейских исследований в ИМЭМО. Приглашенный профессор Institut d'Etudes Européennes, Université Libre de Bruxelles (1991) и Université de Rennes (1995). 1992–1997 гг. – старший научный сотрудник и руководитель проекта Стокгольмского международного института исследований проблем мира. Круг интересов: советская/российская внешняя политика, международная безопасность, европейская интеграция, контроль над вооружениями. Автор около 160 публикаций.

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич – старший научный сотрудник ПИР-Центра, член редколлегии *Научных Записок ПИР-Центра* и журнала *Ядерный Контроль*, директор программы «Внутренняя политика и безопасность России». Родился в 1966 г. В 1989 г. окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ. В 1993 г. получил ученую степень кандидата политических наук, защитив диссертацию в секторе военно-политических исследований Института США и Канады РАН (ИСКРАН). В 1992–1995 гг. занимал должность младшего научного сотрудника и научного сотрудника в ИСКРАН. С 1995 по 1998 г. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). В 1999–2001 гг. работал заместителем редактора журнала *Новая Россия* (в прошлом – журнал *Советский Союз*). В настоящее время – руководитель направления Компании развития общественных связей (КРОС). Соавтор двух монографий, автор ряда газетных статей и публикаций в научной и политической печати в России и за рубежом. Круг исследовательских интересов включает военно-политические аспекты национальной безопасности России, проблемы внешней и военной политики США, вопросы принятия решений в условиях кризиса и урегулирования конфликтов, военно-политические аспекты конфликтов на постсоветском пространстве Евразии. Член научного совета Национальной лаборатории внешней политики.

Звягельская Ирина Доновна – заведующая сектором Центра арабских исследований Института востоковедения РАН. Родилась в 1947 г. В 1970 г. окончила Ленинградский государственный университет. С 1991 г. – вице-президент Центра стратегических и политических исследований (до 1999 г. назывался Российский центр стратегических и международных исследований), с 2001 г. – профессор МГИМО, кафедра востоковедения. В 1976 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, в 1991 г. – доктора исторических наук, с 1995 г. – профессор. Круг научных интересов: конфликты и проблемы безопасности (в частности, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии).

Маэрли Мортен Бремер (Morten Bremer Maerli) является исследователем Норвежского института международных проблем в Осло (Норвегия). По образованию – физик с опытом как практической, так и исследовательской работы в области ядерной надежности и безопасности. С 1995 по 2000 гг. работал старшим исполнительным сотрудником в департаменте ядерной безопасности Норвежского управления радиационной защиты, где главной сферой его деятельности были физическая защита и учет ядерных материалов. В ходе этой работы он приобрел познания о регионе и опыт относительно состояния и практики хранения и обеспечения безопасности ядерных материалов, а также обращения с ними на северо-западе России. В дополнение к степени магистра физических наук получил степень бакалавра в Институте средств массовых коммуникаций Университета в Осло со специализацией по информации о рисках и прогнозированию радиационной опасности. В 1999–2000 гг. был приглашенным исследователем в Сандийской национальной лаборатории (Калифорния) и работал по совместительству в Центре международной безопасности и сотрудничества Стэнфордского университета, где занимался вопросами нераспространения ядерного оружия и предотвращения ядерного терроризма. В 1999 г. опубликовал книгу «Атомный терроризм».

Паин Эмиль Абрамович – директор Центра этнополитических и региональных исследований. Родился в 1948 г. в Киеве. В 1974 г. окончил Воронежский государственный университет. В 1983 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 1993–1995 гг. – руководитель Рабочей группы по национальной политике при президенте РФ, член Президентского совета. 1995–1996 гг. – заместитель начальника Аналитического управления президента РФ. 1996–1999 гг. – советник президента РФ. С 2001 г. Руководитель Центра по изучению ксенофобии и предотвращению экстремизма. Института социологии РАН. Автор и соавтор монографий и статей в отечественной и зарубежной печати.

Сеймур Гэри (Dr. Gary S. Samore) – старший научный сотрудник по вопросам нераспространения в Международном институте стратегических исследований в Лондоне. В 1996–2000 гг. работал специальным помощником президента США Билла Клинтона и старшим директором по вопросам нераспространения и экспортного контроля в Национальном совете

безопасности. С 1987 по 1995 г. занимал различные посты в госдепартаменте, включая должности заместителей посла по особым поручениям по корейским вопросам и Директора управления региональных проблем нераспространения, а также специального помощника посла по особым поручениям, отвечающего за вопросы нераспространения и энергетики. В период государственной службы в правительстве США он активно занимался вопросами нераспространения на Среднем Востоке, в Южной и Восточной Азии, также работал в корпорации РЭНД и Национальной лаборатории Лоренса Ливермора. В 1984 г. окончил Гарвардский университет, получив степень доктора по вопросам правительства.

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), старший советник ПИР-Центра. В 1949 г. окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982). С 1949 по 1992 г. – в МИД СССР. Последняя должность в МИД: постоянный представитель СССР/России при международных организациях в Вене (1988–1992). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра политических исследований. Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968». М.: Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000. Автор двух глав учебного пособия для студентов вузов «Ядерное нераспространение». 1-е и 2-е изд. М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000 и 2002. Соавтор: справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2001; монографии «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2001 и работы «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы», *Научные Записки ПИР-Центра*, №17, 2001.

Тюлин Иван Георгиевич – первый проректор Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университета) МИД РФ. Родился в 1947 г. в Москве. В 1970 г. окончил Московский государственный институт международных отношений. С 1970 по 1976 г. – помощник ректора МГИМО, с 1976 по 1990 г. – директор Центра международных исследований МГИМО, с 1990 по 1992 г. – проректор по научной работе МГИМО. В 1973 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, в 1990 г. – доктора политических наук, с 1992 г. – профессор. Дипломатический ранг: Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Является членом Административного совета Российской ассоциации политических наук (Москва), Комиссии по истории международных отношений (Международный комитет по истории, Милан), Международной академии информатизации (Москва), Международной академии наук (Мюнхен), Российской академии военных наук (Москва), Международной академии наук высшей школы (Москва), Комитета по международным отношениям Европейского консорциума политических исследований, редакционной коллегии журнала по международным отношениям *Global Society* (Лондон), Международного редакционного совета французского журнала *Strategie*. Автор и соавтор монографий и статей в отечественной и зарубежной печати.

Федоров Юрий Евгеньевич – заместитель директора ПИР-Центра, член Совета ПИР-Центра. Окончил физический факультет МГУ. Кандидат исторических наук, профессор. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 г. перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В течение двух лет возглавлял авторский коллектив и является автором ряда глав в ежегодных Докладах о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, публикуемых Программой развития ООН. Соредатор и автор ряда глав в трех книгах, подготовленных в рамках проекта Национального оборонного колледжа Швеции, посвященных отношениям России – НАТО, влиянию недавних выборов на внешнюю политику России и отношениям России и Европы. Ряд научных работ посвящен энергетическим аспектам безопасности, в частности, в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России», *Научные Записки ПИР-Центра*, № 16, ноябрь 2001.

Хлебников Владимир Николаевич – атташе, Департамент по вопросам безопасности и разоружения МИД России. Родился в 1980 г. в г. Москве. В 2001 г. окончил МГИМО. Круг научных интересов: нераспространение ядерного оружия, деятельность МАГАТЭ.

Хлопков Антон Викторович – директор образовательных проектов ПИР-Центра, научный сотрудник ПИР-Центра, член рабочей группы по нераспространению и экспортному контролю Консорциума «Партнерство во имя мира». Родился в 1978 г. В 2001 г. окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ). Тема магистерской диссертации «Российско-иранское сотрудничество в области атомной энергетики и проблема нераспространения: технические и правовые аспекты». Сфера научных интересов – региональные особенности нераспространения оружия массового уничтожения. Автор ряда научных статей, опубликованных в изданиях *Вопросы безопасности*, *Независимое военное обозрение*, *Проблемы нераспространения*, *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*, *Yaderny Kontrol Digest*. Соавтор (совместно с В.А. Орловым и Р.М. Тимербаевым) монографии «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия», изданной ПИР-Центром на русском и английском языках в декабре 2001-го и январе 2002 г. соответственно, автор монографии «Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях», *Научные Записки ПИР-Центра*, № 18, 2001.